

О.В. Горбачев, Д.Г. Лин

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

(СЕРЕДИНА XX — НАЧАЛО XXI В.)

Монография

КНОРУС • МОСКВА • 2013

УДК 314(075.8)
ББК 60.70я73
Г67

Рецензенты:

В.А. Ильных, д-р ист. наук,
Л.Н. Славина, д-р ист. наук, проф.

Горбачев О.В.

Г67 Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации (середина XX — начало XXI в.) : монография / О.В. Горбачев, Д.Г. Лин. — М. : КНОРУС, 2013. — 168 с.

ISBN 978-5-406-02912-1

В монографии на широком источниковом материале впервые проводится сравнительный анализ демографических изменений в сопредельных областях России и Белоруссии за последние полвека. Показано влияние процесса урбанизации на состояние народонаселения. Выявлены межтерриториальные различия в демографической динамике, определены их причины. Дана оценка перспектив демографического развития приграничных регионов двух государств.

Исследование представляет интерес для историков, демографов, географов, а также всех, кто интересуется проблемами исторической демографии.

**УДК 314(075.8)
ББК 60.70я73**

Горбачев Олег Витальевич
Лин Дмитрий Григорьевич

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ (СЕРЕДИНА XX — НАЧАЛО XXI В.)**

Сертификат соответствия № РОСС RU. АЕ51. Н 16208 от 04.06.2012.

Изд. № 6129. Подписано в печать 14.01.2013. Формат 60×90/16.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 8,07. Тираж 300 экз. Заказ № 100.

ООО «КноРус».

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а, стр. 1.

Тел.: (495) 741-46-28.

E-mail: office@knorus.ru <http://www.knorus.ru>

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография».

140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а.

Тел.: 8 (496) 618-69-33, 618-60-16. E-mail: bab40@yandex.ru

ISBN 978-5-406-02912-1

© Горбачев О.В., Лин Д.Г., 2013
© НОЧУ ВПО «Уральский институт
фондового рынка», 2013
© ООО «КноРус», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. К вопросу об итогах и перспективах урбанизации на постсоветском пространстве	10
2. Российско-белорусское пограничье: общая характеристика	18
2.1. Территория пограничья	18
2.2. История	20
2.3. Конфессиональный состав	23
2.4. Формы и условия взаимосвязей населения пограничья	28
3. Система расселения и условия хозяйственного развития	32
3.1. Проблема типологии и направления эволюции.	32
3.2. Поселенческие и хозяйственные особенности областей пограничья	37
3.2.1. Псковская, Смоленская и Брянская области	37
3.2.2. Витебская, Могилевская и Гомельская области	47
4. Динамика численности и естественное воспроизводство населения в условиях урбанизации	53
4.1. Городское и сельское население	53
4.2. Общие темпы прироста (убыли) населения	57
4.3. Рождаемость	61
4.4. Смертность	67
4.5. Естественный прирост	71
5. Причины и характер миграции	77
5.1. Причины миграции в города и миграционная мотивация	77
5.2. Особенности миграции по возрасту и полу	87
5.3. Динамика миграции.	99
6. Деформирование половозрастной структуры населения пограничья	104
6.1. Механизм деформирования половозрастной структуры в 1945—1958 гг.	104
6.2. Аграрная политика и деформирование половозрастной структуры сельского населения пограничья в 1959—1970 гг.	112

6.3. Динамика деформирования половозрастной структуры после 1970 г.	116
6.4. Исследование количественных и структурных изменений в составе контингента населения, подвергнутого деформированию половозрастной структуры.	120
6.4.1. Общие замечания	120
6.4.2. Динамика численности контингента населения в трудоспособном возрасте	123
6.4.3. Динамика соотношения полов в составе контингента населения в трудоспособном возрасте	128
7. Брачно-семейное и репродуктивное поведение в регионах пограничья	131
7.1. Брачная структура населения в городской и сельской местности пограничья	136
7.2. Женское репродуктивное поведение в территориальных группах белорусского пограничья	143
Заключение	153
Литература	157

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «российско-белорусское пограничье» имеет несколько составляющих. С одной стороны, речь идет о границе этнического взаимодействия, с другой — о межгосударственной границе. К сегодняшнему дню сложилась определенная традиция этнографического изучения пограничья, хотя она и не может похвастаться большим количеством работ¹. Этнографический анализ предполагает рассмотрение региональных особенностей демографической, языковой, конфессиональной ситуаций, изучение ландшафтов, архитектурно-планировочной и обрядовой специфики.

В отличие от этнографического взгляд на российско-белорусское пограничье с точки зрения наличия межгосударственных границ является сравнительно новым. Он добавляет к перечисленным аспектам изучения политическую составляющую, неминуемо ставя вопрос о степени обусловленности межэтнического взаимодействия факторами политического происхождения. Различия политического характера, наблюдаемые по разные стороны границы, могут проистекать из разных приоритетов политических элит в демографической, конфессиональной и других перечисленных сферах. Несмотря на то что государственное разграничение России и Беларуси произошло относительно недавно, можно вести речь о различиях в формах политического поведения, складывании разных типов политической культуры. Более того, если в 1990-е гг. еще можно было констатировать наличие единого разделенного социума, существовавшего по разные стороны границы, то в начале XXI в. есть смысл говорить о наличии отдельных российского и белорусского сообществ. Такое положение дел совершенно объективно и определяется неизбежно нарастающими различиями не только в политической, но и в экономической, социальной и культурной сферах, часто вне зависимости от воли политических элит и граждан новых государств.

Привычные направления сравнительного этнографического анализа при рассмотрении происходящих в пограничье процессов поэтому неизбежно нуждаются в уточнении. Словосочетания «российско-

¹ Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование : монография / отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М., 2005; *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX века) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 116—122, а также материалы электронной коллекции «Россия и Беларусь»: этнокультурный диалог. URL: <http://by.ethnology.ru/win/border.htm>

белорусское взаимодействие» и «взаимодействие России и Беларуси» звучат по-разному. Очевидно, что во втором случае характер взаимодействия совершенно не обязательно носит межэтнический характер. Глобализация способствует размыванию мононациональных социумов, хотя и не отменяет национальных государств (часто даже, наоборот, укрепляет их). И поэтому разговора о межгосударственном пограничье с применением только этнологического понятийного аппарата (например, об этнической диффузии) недостаточно. С углублением процессов глобализации этнографам, как ни прискорбно, все труднее будет находить предмет для своих научных поисков.

С учетом изменившегося состояния российско-белорусского пограничья нуждается в уточнении и содержание предмета анализа. Зачем надо изучать пограничье? Для этнографов ответ очевиден: на границе этносов более отчетливо проявляется степень устойчивости тех или иных национальных элементов, определяется характер этнической диффузии, в результате взаимодействия формируются новые субэтнические структуры, в свою очередь весьма интересные для изучения.

Рассмотрение пограничья в исторической ретроспективе способно сделать восприятие происходящих в нем процессов более объемным, дать представление об их динамике и перспективах. К тому же историки в последнее время все реже склонны ограничивать себя изучением одного или нескольких аспектов прошедшей действительности, их интересует максимально широкий круг вопросов, фактов, явлений, имеющих отношение к исследуемому региону. Именно поэтому этнографический анализ в историческом исследовании вполне органично может соседствовать не только с географическим, но и с политическим, экономическим, демографическим и т.п.

В этой ситуации исследователь получает возможность максимально учитывать новые реалии, выделять наиболее актуальные сюжеты в научном поиске. Не отменяя необходимости продолжения этнографического изучения пограничья, отметим, что новый, межгосударственный статус этой территории формирует другие исследовательские запросы: насколько серьезны препятствия для взаимных контактов, появившиеся с возникновением новых границ в 1991 г.? Совместимы ли управленческие и хозяйственные модели в сопредельных областях разных государств? Можно ли по-прежнему говорить о существовании особого приграничного социума в российско-белорусском пограничье, сложившегося еще в советские годы? Наконец, насколько эффективно пограничье способно играть роль проводника интеграции?

С этими мыслями мы приступили к изучению демографического развития российско-белорусского пограничья во второй половине

XX — начале XXI в. Привлекательность сюжета состоит как раз в том, чтобы изучить динамику основных процессов в населении региона в советские годы и сопоставить ее с данными последних лет. Таким образом, появляется возможность выявления как событий глобального характера, формировавших облик народонаселения на этой территории, так и последствий ситуативных воздействий, проявлявшихся как до, так и после провозглашения государственного суверенитета обоих государств.

Демография занимается рождаемостью и смертностью населения, анализирует его половую, возрастную и брачную структуры, рассматривает миграционные процессы. Все эти сюжеты актуальны и при изучении демографического состояния российско-белорусского пограничья. При этом мы не собираемся ограничиваться демографической статистикой. Не менее интересно определить основные факторы демографических изменений и специфику их проявления в регионе. Представляется, что на протяжении последнего полувека на демографическое развитие пограничья оказывали влияние, **во-первых**, исторически сложившиеся в регионе поселенческие и хозяйственные структуры, **во-вторых**, традиционные модели демографического поведения, **в-третьих**, последствия Великой Отечественной войны, **в-четвертых**, процессы урбанизации и, **в-пятых**, мероприятия текущей политики.

Нетрудно заметить, что первые три фактора носят относительно статичный характер. Напротив, четвертый и пятый в основном сообщают динамику демографическим процессам. Проблема в том, что вычленив влияние какого-то одного фактора в большинстве случаев достаточно трудно, так как сами факторы проявляются не изолированно.

Наиболее сильным по степени воздействия видится процесс урбанизации, что и определило общую тональность нашего исследования. Очень часто под урбанизацией подразумевают только рост городов, что не совсем верно. Мы склонны придерживаться достаточно универсального определения, предложенного Ю.Л. Пивоваровым еще в начале 1970-х гг.: «Для урбанизации в широком смысле характерны процесс концентрации, интенсификации и разнообразия несельскохозяйственных функций, распространение городского образа жизни, прогрессивных форм расселения, развития общения, городской культуры»¹. Как для России, так и для Беларуси в XX в. основным содержанием процесса урбанизации стал форсированный переход общества из сельского состояния в городское («урбанизационный переход»). В его основе

¹ Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация : сущность, факторы и особенности изучения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972. С. 13.

лежала «догоняющая» индустриализация. Специфика процесса определялась преобладанием крестьянского населения, общей технико-экономической отсталостью страны, авторитарной системой власти. Именно эти факторы обусловили «конфликтность» урбанизационного перехода, а базовая общественная нестабильность была скомпенсирована жесткой государственной системой. Советская общественная модель стала, таким образом, «формой трансформации традиционного российского общества в индустриальное и городское»¹.

Демографические изменения стали важной составной частью процесса урбанизации. Следует отдавать себе отчет в том, что хотя в основном они носили объективный характер, серьезное влияние на изменение количественного и качественного состава населения оказывала политика властей. В советских условиях приверженность представителей руководства к простым решениям приводила, как правило, к неоправданному форсированию естественных процессов. Именно это обстоятельство нередко придавало российской урбанизации разрушительный характер.

Наиболее значимыми явлениями, определившими демографическое состояние советского общества в послевоенные десятилетия, стали сокращение рождаемости и смертности (как проявление «городского типа» воспроизводства населения), половозрастные диспропорции (и как одно из последствий войны, и как результат непродуманной политики), масштабная миграция сельского населения в города, приведшая к депопуляции села.

В 1990-е годы исследователи были склонны абсолютизировать негативное значение политических решений. В этом сказалась привычная с советских времен склонность к политизации истории. Не отрицая негативных последствий субъективных решений, мы тем не менее склонны полагать, что они довольно часто были своеобразным проявлением урбанизации «по-советски», через них реализовывались представления власти о путях индустриализации в российских условиях. С другой стороны, было бы неверно чрезмерно «объективизировать» политику глобальными процессами. Логика действий политических лидеров зависит от их политических представлений, уровня образования, особенностей характера и т.п. Именно поэтому мы посчитали нужным выделить политические решения в качестве отдельного фактора, влиявшего на демографическое состояние региона. Так, решения, приведшие к распаду прежде единой страны и определившие новый статус Беларуси и России, трудно рассматривать лишь в качестве проявления некоей глобальной закономерности.

¹ Сенявский А.С. Российский город в 1960—1980-е годы. М., 1995. С. 4—5.

Если исходить из перечня демографических изменений, можно сделать вывод, что резкое противопоставление советского и постсоветского периодов в демографическом развитии Беларуси и России (как и региона пограничья) неуместно. В результате суверенизации изменилось содержание лишь некоторых из них: появились новые источники политических решений, постепенно стали меняться местные хозяйственные структуры. Все прочее пока осталось в неприкосновенности. Анализ новых тенденций по обе стороны границы позволит понять, насколько стабильно такое положение вещей и где перспективы решения демографических проблем более оптимистичны.

Выбор хронологических границ исследования (вторая половина XX в.) продиктован следующими соображениями:

- в послевоенные годы противостояние города и села вступило в решающую фазу, а урбанизация привела к серьезнейшим качественным изменениям в численности и структуре сельского населения;
- привлечение достаточно противоречивых статистических данных довоенного и военного периодов серьезно осложняет задачу многофакторного демографического анализа, а вычленение урбанистической составляющей видится в этом случае делом почти невозможным;
- демографическая статистика стала доступной (главным образом материалы переписей населения);
- появилась возможность корректного сопоставительного анализа статистических данных советского и постсоветского периодов.

Что касается использования названий «Беларусь» и «Белоруссия», то мы предполагаем это делать исходя из словоупотребительной практики, действовавшей в период, к которому относятся приводимые в работе данные. То есть если речь идет о советском времени, то более корректны названия «Белоруссия», «Белорусская ССР» (аналогично — «Россия», «РСФСР»), а для постсоветских лет, равно как и для характеристики региона в целом, более уместно современное название государства — Беларусь.

1. К ВОПРОСУ ОБ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ УРБАНИЗАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Поскольку урбанизация в границах бывшего СССР выступает в качестве одного из основополагающих факторов демографических изменений, она нуждается в дополнительной характеристике. И Россия, и Беларусь в течение нескольких десятилетий находились под влиянием советской урбанистической модели. И поэтому мы считаем возможным говорить об общем характере связанных с этим процессом проблем и о неизбежной схожести вариантов его дальнейшего развития.

Проблема отечественной урбанизации в XX в. в последние годы активно обсуждается специалистами, особенно российскими. В силу своего очевидного междисциплинарного характера она интересует представителей разных отраслей знания, в первую очередь географов, демографов, социологов, историков. Предметом интереса являются необходимость и характер урбанизации, ее специфические особенности, последствия и перспективы. Результатом заочной дискуссии стало признание объективной обусловленности процесса, его крайней интенсивности в советских условиях и, как результат, серьезных деформаций, наблюдаемых в системе расселения и облике городов¹. Многие авторы при этом небезосновательно полагают, что урбанизация стала одним из главных проявлений модернизации. Среди основных аспектов урбанизации принято выделять поселенческий, демографический, экономический и социальный. При этом поселенческая составляющая вполне убедительно описывается схемой эволюции расселения Дж. Джиббса²; в основе демографической составляющей лежат категории «демографический переход» и «демографическая революция»;

¹ Ахиезер А.С. Дialeктика урбанизации и миграции в России // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1; Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // *Иное*. Т. 1. М., 1995; Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). Т. 1—2. СПб., 1999; Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 1; Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003; Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа. М., 2009 и др.

² См. подробнее, напр.: Мазур Л.Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. С. 35.

экономическая предполагает анализ соответствующих структурных трансформаций; социальная рассматривает изменение образа жизни людей и формирование иного типа личности¹. Поскольку все перечисленные изменения описываются теорией модернизации, нет ничего удивительного в том, что анализ урбанизации в рамках одного из направлений при выборе макрообъяснительного подхода чаще всего делает исследователя адептом модернизационной теории. Немаловажно, что рассматриваемые процессы роднят между собой эволюционный характер развития, универсальность проявления и возможность верификации с помощью различных исследовательских методик.

Сложившаяся общность в оценке советской и постсоветской урбанизации не избавляет, однако, от необходимости ее дальнейшего изучения. Дело в том, что урбанизация все еще далека от завершения, а деформации в ее ходе, относящиеся преимущественно к советскому периоду, по-прежнему активно влияют на жизнь государств в пределах бывшего СССР.

Популярная в 1960—1970-е гг. в зарубежной науке дезурбанистическая концепция (гибель города и «сельское возрождение» как итог нынешнего этапа развития)² практически не отразилась на состоянии отечественных разработок. Урбанизация воспринимается как безальтернативный процесс. В этом едины как советские, так и нынешние российские исследователи, что неудивительно, если принять во внимание огромные пространства страны и слабость коммуникаций.

Между разными поколениями специалистов намечилось совпадение во взглядах еще по одному пункту: в подчеркивании особого характера урбанизации в СССР и России, правда, с противоположных позиций. Если в советские годы говорилось об особой «социалистической» урбанизации, то после распада СССР с подачи А.С. Ахиезера получила распространение идея «псевдоурбанизации»³. Речь шла о несоответствии советской модели городского развития закономерностям глобальной урбанизации в силу того, что города в России «не превратились в центры инновационной деятельности либерального типа», существовали «как некоторый необходимый придаток производства, некоторая „тара“ для размещения персонала» и что урбанизация «формировалась не столько на основе спонтанного развития товарно-денежных отношений, сколько на основе принудительной перекачки

¹ Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html

² Мазур Л.Н. Указ. соч. С. 29.

³ Ахиезер А.С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 28.

ресурсов государством, на основе натурального хозяйства»¹. Проблема качества городского развития, весьма убедительно сформулированная, нашла отклик у целого ряда авторов, включая А.Г. Вишневого, В.Л. Глазычева и других.

Выдвинутая в контексте цивилизационного подхода и вполне органичная для 1990-х гг., идея А.С. Ахиезера сейчас не может не вызывать вопросов. Термин «псевдоурбанизация», звучащий как диагноз, не позволяет оценить динамику и перспективы процесса. Именно поэтому в последнее время он употребляется редко, и больше под влиянием высокого научного авторитета автора². Специфичность и проблемность советской урбанизации и сегодня никто не отрицает, но при этом все больше специалистов склоняются к мысли, что сегодня по мере развития модернизационного процесса «болезни роста» постепенно изживаются. Одним из первых это предположил А.С. Сенинский, заявив, что «в 1960—1980-е гг. накапливались и интегрировались социальные изменения, определившие новое общественное лицо горожанина по сравнению с предшествующими периодами»³. Г.М. Лаппо и П.М. Полян полагают, что «несмотря на специфические особенности российских городов, резко отличающие их от европейских, урбанизацию в России на высоком уровне обобщения можно считать сходной по основным стадиям с мировой урбанизацией»⁴. В целом разделяющий эту точку зрения А.И. Трейвиш приводит другую мысль тех же авторов: в России «города, как подростки-акселераты, росли, не успевая созреть»⁵. Тем не менее подростки в конце концов взрослеют, а молодые города со временем обрывают необходимыми функциями.

С выводами о глобальной обусловленности процесса урбанизации в основном солидарна и белорусская урбанистика. Здесь, однако, необходимо отметить некоторые местные особенности восприятия процесса. Сравнительно поздняя урбанизация в Белорусской ССР избавила республику от многих негативных последствий, связанных с форсированным ростом городов в годы первых пятилеток. Уже по одной этой причине вопрос о «псевдоурбанизации» здесь был менее актуален, чем в России. Кроме того, компактная территория и от-

¹ Ахиезер А.С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 28.

² См., напр.: Карпов А.Р. Урбанизация и советский город (1960—80-е годы) // Запад — Россия — Кавказ: межвуз. научно-теоретический альманах. Вып. 2. М.; Ставрополь, 2003.

³ Сенинский А.С. Российский город в 1960-е — 1980-е годы. М., 1995. С. 248.

⁴ Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/prostranstvo_goroda/results_urbanizatsii

⁵ Трейвиш А.И. Указ. соч. С. 281.

сутствие выраженной сырьевой составляющей в местной экономике позволили сформировать более гармоничную городскую среду. И если для российских исследователей необходимость и одновременно невозможность освоения огромной территории нередко приобретают значение фатума, то белорусское научное сообщество может себе позволить более спокойный анализ, когда концепт «урбанизация» используется преимущественно в инструментальном ключе — как правило, в связи с анализом демографических и поселенческих процессов¹.

В урбанистических исследованиях постсоветского периода обычно отмечается, что особый характер российской урбанизации в XX в. имел причиной гипертрофированное развитие промышленности. В этом перекосе усматриваются неверно взятые политические и идеологические ориентиры. Однако географы обращают внимание еще и на расселенческие особенности огромной страны, в которой города возникали прежде всего как опорные центры освоения прилегающей территории с изначально заданным ограниченным набором функций. Их «недоразвитие» было предопределено и монофункциональностью, и очаговой концентрацией рабочей силы². Признавая убедительность этой аргументации, необходимо также заметить, что полувоенный «острожный» тип освоения, характерный для XVII—XVIII вв., примерно со второй половины XIX в. сменился чисто экономическим (или «внутренним»), направленным в первую очередь не на расширение границ, а на освоение природных ресурсов. Этот тип был преобладающим и в течение следующего, XX в. Недостаток государственных ресурсов замедлял рост новых городов, консервировал однобокий характер их развития. Таким образом, в советские годы получила продолжение обычная для досоветской России практика городского развития, а в вину советской власти можно поставить лишь то, что большинство советских лидеров, убаюканное впечатляющими цифрами роста рядов рабочего класса, не видело проблемы в одностороннем характере развития новых городов.

От советского к постсоветскому периоду менялось восприятие приоритетов урбанизации и степени государственного влияния на этот процесс. В советское время за государством признавалась исключительная роль в деле формирования сети и облика новых город-

¹ Вот некоторые значимые публикации белорусских исследователей последнего периода: Красовский К. К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ. Брест, 2004.; Манак Б. А., Антипова Е. А. Экономико-географический анализ демографической ситуации и размещения населения Республики Беларусь. Минск, 1999; Ридевский Г. В. Городские поселения Республики Беларусь: новые преобразования и основные демографические показатели // Геогр. : проблемы выкладки. 2006. № 1.

² Лаппо Г. М., Полян П. М. Указ. соч.

ских центров. Это выразилось в последовательном появлении в 1960—1980-е гг. нескольких концепций расселения, главными из которых были теория групповых систем населенных мест (ГСНМ) (В.Г. Давидович, Ф.М. Листенгурт, А.М. Лола), концепция единой системы расселения (ЕСР) (Б.С. Хорев) и теория опорного каркаса расселения (ОКР) (Г.М. Лаппо, П.М. Полян, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш). Для ранних концепций было характерно не только признание ведущей роли государственной политики в городском развитии, но и подчеркивание определяющей роли производственного фактора. В более поздних теориях ввиду очевидных трудностей с закреплением населения в районах нового освоения производственная составляющая уже не акцентировалась. Постепенно приходило и осознание невозможности сплошного освоения территории страны с помощью имевшихся в наличии ресурсов. В теоретическом плане это нашло отражение в появлении концепции опорного каркаса расселения.

Начиная с 1990-х гг., когда перестали появляться новые города и, более того, началась деградация уже имеющихся, географическая урбанистика претерпела дальнейшую эволюцию. Постепенное развитие рыночной экономики и ограничение государственного вмешательства способствовали утверждению концепции саморазвития городских систем, в том числе с использованием понятийного аппарата синергетики¹. При этом нашлось место и более сбалансированному традиционному взгляду, в соответствии с которым в процессе агломерирования (т.е. уже на достаточно высокой стадии городского развития) взаимодействуют два начала — территориальное и отраслевое. Иными словами, самоорганизация дополняется внешним воздействием².

Характерно, что в основе новых построений лежит теория «центральных мест» В. Кристаллера, на базе которых в свое время были созданы концепции ЕСР и ОКР. Это обстоятельство, а также то, что некоторыми авторами в последние годы упоминается модифицированная концепция ГСНМ как возможный ориентир для оценки характера развития системы расселения³, говорит как об относительности различий между географическими концепциями, так и о солидности накопленного в советские годы теоретического багажа.

¹ См., напр.: *Шупер В.А.* Синергетический подход к российской урбанизации. URL : <http://spkurdyumov.narod.ru/ShuperSlava.htm> ; *Важенин А.А.* Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997.

² *Лаппо Г.* Городские агломерации СССР — России: особенности динамики в XX веке. URL : <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1924&ids=154>

³ Там же.

С осознанием исключительного влияния человеческого фактора на городское развитие круг урбанистических исследований постепенно расширялся, прежде всего за счет социологических и демографических работ. Их отличительной чертой стала оценка качества урбанизации с точки зрения доступности социальных благ, возможности повышения качества жизни. Именно эти критерии выдвигает, например, Ж.А. Зайончковская, говоря об урбанизации как несомненно прогрессивном процессе¹. Приоритеты социального развития анализирует А.Г. Вишневский². Социокультурный контекст российской модернизации и урбанизации изучает О.Л. Лейбович³. Те же аспекты, но в применении к Беларуси, рассматривает И.Н. Шаруха⁴. С наиболее же радикальных позиций выступает Ю.Л. Пивоваров. Он считает, что «глухота» географов к идеям о первостепенной роли человека в процессе урбанизации сыграла свою роль в кризисе российского города, и выдвигает «антропокультурную парадигму» российского городского развития⁵.

Вообще, в спектре сегодняшних оценок состояния российской урбанизации суждения Ю.Л. Пивоварова и Ж.А. Зайончковской выглядят наиболее жестко. Оба исследователя употребляют термин «кризис». В то же время озабоченность перспективами городского развития в той или иной мере демонстрируют все авторы. С одной стороны, требует решения проблема «недоразвитости» многих российских городов (слово «моногород» основательно прописалось в средствах массовой информации), с другой — «демографическая слабость» России⁶, свидетельствующая об исчерпании ресурсов дальнейшего городского роста. Это означает, что у большого количества появившихся в XX в. городских поселений шансы вырасти до многофункционального города невелики, и наиболее уязвимыми здесь оказываются районы, находящиеся в экстремальных климатических условиях. Ситуация хотя и тревожная, но не критическая. Нелишне вспомнить, что основное население создававшихся в советские годы городов — рабочие градообразующего предприятия, при организации которого недостаток передовых технологий компенсировали избытком рабочих рук.

¹ Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию.

² Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

³ Социокультурный контекст отечественных модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М., 2000. С. 88—102.

⁴ Шаруха И.Н. Культурно-географические особенности городского расселения Беларуси и их влияние на городскую культуру. URL : http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Geographia/18668.doc.htm

⁵ Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представления и реальность. С. 112.

⁶ Термин введен Ж.А. Зайончковской.

При неизбежной интенсификации добычи природных ресурсов либо их переработки потребность в рабочей силе сокращается и «города-эфемеры»¹ вытесняются вахтовыми поселками, достаточно широко распространенными в странах с суровым климатом.

Более серьезная опасность кроется в запустении староосвоенных районов. Эта проблема равно актуальна как для России, так и для Беларуси. Для ее решения необходимо создание новых городов, способных выступать организующими центрами для прилегающей территории, в том числе с позиций обеспечения деятельности агропредприятий, влияния на инфраструктуру и т.п. Дефицит такого рода поселений (численностью от 100 тыс. человек) является очень значительным и для России оценивается в 64 города².

В последние годы новую жизнь получила критикуемая прежде идея «сверхурбанизации». Примечательно, что в ее пользу высказываются и географы, и сторонники «антропокультурного» подхода. С точки зрения теоретиков пространственного развития, дальнейший рост крупных городов будет способствовать увеличению территории городских агломераций, развитию транспортных сетей (в контексте теории ОКР), препятствовать существующей ныне инфраструктурной гегемонии Москвы (и в меньшей степени Минска)³. Кроме того, появится возможность смягчить чрезвычайно актуальные для России последствия «редукции страны до городов» и включить в зону агломерационного освоения прилегающие к ним обширные районы. С другой стороны, «сжатие и уплотнение освоенного пространства» будет способствовать обеспечению равнодоступности социальных благ, которыми располагает общество, для всего населения⁴.

Нерешенной остается проблема людских ресурсов для городского роста. Молчаливо признается, что процесс иммиграции, если он будет развиваться, окажется очень болезненным с разных точек зрения⁵. С необходимостью работы с мигрантами столкнулась не только Россия, но и Беларусь, хотя там эта проблема пока стоит и не так остро⁶.

¹ Лаппо Г. М., Полян П. М. Указ. соч.

² Трейвиш А. И. Указ. соч. С. 277.

³ Там же.

⁴ Зайончковская Ж. А. Указ. соч.

⁵ Достаточно открыто и содержательно по этой проблеме высказывается А. Г. Вишневский (см.: Демографическая модернизация России. 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006. С. 527—532).

⁶ По данным 2004 г., основной миграционный обмен Республики Беларусь происходит с Россией, Украиной и Казахстаном, на долю которых приходится 90% приезжающих в страну (См.: Беларусь в контексте современных миграционных процессов. URL : www.centis.bsu.by/metod/publ/migration.doc). Как и в случае с Россией, из Казахстана в Беларусь приезжает, как правило, русскоязычное население.

В свете сегодняшней демографической ситуации легко предположить, что ситуация с трудовыми ресурсами в обоих государствах будет ухудшаться, что, несомненно, еще более актуализирует вопрос о внешней миграции. В то же время позитивной тенденцией последних лет в России склонны считать усилившееся тяготение населения к обжитым и комфортным районам. Оно оценивается как запоздавший переход от экстенсивного к интенсивному освоению пространства¹.

Один только перечень упомянутых в этой части работы вопросов, связанных с современной урбанизацией, демонстрирует крайнюю важность темы, ее ключевое значение для понимания ближайших и отдаленных перспектив развития постсоветского пространства. Однако, по выражению А.И. Трейвиша, «поле почти не пахано ввиду отсутствия статистики и заказа сверху»². К примеру, проблема российских моногородов осознается властями в узко политическом контексте, как боязнь очередного всплеска социальной напряженности («синдром Пикалёво»). С сожалением приходится признать, что урбанистика XX — начала XXI в. по сей день остается уделом узкого круга исследователей при почти полном безразличии общества.

¹ Зайончковская Ж.А. Указ. соч.

² Трейвиш А.И. Указ. соч. С. 280.

2. РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

2.1. Территория пограничья

Географически к российско-белорусскому пограничью относят Поозерье (северные районы Витебской области Беларуси и южные районы Псковской области России), Верхнее Поднепровье (восточные районы Витебской и Могилевской областей Беларуси и запад Смоленской области России) и Восточное Полесье (восточные районы Гомельской области Беларуси и западные районы Брянской области России). Сразу необходимо сделать оговорку, что демографический анализ даже современного состояния региона трудноосуществим вне привязки к действующим административным границам из-за особенностей доступной статистики. Именно поэтому мы вынуждены несколько расширить географические рамки и под пограничьем будем подразумевать приграничные области — Витебскую, Гомельскую, Могилевскую в Беларуси и Брянскую, Псковскую и Смоленскую в Российской Федерации¹ (рис. 2.1).

Среди наиболее характерных черт российско-белорусского пограничья отмечают его этническую размытость. Такая ситуация, обычная для любого пограничья, в нашем случае носит отчетливо выраженный характер, во-первых, потому, что на протяжении нескольких столетий соседние народы не испытывали дистанцирующего воздействия фиксированной государственной границы, а во-вторых, в результате активных миграций как неперменного атрибута насыщенной многострадальной истории региона. Это обстоятельство сразу заставляет отбросить идею о какой-то явной этнической специфике, определяющей формы демографического поведения местного населения.

¹ В рамках изучаемого периода необходимо также иметь в виду, что современные границы приграничных областей оформились к началу 1960-х гг. В 1957 году была расформирована Великолукская область, до этого общей границы у Псковской области с Беларусией не было. В 1960 году расформирована Молодечненская область с передачей большей части территории в состав Витебской области.

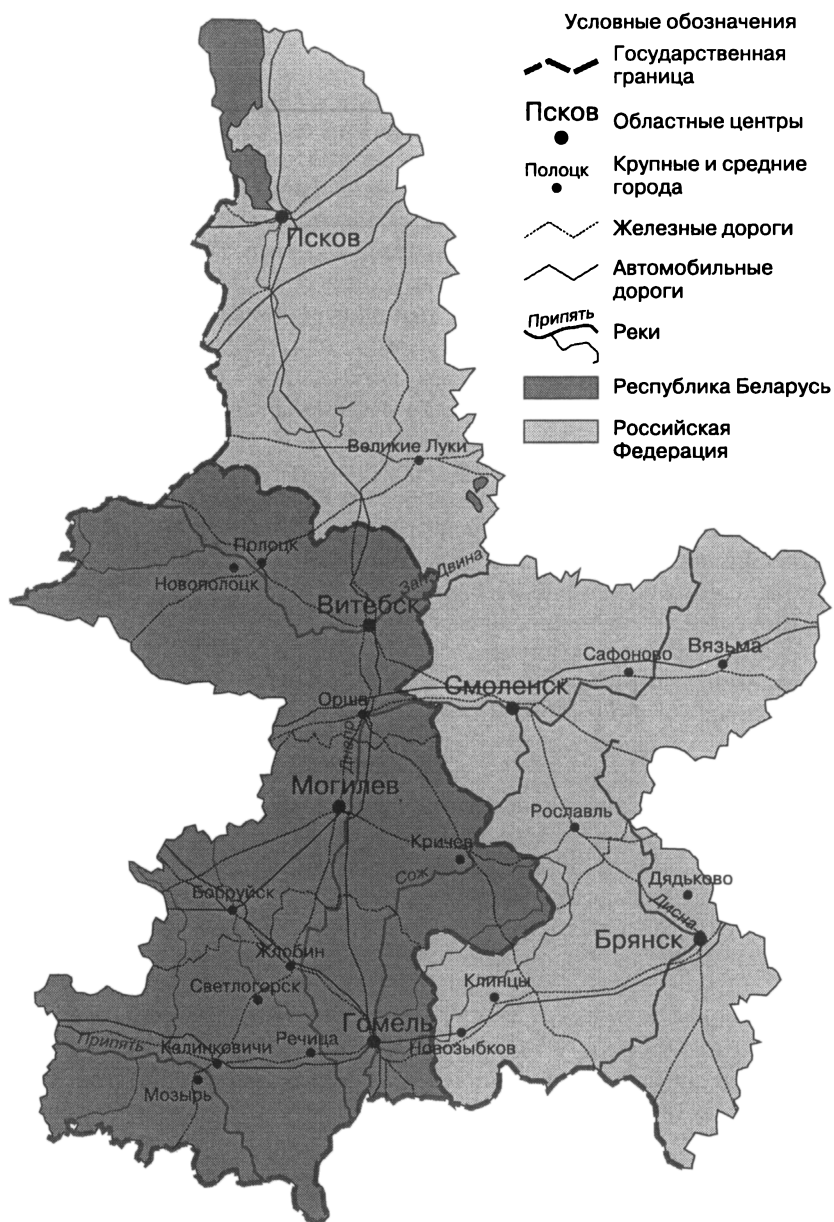

Рис. 2.1. Российско-белорусское пограничье

2.2. История¹

В IX — первой четверти XII в. территория современного российско-белорусского пограничья была частью Киевской Руси. С наступлением периода раздробленности (до начала XIV в.) эти земли числились в составе Полоцкого, Смоленского и Брянского княжеств.

В Полоцком княжестве сложилась система власти, достаточно типичная для Северо-Западной Руси. Поскольку через Полоцк проходил важный торговый путь в Западную Европу (по Западной Двине), город сложился как богатый торговый центр с сильным вече и слабой княжеской властью. В летописях упоминаются также «братчины», т.е. купеческие и цеховые корпорации, боровшиеся с князьями. В итоге полоцкая земля распалась на ряд уделов во главе с городами: Минск, Витебск, Друцк, Изяславль, Стрежев и др. В начале XIV в. эти земли (в том числе территория современного российско-белорусского пограничья) вошли в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ).

В 1130-х годах в верхнем течении Днепра сформировалось Смоленское княжество. Большая его часть была населена кривичами, предками нынешних белорусов². Первоначально Смоленск также имел важное торговое значение, поскольку стоял на знаменитом пути «из варяг в греки». В Смоленске завершался путь вверх по Днепру (при путешествии на север), и далее через систему волоков можно было выйти и на Западную Двину, и на Ловать. Однако уже в XII в. этот путь стал приходить в упадок, и к моменту начала периода политической раздробленности торговая роль города не была значительной. Отсутствие влиятельных торговых слоев населения в определенной степени способствовало большей устойчивости Смоленского княжества в сравнении с Полоцким. Власть здесь выглядела более консолидированной, а князь имел больше полномочий. Со второй половины XIV в. княжество вело борьбу с Великим княжеством Литовским. Смоленск сохранял свою самостоятельность до 1404 г., после чего вошел в состав ВКЛ. В 1514 году Смоленск был взят войсками Василия III и стал частью Московского государства. В 1609 году, в Смуту, Смоленск был завоеван польскими войсками и окончательно вошел в состав России вместе с территориями бывшего Смоленского княжества по Андрусовскому перемирию 1667 г.

¹ При написании этой части работы использованы некоторые материалы из электронной коллекции «Россия и Беларусь: этнокультурный диалог» (История и этнокультурная динамика российско-белорусского пограничья. URL : <http://by.ethnology.ru/win/border.htm>).

² Довнар-Запольский М. В. СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР). М.; Л., 1928. С. 3.

Брянское княжество было основано в 1246 г. Довольно значительную часть его населения (в западной части) составляли радимичи, которые, подобно кривичам, впоследствии сформировали белорусский этнос¹. В конце XIII — начале XIV в. княжество вело постоянные войны со Смоленском и Литвой. В 1356 году оно было завоевано Ольгердом и вошло в состав ВКЛ. Принадлежность Брянска, как и других русских земель, Литве в этот период не стоит воспринимать упрощенно. Кроме того, что представители титульного этноса составляли меньшую часть населения Великого княжества Литовского, следует упомянуть, что Брянский князь Дмитрий Ольгердович был православным, настроен очевидно промосковски и в 1380 г. принял участие в Куликовской битве на стороне Московского князя Дмитрия Ивановича. В 1500 году в ходе русско-литовской войны Брянск был взят русскими войсками и вошел в состав Московского государства.

В течение XV—XVII в. пограничные территории часто становились ареной военных столкновений. В 1569 году земли Великого княжества Литовского вошли в состав нового государства — Речи Посполитой, а Московское государство получило тем самым нового противника. Частично российско-белорусское пограничье пострадало во время Смуты в начале XVII в. В последующий период принадлежность территории Беларуси польско-литовскому государству почти не оспаривалась Москвой, хотя во время Русско-польской войны 1654—1667 гг. русские войска доходили до Бреста и Вильно. В следующий раз война затронула пограничье в царствование Петра I, во время Северной войны 1700—1721 гг. Во время этих войн происходили переселения местных жителей как на российскую, так и на польскую территорию. Это способствовало смешению населения, усилению взаимовлияния двух культур — русской и белорусской.

Несмотря на наличие государственно-политической границы, пограничье было зоной разнообразных контактов между Россией и Речью Посполитой. Среди них преобладали торгово-экономические связи, которые со временем усиливались. В XVIII веке белорусское Подвинье получало из России сермяжное сукно и готовые сермяки, овчинные тулупы, рукавицы, полотно, мыло, звериные шкурки. Торговля была во многом односторонней, т.е. белорусские земли находились в экономической зависимости от России. По Ништадтскому миру 1721 г. в состав России вошла Ливония с Ригой, и это обстоятельство стало дополнительным важным фактором российской торгово-экономической экспансии в район русско-белорусского Поозерья. Односторонности

¹ Довнар-Запольский М.В. СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР). М.: Л., 1928. С. 3.

экономических контактов немало способствовало удручающее состояние Речи Посполитой, которая на протяжении XVIII в. только слабела, а в результате трех разделов в последней четверти XVIII в. погибла окончательно.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. северо-восточные белорусские земли и западная часть Смоленщины были окончательно присоединены к России, образовав Псковскую (в южной ее части), Витебскую, Могилевскую и Смоленскую губернии России. В этноконфессиональном отношении присоединенные земли отличались крайней пестротой. Посетив в 1780 г. вошедшие в состав России белорусские приграничные территории, Екатерина II выразила удивление царящим там «вавилонским столпотворением» — там «сплошь да рядом обитают православные, католики, униаты, евреи, русские, поляки, чухонцы, немцы, курляндцы»¹.

Административное состояние пограничья в XIX в. оставалось практически неизменным, но в XX в. эти районы много раз меняли свою административную принадлежность. После революции в ходе национально-государственного строительства отдельные пограничные территории переходили из России в Белоруссию и наоборот. Например, в 1918 г. в состав Белоруссии некоторое время входили Себежский, Невельский, Велижский, Смоленский, Рославльский, Демидовский, Дорогобужский, Ельнинский районы, а уезды Витебской, Смоленской и Могилевской губерний в 1919 г. вошли в состав России. В 1924—1926 годах, согласно постановлениям Президиума ЦИК Союза ССР, к Белорусской ССР отошли 17 уездов и отдельные волости Витебской, Гомельской² и Смоленской губерний, где белорусы составляли большинство населения³. После этих преобразований административная граница между РСФСР и БССР стабилизировалась.

В связи с многочисленными административными преобразованиями для нашего исследования актуален вопрос: насколько административное переподчинение территорий в границах одного государства (будь это Российская империя или Советский Союз) было способно влиять на демографическое поведение населения? Поскольку речь идет о политических решениях, влияние которых на демографическую сферу весьма опосредованно, тем более в условиях, когда магистраль-

¹ *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX века) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 119.

² Гомельская губерния появилась в 1919 г. вместо Могилевской.

³ *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX века) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 38—39.

ный курс, определяемый политикой центральных властей, оставался неизменным, не будем переоценивать последствия административных реорганизаций. Но нелишне вспомнить, что в СССР 1970-х — первой половины 1980-х гг. (до Чернобыльской катастрофы) Белоруссия считалась островом благополучия. Это значит, что от действий местных руководителей могло зависеть увеличение количества хорошо оплачиваемых рабочих мест, продовольственное снабжение, строительство жилья на селе и т.п. В конечном счете это влияло на рост рождаемости в регионе, миграционный баланс, т.е. улучшало демографическое состояние белорусской территории.

2.3. Конфессиональный состав

Общей религией для российско-белорусского населения пограничья является православие. Однако вследствие подмеченного Екатериной II «вавилонского столпотворения» в разное время здесь имели хождение различные христианские и нехристианские вероисповедания и их течения — католичество, униатство, протестантизм, старообрядчество, иудаизм.

Православие — не только самая распространенная, но и самая древняя конфессия на территории российско-белорусского пограничья. Крупнейшие центры православия располагались в Полоцке (Полоцкая епархия с 992 г.), Смоленске (Смоленская епархия с начала XII в.), Брянске (центр православия юго-западной Руси во второй половине XIII — XIV в.). До конца XVI в. православие оставалось наиболее влиятельной конфессией на территории ВКЛ, выполняя очевидную консолидирующую роль для местного населения¹.

После образования в 1569 г. польско-литовского государства — Речи Посполитой — на рассматриваемых территориях значительно усилилось влияние **католичества**. Его проводниками были католические ордена иезуитов, доминиканцев, бернардинцев. При этом следует заметить, что распространение католичества четко ограничивалось социальными рамками — эту религию исповедовали прежде всего представители аристократии. Тем не менее влияние католичества ощущалось и после 1772 г., т.е. после первого раздела Польши, когда территории пограничья оказались в составе Российской империи.

В интересах сохранения поликонфессионального государства правители Речи Посполитой, с одной стороны, провозглашали свободу

¹ История и этнокультурная динамика российско-белорусского пограничья. URL : <http://by.ethnology.ru/win/border.htm>

вероисповедания (Статут 1588 г.), а с другой, предпринимали шаги для смягчения межконфессиональных противоречий и формирования однородной конфессиональной структуры. Именно этими соображениями было продиктовано появление **униатской** (греко-католической) церкви в результате подписания Брестской унии между католиками и православными в 1596 г. Сохранение православной обрядности в униатстве должно было сделать новую церковь привлекательной для прихожан из простонародья, далеких от религиозной догматики. Таким образом, учреждение униатской церкви на территории Западной Руси для польской католической аристократии и части духовенства было разновидностью прозелитизма, т.е. распространения католических ценностей на новую паству. Характерно, что с распространением униатства трансформированию подлежали именно православные епархии и приходы. Так, значительное количество униатов появилось в Смоленске, Себеже, Невеле, Усвятах и др.¹

Спротивление униатству было тем сильнее, чем далее на Восток оно пыталось проникнуть. Именно поэтому на территориях современного российско-белорусского пограничья в прошлом развернулось активное противоборство двух конфессий. Униатскому прозелитизму противостояли православные братства при православных церквях и монастырях. Формы этой борьбы носили более мирный характер, чем, к примеру, противостояние никониан и старообрядцев в Московской Руси. Члены братств вели просветительскую работу, организовывали школьное обучение, занимались книгоизданием, проповедовали, опекали бедных и больных².

Борьба с униатством в пограничье сформировала новый тип православного священника. Нередко это были европейски образованные (в том числе получившие образование в католических центрах), критически мыслящие люди. Характерно, что опыт украинского и белорусского духовенства был востребован в России во второй половине XVII — первой трети XVIII в. для реформирования церковно-государственного устройства. На этом поприще получили известность Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Стефан Яворский и др.

После присоединения территорий пограничья к Российской империи униатство долгое время сохранялось, хотя действовал четкий правительственный курс на укрепление православия. Польское восстание 1830—1831 гг., активное участие в котором приняли и представители католических орденов, послужило толчком для нового наступления на униатство. В 1839 году в Полоцке был подписан Соборный акт

¹ История и этнокультурная динамика российско-белорусского пограничья. URL : <http://by.ethnology.ru/win/border.htm>

² Там же.

об упразднении Брестской унии и «воссоединении церкви униатской с православной». Часть белорусских греко-католиков приняла православие, некоторые эмигрировали в Галицию. И хотя «польская вера» официально была уничтожена, она продолжала существовать на уровне повседневных религиозных практик.

После распада СССР в 1991 г. белорусская греко-католическая церковь стала возрождаться. По состоянию на июнь 2008 г. в Беларуси около 10 тыс. греко-католиков, имеется 15 зарегистрированных приходов. Католические храмы функционируют в Полоцке Витебской области и в Могилеве¹.

История **старообрядчества** на территории пограничья связана с двумя центрами — Стародубье и Ветка. Первый находится на территории нынешней Брянской области, второй — в Гомельской области.

Стародубье — местность, расположенная вокруг г. Стародуба, объединявшая в прошлом несколько уездов северной части Черниговской губернии (Стародубский, Новозыбковский, Суражский). Здешние природные условия позволяли верующим скрываться от преследований и гонений, а местные власти относились к пришлым христианам терпимо и снисходительно. В настоящее время потомки старообрядцев живут в Воронке, Климове, Клинцах, Лужках, Митьковке, Новозыбкове, Святске².

В 1682 году, когда правительство царевны Софьи после восстания стрельцов в Москве начало преследование стародубских старообрядцев, бывшие там священники вместе с паствой ушли в Польшу. Так возникла Ветка. Здесь старообрядцев никто не преследовал. Сюда бежали старообрядцы не только из Стародубья, но и из других мест России. Постепенно в окрестностях первого поселения в Польше выросло около двадцати новых слобод, однако вся местность сохранила прежнее название — Ветка. Она долгое время служила руководящим центром духовной жизни старообрядчества. Царское правительство добралось до Ветки в 1735 г., в правление Анны Иоанновны, когда Польское королевство ослабело. Ветковские слободы были разорены, все постройки сожжены дотла. Мирские жители (около 15 тыс. человек) были расселены по разным городам и селениям Российской империи, насельники монастырей (около 1 тыс. человек) были разосланы по российским монастырям под строгий надзор. Этот разгром Ветки известен под названием «выгонка». Вторая «выгонка» произо-

¹ У Менску адкрыўся Грэка-каталіцкі цэнтар // Наша Ніва on-line. URL : <http://nn.by/index.php?c=ar&i=18050>

² Духовные центры старообрядчества. URL : <http://www.sunhome.ru/religion/12262>

шла в 1764 г. при Екатерине II, позже была и третья. Однако Ветка всякий раз возрождалась после разорений¹.

В начале XX в. преследование старообрядцев прекратилось. В советский период количество старообрядческих общин сильно сократилось, различия между ними сгладились. Одной из причин сокращения числа староверов называют то, что среди старообрядцев купцы и мелкие собственники встречались гораздо чаще, чем рабочие и крестьяне, и это, очевидно, не способствовало их выживанию после революции².

В настоящее время старообрядчество расколото на несколько течений. В Гомельской и Брянской областях на территории Ветки — Стародубья проживают так называемые новозыбковцы, или сторонники Древлеправославной церкви, а также белокриницкие старообрядцы. Некоторое их количество зафиксировано на территории Псковской и Витебской областей. Об общем количестве староверов на территории пограничья ввиду отсутствия статистики судить сложно, известно только, что их немного.

Евреи-иудеи расселялись на территории современного российско-белорусского пограничья начиная с XVI в., преимущественно в городах, пригородах и местечках Великого княжества Литовского. Сразу после первого раздела Польши в 1772 г. еврейское население пользовалось такими же правами, как и другие народы. Однако давление со стороны православного духовенства и русского купечества, опасавшегося конкуренции с еврейскими торговцами, заставило Екатерину II в 1791 г. установить печально знаменитую черту оседлости, ограничивавшую право евреев селиться на определенных территориях страны, жить в столицах, учиться в высших учебных заведениях и пр.³ Среди прочих в черту оседлости входили Полоцкая (Витебская) и Могилевская губернии. При этом изначально для белорусских евреев было сделано некоторое послабление, в дальнейшем облегчившее их ассимиляцию: местным купцам было разрешено переезжать из города в город по коммерческим делам⁴.

¹ Духовные центры старообрядчества. URL : <http://www.sunhome.ru/religion/12262>. См. также: *Поташенко Г.* Русские старообрядцы в Великом княжестве Литовском: становление древлеправославной традиции. URL : <http://www.historia.ru/2002/04/potashenko.htm>

² *Граудт С.* Староверы: неправославные православные. URL : <http://www.tol.cz/look/TOLrus/article.tpl?IdLanguage=6&IdPublication=16&NrIssue=51&NrSection=8&NrArticle=10992>

³ *Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. : НЛО, 1999. С. 228.

⁴ Черта оседлости // Еврейская электронная энциклопедия. URL : <http://www.eleven.co.il/article/14679>

Отношения иудейского и православного населения на территории пограничья не всегда были безоблачными. Об этом свидетельствует так называемое Велижское дело 1823 г., когда группа местных евреев была обвинена в ритуальном убийстве русского ребенка. И хотя обвинение не подтвердилось, антисемитские настроения в крае продолжали существовать¹.

Удельный вес евреев-иудеев в пограничье был невелик. По данным переписи населения Российской империи 1897 г., в Витебской и Могилевской губерниях их было 12%, в Смоленской — менее 1%². Кстати, в самых западных районах нынешней Смоленской области (Велижском, части Руднянского), которые до революции входили в Витебскую губернию и располагались в черте оседлости, вплоть до Второй мировой войны значительную долю населения составляли евреи³.

Сейчас в Могилевской области евреев около 0,35% населения, действует пять иудейских общин⁴, примерно такая же ситуация (0,4% населения) в Гомельской области⁵. Резкое сокращение численности еврейского населения в Белоруссии произошло в результате фашистского геноцида в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, после Чернобыльской аварии из республики только в Израиль выехала по крайней мере треть всего 120-тысячного еврейского населения Беларуси⁶. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Брянской области проживало только 0,17% еврейского населения, Смоленской — 0,14%, Псковской — 0,08%⁷. В Витебской, Смоленской и Гомельской областях, по данным переписи 1999 г., проживало соответственно 0,35; 0,29 и 0,38% евреев⁸.

Рассмотрение состояния традиционных конфессий в регионе позволяет сделать вывод об их достаточно ограниченном влиянии

¹ Велижское дело // Еврейская электронная энциклопедия. URL : <http://www.eleven.co.il/article/10870>

² История и этнокультурная динамика российско-белорусского пограничья. URL : <http://by.ethnology.ru/win/border.htm>

³ Смоленская область // Социальный атлас российских регионов. URL <http://atlas.socpol.ru/portraits/smol.shtml>

⁴ Могилевская область // Города Беларуси.net. URL : <http://belaruscity.net/mogilevskaya/>

⁵ Гомельская область // Города Беларуси.net. URL : <http://belaruscity.net/homelskaya/>

⁶ Исторический очерк о проживании евреев в Беларуси. Ч. 2. URL : <http://www.sem40.ru/europlanet/history/22062/>

⁷ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. М., 2004. С. 26, 38, 54.

⁸ Национальный состав населения Республики Беларусь, его демографические характеристики и образовательный уровень : статист. сборник. Т. II. Минск : Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2001. С. 498.

на демографическую ситуацию. Теоретически такое влияние имеет значение лишь в тех случаях, когда речь идет о верованиях фундаменталистского толка. Определенного внимания заслуживает сохранение старообрядческой традиции в районе Стародубье — Ветка, для которой характерны поселенческая замкнутость, слабая восприимчивость к новациям, длительное сохранение сравнительно более высокого уровня рождаемости.

2.4. Формы и условия взаимосвязей населения пограничья

Традиционно в приграничных районах и России, и Беларуси селилось большое количество выходцев из сопредельных территорий. В XVIII—XIX веках белорусы из северных и восточных районов направлялись на заработки в Россию, выбирая крупные города (особенно Петербург), но не только. По данным В.М. Кабузана, в конце XVIII в. 53% населения Смоленской губернии составляли белорусы¹. По всей видимости, такая большая доля белорусского населения не результат миграции, а следствие губернской реформы 1775 г., игнорировавшей национальную специфику при определении границ губерний. В начале XX в. большое количество белорусов проживало в Брянском, Трубчевском и других уездах Орловской губернии, в западных волостях Калужской губернии, в южной части Ржевского, Осташковского и Зубцовского уездов Тверской губернии, в Торопецком, Опочечком и Великолукском уездах Псковской губернии². В 1920-е годы белорусы на территории России получили возможность развития собственной культуры и языка. В местах их компактного проживания, в том числе на Псковщине, Смоленщине и Брянщине, открывались белорусские национальные школы, преимущественно начальные³. Такая практика действовала до середины 1930-х гг., когда при сталинском руководстве стала культивироваться идея русского национального приоритета («русский народ — самый передовой в семье советских народов»). Это привело к сворачиванию культурной жизни всех национальных меньшинств, а не только белорусов. На завершающем этапе существования СССР наиболее крупные белорусские диаспоры существовали

¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав. М., 1990.

² Белорусы в регионах России // История и этнокультурная динамика российско-белорусского пограничья. URL : <http://by.ethnology.ru/win/belinreg.htm>

³ Там же.

уже не в российских областях пограничья, а в крупных городах России, на Урале и в Сибири — результат масштабного социалистического строительства, кулацкой ссылки и других форм репрессий, а также организованных наборов рабочей силы в первые послевоенные десятилетия. Такое положение сохраняется и в настоящее время.

В отношении русских на территории Беларуси ситуация несколько иная. Первая волна переселений была связана с тем, что часть русских помещиков переселилась на польские земли после подавления восстания 1863 г. Следующий поток русского населения в Беларусь составили эмигрировавшие в Польшу выходцы из Советской России. Естественно, что часть из них оседала на западных белорусских землях (по условиям Рижского мира 1921 г. Западная Белоруссия вошла в состав польского государства).

Что касается Восточной Белоруссии, то основной приток русских в этот регион наблюдался в послевоенные десятилетия. Сразу после войны для восстановления разрушенного хозяйства требовалось значительное количество рабочих рук. Наиболее интенсивной русская миграция в Белоруссию была в межпереписной период с 1959 по 1989 г., когда доля русского населения в республике выросла с 8,2 до 13,2%. В восточных областях активно развивались новые отрасли промышленности (химическая, нефтеперерабатывающая, электротехническая и некоторые другие), что требовало дополнительного привлечения квалифицированных специалистов, поэтому большинство русских мигрантов расселились в городских населенных пунктах¹.

По данным переписи 1999 г., доля русских в населении Беларуси составляла 1141,7 тыс. человек (11,37%). По сравнению с 1989 г. численность русского населения сократилась на 200,4 тыс. человек. Уменьшение связано с оттоком русского населения после распада СССР, выводом войск с территории республики, а также процессами ассимиляции.

Наибольший процент русских отмечен в основном в северных и восточных районах Белоруссии, а также в районах с повышенной долей городского населения. Так, русские составляли от 15% и более в таких районах, как Борисовский, Кировский, Брестский, Гомельский, Гродненский, Браславский, Витебский, Бобруйский, а максимального значения данный показатель достигал в Полоцком районе — 20%².

Историко-культурная близость двух народов в сочетании в проживанием в едином государстве практически нивелировала имевшиеся

¹ Шахотько Л. П., Куделка Д. Н. Этноязыковый состав населения Беларуси // Вопросы статистики. 2002. № 11. С. 31.

² Там же.

различия. Факты говорят о том, что границы между приграничными областями воспринимались местными жителями как достаточно условные.

Еще в начале 1980-х гг. молодые люди из приграничных деревень устраивали совместные гуляния, танцы, вместе отмечали праздники. Появлялось большое количество смешанных семей. Выпускники средних школ белорусского пограничья поступали в вузы и ссузы в Смоленске, Пскове, Москве и Ленинграде. В то же время выпускники Краснинского района Смоленской области, Себежского района Псковской области, приграничных районов Брянской области оканчивали различные учебные заведения в Витебске, Полоцке, Орше, Гомеле и (реже) Минске¹.

После появления государственной границы между Беларусью и Россией взаимное стремление жителей, предприятий и органов местного самоуправления к поддержанию тесных трансграничных связей сохранилось. Однако вместо прежнего ощущения единого пространства, характерного для жителей как пограничья, так и СССР в целом, пришло отношение к жителям регионов по ту сторону границы как к соседям (пусть даже хорошим): «Сын с невесткой и внуками живет в Москве. Я ездила к ним два-три раза в год, а как поставили границы, первые четыре года совсем не ездила, а теперь езжу примерно раз в два года»². Опросы жителей пограничья показывают, что препятствиями для общения, несмотря на облегченный порядок пересечения границы, являются отсутствие денежных средств, разная валюта³.

В результате появления границ сократилось прежде всего количество дальних поездок жителей России и Беларуси на соседскую территорию. Стало меньше желающих, чем прежде, посетить Москву и Минск. В то же время приграничные контакты — в первую очередь родственные и экономические — остаются довольно интенсивными. Россияне ищут в Беларуси более дешевые товары, жители Беларуси в России — большего товарного разнообразия.

Приграничный бизнес — достаточно распространенное явление, причем не только для стран бывшего СССР. Несмотря на попытки властей воспрепятствовать этому явлению, оно вряд ли когда-нибудь исчезнет. Следует признать, что подобного рода экономические связи объективно способствуют расширению взаимосвязей сопредельных территорий. Другой вид контактов, появившийся в постсоветские годы, — религиозный. Население пограничья в целом моноконфес-

¹ *Борисенок Ю.А.* Указ. соч. С. 40.

² Там же. С. 41.

³ Там же.

сионально, бóльшая его часть исповедует православие. Жители небольших приграничных поселений посещают религиозные центры или крупные храмы по другую сторону границы. Например, многие верующие из псковского Себежа ездят на богослужение в Полоцк¹.

Еще один новый вид взаимодействия возникает в связи с занятостью населения пограничья. Здесь надо выделить два потока. Во-первых, жители небольших российских поселений с ограниченным рынком труда находят работу в приграничных населенных пунктах Беларуси, по необходимости мирясь с возможной перспективой более низкого, чем в России, заработка.

Во-вторых, жители Беларуси (городские и сельские) пополняют ряды гастарбайтеров, направляясь в крупные российские города. При этом необходимо заметить, что трудовая миграция в Россию из Беларуси менее интенсивна, чем из Украины.

Характеризуя формы приграничных взаимосвязей, нельзя не упомянуть о наличии, особенно в последнее время, возрастного градиента в их восприятии. Среди населения старших возрастов распространены ностальгические настроения по временам бывшего Союза, оно по-прежнему склонно воспринимать территорию пограничья как единую. Молодые поколения не так категорично высказывается в пользу объединения двух государств. При этом молодые жители села настроены более «интеграционно» в сравнении с горожанами². Многие молодые люди стремятся получить образование в России.

¹ Борисенок Ю.А. Указ. соч. С. 44.

² Там же. С. 46.

3. СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

3.1. Проблема типологии и направления эволюции

Система сельского расселения — один из наиболее значимых факторов, определяющих ход урбанизации. В свою очередь эта система изменяется под влиянием урбанизации, хотя в основном и сохраняет изначально присущие ей черты.

Области пограничья, несмотря на то что относятся к так называемой **западной зоне расселения**¹, весьма своеобразны по расселенческим типам. В соответствии с классификацией, предложенной С.А. Ковалевым, территории пограничья относятся к типу III расселения — в полосе выборочного земледельческого освоения юга лесной зоны². Доля пашни на этой территории колеблется от 15—17% (в Новгородской, Псковской, Костромской областях) до 44—50% (в Брянской и Рязанской). Сеть поселений редкая на севере, внутри крупных лесных массивов (например, в Полесье) и густая на распаханых пространствах и вблизи крупных городов. Раздробленность, мелкоконтурность участков пашни и необходимость постоянного внесения органических удобрений для поддержания плодородия бедных подзолистых почв (в связи с чем пашня не могла быть удалена от места жительства) способствовали образованию преимущественно мелких поселений; крупные села в прошлом могли образоваться лишь на основе несельскохозяйственной деятельности (кустарные промыслы, торговля, транспорт и др.)³.

Обширность территории, отнесенной к типу III расселения, потребовала дальнейшей градации. Тем же автором была предложена широтная классификация. В соответствии с ней Псковская область относится к северной полосе расселения, Смоленская — к центральной, а Брянская — к южной⁴. Классификация основана на принци-

¹ Урбанизация и демографические процессы. М., 1982. С. 26.

² Ковалев С.А. Сельское расселение. М., 1963. С. 155.

³ Алексеев А.И. География сельской местности. М., 1989. С. 16—17. *Он же*. Нечерноземный Чернобыль // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 428—429.

⁴ Ковалев С.А. Структурные изменения в составе сельских поселений Нечерноземья и прогнозирование расселения // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С. 34.

пе укрупнения среднего размера поселений и увеличения плотности населения при продвижении с севера на юг. Этим полосам примерно соответствуют поселенческие районы Беларуси — северный мелкоселенный, центральный среднеселенный и южный (Полесский) крупноселенный¹, в которых располагаются соответственно Витебская, Могилевская и Гомельская области.

Данные по средней плотности населения демонстрируют серьезные различия между территориями: белорусские области в отличие от российских заселены более равномерно (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Средняя плотность населения по областям российско-белорусского пограничья*

Область	Средняя плотность, человек на 1 км ²		Область	Средняя плотность, человек на 1 км ²	
	1989 г.	2001 г.		1990 г.	2004 г.
Псковская	15,3	14,3	Витебская	35,5	33,7
Смоленская	23,2	22,5	Могилевская	44,3	41,0
Брянская	42,1	40,9	Гомельская	41,4	37,4

* Составлено по данным сборников соответствующих лет: «Народное хозяйство СССР», «Российский статистический ежегодник». Материалы Белстата. URL : <http://belstat.gov.by/>

Плотность населения на белорусских территориях на первый взгляд значительна. Однако в приграничных областях с Россией она уступает средней по республике (47 человек на 1 км²)². Кроме того, отсутствие резких контрастов на межобластном уровне не исключает сильных внутриобластных контрастов: на севере Витебской области плотность населения находится на уровне Псковской области России и составляет 10—20 человек на 1 км². Напротив, юго-восток Гомельской области имеет повышенную плотность населения³.

Для понимания причин таких различий необходимо помимо зональных факторов — природных условий и характера сельского хозяйства — учитывать в типологии расселения и так называемые азональные, к которым относится в том числе и положение сельской местности по отношению к городам⁴. Наличие либо отсутствие развитого городского окружения заставляет при характеристике регионов принимать во внимание помимо демографической ситуации степень

¹ Экономическая география Белоруссии. Минск, 1982. С. 32.

² Там же. С. 35.

³ Страны и народы. Советский Союз. Республики Прибалтики. Белоруссия. Украина. Молдавия. М., 1984. С. 183.

⁴ Алексеев А. И. География сельской местности. С. 18.

агропромышленной интеграции, транспортную освоенность территории, уровень развития сферы обслуживания и т.д. Пример такой сводной типологии, разработанной группой Т.И. Заславской, приводит А.И. Алексеев¹. При обращении к этой типологии следует иметь в виду, что она характеризовала ситуацию первой половины 1970-х гг.

В соответствии с классификацией группы Т.И. Заславской Белоруссия вместе с областями Центрально-Черноземного и смежных районов СССР относилась к типу IV. Дисперсность расселения в этой зоне несколько компенсируется высокой освоенностью территории и наличием густой сети городов, однако транспортная доступность центров обслуживания лишь на среднем уровне. Уровень технической вооруженности сельского хозяйства здесь самый низкий в стране, структура занятости почти исключительно аграрная. Демографическая ситуация характеризуется высоким миграционным оттоком, что приводит к быстрому старению населения. К главным задачам в районах этого типа относились механизация трудоемких отраслей и ликвидация некавалифицированного труда в сельском хозяйстве, сокращение миграционного оттока, развитие сферы обслуживания.

Российские области пограничья входили в тип VI (центральная часть Нечерноземной зоны РСФСР). Он характеризовался как эпицентр социальных проблем сельской местности, с наиболее сложными демографическими проблемами: старение населения, диспропорция полов в молодых возрастах, начавшаяся депопуляция в ряде регионов (превышение смертности над рождаемостью), наиболее интенсивный миграционный отток. Резко выраженная мелкоселенность ведет к низкому уровню обслуживания; несмотря на высокий уровень урбанизации, доступность городов ниже среднего уровня из-за слабого развития дорожной сети. Сельское хозяйство недостаточно эффективно, производительность труда и фондоотдача ниже среднего уровня. В качестве основного пути преодоления отставания предлагалось усиление интеграции сельского хозяйства с промышленностью, преобразование значительной части колхозов и совхозов в подсобные хозяйства промышленных предприятий. Кроме того, полагалось необходимым создание мест приложения женского труда в сельской местности, резкое улучшение обслуживания, развитие дорожной сети².

Приведенные классификации, несмотря на их принадлежность своему времени, во многих чертах не потеряли актуальности. Однако

¹ Ковалев С.А. Структурные изменения в составе сельских поселений Нечерноземья и прогнозирование расселения // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С. 34. См. подробнее: Социально-демографическое развитие села: межрегиональный анализ / под ред. Т.И. Заславской. М., 1980.

² Алексеев А.И. География сельской местности. С. 19—20.

для того, чтобы получить представление о путях эволюции отмеченных явлений, нам необходимо к пространственному анализу добавить временной.

Изменение системы расселения под влиянием урбанизации проходит три стадии. На **первой стадии** городское и сельское расселение развиваются автономно. Эту стадию принято ассоциировать с начальным этапом урбанизации. Равновесие между городским и сельским расселением существует до тех пор, пока демографических ресурсов села достаточно, чтобы обеспечить рост городов, не нарушая при этом сеть сельского расселения.

Переломной точкой в развитии расселения считается возникновение дефицита демографических ресурсов, на этом этапе происходит переход ко **второй стадии** развития расселения. Для этой стадии характерны глубокие изменения в сельском расселении. Вместо изначально равномерного расселения наблюдается его концентрация, стягивание в пригородные зоны. Если на предыдущей стадии, в период быстрого роста городов, система городского расселения развивалась на фоне сложившейся ранее и довольно стабильной сети сельских населенных пунктов, то теперь, наоборот, сельское расселение перестраивается на фоне в основном уже сформировавшейся и устойчивой городской сети.

Завершающая, **третья, стадия** расселения предполагает возникновение интегрированного расселения, когда происходит слияние городских и сельских систем на общей основе. Складывается новый тип расселения, объединяющий городское и сельское население на сравнительно небольшой (по сравнению с прошлым) и плотно заселенной территории¹.

Что касается приложения этой схемы к исследуемому региону, то в его границах, так же как и на большей части территории Беларуси и Европейской России, первая стадия расселения существовала еще в довоенный период. Начало депопуляции сельской местности было следствием коллективизации (например, ликвидация системы хуторов в Смоленской области), а также военных действий. Каждая из областей пограничья испытала на себе разрушительные последствия войны.

Однако наиболее явно вторая стадия развития расселения оформилась в послевоенные годы. Изначально поселенческая система довольно устойчива и способна достаточно долго сопротивляться дестабилизирующему воздействию. Ранее нами уже был сделан вывод, что фактор оккупации и военных действий в своем воздействии

¹ См. подробнее: *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 12—15.

на население областей Центральной России не смог соперничать с изначальным типом воспроизводства населения и его плотностью. Для доказательства этого тезиса был проведен сравнительный анализ динамики численности населения по прифронтовым и тыловым областям¹. Итак, переход ко второй стадии, т.е. стадии концентрации сельского населения, был обусловлен целым комплексом причин. Это и многомиллионные потери СССР в войне, и снижение естественного прироста населения в послевоенные десятилетия, и послевоенные экономические и демографические программы, нацеленные на первоочередное развитие городов и освоение территорий Сибири и Дальнего Востока.

Что касается третьей стадии развития расселения, т.е. интегрированного, когда оно из сплошного окончательно превращается в пятнистое, то в настоящее время этот этап только начинается. Таким образом, на территории российско-белорусского пограничья вторая стадия расселения охватывает практически весь исследуемый нами период.

Характеристиками, определяющими качество сельского расселения (которое, естественно, первично по отношению к городскому), являются людность, выполняемые им функции, центральность, уровень социально-экономического развития. Однако главным типологическим признаком любого сельского населенного пункта является его местоположение по отношению к городу².

Важно понять, что движущей силой урбанизации является стремление к *концентрации* разнообразных видов человеческой деятельности. Города удобны тем, что на определенном этапе позволяют реализовать это стремление. А значит, рост городского населения не главная черта урбанизации, а ее специфика на определенном этапе. По мере того как территориальная концентрация будет распространяться на сельскую местность, доля городского населения в качестве индикатора урбанизации будет утрачивать свою репрезентативность. В то же время концентрация видов деятельности сохранит свое значение основополагающего признака процесса урбанизации³.

Изменения в системе расселения большинства областей Нечерноземной зоны России и Беларуси во второй половине XX в. воспринимаются как неудовлетворительные, регрессивные. Причина видится не в том, что эти изменения вообще происходили, а в том, что они

¹ Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 годы) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 47—48.

² Стронгина М.Л. Социальное развитие села: поселенческий аспект. М., 1986.

³ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 15.

совершались слишком быстро, скачкообразно. За ними не успевала местная территориальная организация сельскохозяйственного производства. Ни на местном, ни на общегосударственном уровне изменения не воспринимались как необратимые, поэтому достаточные меры по приспособлению устаревших хозяйственных структур к новым реалиям не предпринимались¹. В результате поселенческая структура, терявшая свою экономическую основу, разрушалась с еще большей скоростью.

3.2. Поселенческие и хозяйственные особенности областей пограничья

Рассмотрим теперь более подробно положение дел на российских и белорусских территориях пограничья. В природном отношении Беларусь и западные области России имеют между собой много общего. Например, нет особых различий в строении почвы и рельефа. Но уже климатические различия довольно существенны. В Беларуси выпадает большее количество осадков. Это страна низин, изобилующая болотами, реками и озерами. К востоку от Днепра, напротив, климат значительно суше и постепенно переходит в типичный для средней России — континентальный и довольно суровый². Эти особенности во многом повлияли на характер заселения сопредельных территорий и их хозяйственное освоение — Белоруссия представляла собой аграрную страну, а граничащие с ней российские области, исторически тоже преимущественно аграрные, тем не менее существенно «видоизменялись условиями, вытекающими из соседства с Центрально-промышленной областью и из зависимости от нее»³.

3.2.1. Псковская, Смоленская и Брянская области

Псковская область не только обладает наименьшей плотностью населения, в ней в соответствии с упомянутой выше градацией числа поселений наибольшее количество сельских населенных пунктов среди российских областей пограничья (табл. 3.2)⁴.

¹ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 15.

² Довнар-Запольский М.В. Указ. соч. С. 3.

³ Там же.

⁴ Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1991. С. 14—17.

Таблица 3.2

Количество сельских населенных пунктов по областям российского пограничья

Область	1979 г.	1989 г.
Псковская	9 429	8 143
Смоленская	6 017	5 011
Брянская	3 167	2 882

Приведенные данные позволяют считать, что в Псковской области наибольшее количество мелких и мельчайших поселений. Это предположение подтверждается некоторыми относительными показателями. Если в Брянской области такого рода поселений (с числом жителей до 50 человек) в 1989 г. было 44,4%, то в Смоленской — 73,6%, а в Псковской — 77%. При этом в Псковской области наибольшей была доля мельчайших поселений (до пяти человек) — 23,9% против 13,9% в Смоленской и 6,1% в Брянской областях¹.

В Брянской области большая часть населения в 1989 г. проживала в средних по размеру населенных пунктах с численностью от 200 до 500 и от 500 до 1000 жителей (56,3%). В Смоленской соответствующая доля жителей составляла 42,5%, а в Псковской — только 35,9%².

Убедительны и показатели средней людности сельских поселений, рассчитанные на основе переписей 1979 и 1989 гг. (табл. 3.3)³.

Таблица 3.3

В среднем на один населенный пункт, человек

Область	1979 г.	1989 г.
Псковская	41	39
Смоленская	75	74
Брянская	197	168

Таким образом, Псковская область представляет собой классический мелкоселенный регион (такowymi принято считать территории, где средняя людность сельского населения не превышает 70—80 человек). В этой же группе в 1989 г. с несколько более высокими показателями находилась и Смоленская область.

Брянская область входит в группу среднеселенных областей, хотя и существенно уступает черноземным территориям, также относимым к среднеселенным (168 человек на один населенный пункт против, к примеру, 530 человек в Воронежской области).

¹ Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1991. С. 87.

² Рассчитано по: Там же. С. 115—116.

³ Сельские населенные пункты РСФСР. С. 14—17.

Следует заметить, что приведенные данные представляют собой некий динамический срез и позволяют судить только о тенденциях в развитии расселения. В течение всей второй половины XX в. в российских областях приграничья сокращались как количество сельских поселений, так и их средняя людность. Так, по состоянию на сегодняшний день хотя в Псковской области числится около 8 тыс. сельских поселений, только 5 тыс. из них имеют постоянное население¹.

В первой половине XX в. и Псковская, и Смоленская области имели разветвленную хуторскую систему, обычную для северо-запада России. В ходе коллективизации эта система была практически разрушена в Смоленской области и отчасти уцелела в Псковской: новые хозяйственные структуры были вынуждены приспосабливаться к сложившейся схеме расселения, если укрупнение хозяйств было невозможно по географическим соображениям.

Людность сельских поселений варьируется не только между областями, но и в их пределах. Север каждой из рассматриваемых российских территорий меньше заселен, чем юг. На юге, как правило, расположены более крупные поселения. В результате самой населенной является Брянская область. В 1960-е годы на 100 км² в ней приходилось 10—15 населенных пунктов против 15—20 в Смоленской области². Закономерно поэтому, что на фоне других областей запада России Брянская область имеет более высокую концентрацию малых городов и поселков городского типа³.

Ранее сеть мелких поселений была значительно гуще. В XX веке система расселения в сельской местности запада России оказалась довольно уязвимой. Замкнутая система хозяйствования в каждом из небольших населенных пунктов достаточно легко разрушалась в результате непродуманного вмешательства. Кампании по созданию колхозов, а затем по их укрупнению абсолютно не учитывали региональной специфики и приводили к тому, что жители небольших поселений покидали обжитые места. Последствия были крайне негативными — оказывались заброшенными многие тысячи гектаров полезных хозяйственных площадей. Справедливости ради стоит сказать, что на территории Брянской области сельский тип расселения в результате экспериментов пострадал в меньшей степени, нежели в соседних северных областях, и в первую очередь в Смоленской. Брянская хуторская система противостояла распространению колхозов примерно

¹ Факторы экономического роста Псковской области. URL : <http://works.tarefer.ru/102/100119/index.html>

² Ковалев С.А. Сельское расселение. М., 1963. С. 144.

³ Стронгина М.Л. Социальное развитие села: поселенческий аспект. М., 1986. С. 52.

до начала войны, а затем была ликвидирована. С ее исчезновением стала очень быстро разрушаться и сельская инфраструктура.

Несколько более высокий показатель урбанизированности сельских поселений в Смоленской области объясняется хозяйственной переориентацией в условиях постоянного оттока жителей из малых поселений. Похожая политика проводилась и в других областях северо-запада России (Псковской, Новгородской, Тверской)¹. Поскольку городская среда не была здесь развитой, весь процесс не выглядел естественным, однако в относительно крупных поселениях Смоленской области итог кампании выглядел относительно убедительным.

Дисперсность системы расселения Псковской области поначалу способствовала сохранению ее устойчивости. В местных условиях хрущевские эксперименты по созданию крупных колхозов заранее были обречены на неудачу. Устояв в годы коллективизации, многочисленные сельские поселения стали массово исчезать позже — в ходе кампаний по выселению жителей неперспективных деревень и просто в результате распространения на село городских жизненных стандартов, подталкивавших молодежь к переезду в города.

Весьма интересна предпринятая смоленскими специалистами попытка увязать состояние местной системы расселения с пограничным статусом территории². По их мнению, неустойчивость военно-стратегического положения территории приводила к дроблению земельных наделов, частой смене их владельцев. Крупные сельские поселения тяготели к транспортной сети, мелкие — к городам и слабодоступным лесным массивам. В результате этих процессов сложилась система, при которой в западных районах происходило дробление имений и возникала сеть мелких поселений, а, к примеру, в восточных районах Смоленщины в результате концентрации земель в руках царской семьи и государственных сановников возникали крупные дворцовые, вотчинные и фабричные села. Полагают, что эти факторы влияли на густоту сельских поселений даже в большей степени, чем объективные природно-климатические условия. Большое значение имела и частая смена административных, в том числе государственных, границ. С включением в 1918—1919 гг. в состав западной части Смоленской области белорусских земель «черты оседлости» регион получил большое количество малых сельских и городских поселений.

¹ Стронгина М.Л. Социальное развитие села: поселенческий аспект. М., 1986. С. 52.

² Еядокимов М.Ю., Костюченко М.И. Влияние эффекта пограничности на трансформацию системы расселения Смоленской области // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 12-й международной конференции молодых ученых. URL : <http://www.sovmu.spbu.ru/main/conf/man-nat-soc/2001/13-1.htm>

Важной характеристикой системы расселения является ее неравномерность. Она совершенно объективна и определяется местными особенностями. Исторически поселения возникали по берегам рек и озер, в том числе в оборонительных целях. Немаловажными были условия для ведения хозяйства. Размеры и густота поселений определялись и близостью к торговым и транспортным путям. Развитые водные системы российского северо-запада сочетали все эти возможности. Однако торговля не стала главным занятием жителей российских областей пограничья. Обстоятельства сложились так, что его лицо определило, во-первых, сельское хозяйство, а уж потом, не ранее второй половины XIX в., — транспортные пути. Географическое положение всех трех российских областей, казалось бы, предопределяло их развитие в качестве транзитных центров на пути между восточной и западной Россией, однако многочисленные войны препятствовали этой перспективе.

Следствием общих черт в экономическом развитии западных российских территорий было создание в 1929 г. самостоятельной административной единицы, названной Западной областью¹ (рис. 3.1). Центром ее был определен Смоленск как наиболее развитый экономически и транспортно доступный в то время город, а состояла она из теперешних Смоленской, Брянской, а также частей Калужской, Псковской и Тверской областей². Причем из современной Псковской области в состав Западной области под названием Великолукского округа вошла южная часть. Новое образование оказалось недолговечным. Разные экономические задачи, ставившиеся перед его частями в годы первых пятилеток, сформировали центробежные тенденции и предопределили появление в сентябре 1937 г. Смоленской области³. Брянская и Великолукская (расформированная в 1957 г.) области образовались после освобождения оккупированных территорий соответственно в июле и августе 1944 г.⁴

Несмотря на то что существование Западной области не было продолжительным, для нашего исследования представляют интерес сообщения, принятые в расчет при ее учреждении. Это важно в первую очередь для определения специфики региона.

¹ Постановление Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного подчинения» // Административно-территориальное деление Брянского края за 1916—1985 годы. Т. 1. Тула, 1987. С. 55.

² Материалы к вопросу о районировании Западной области РСФСР. Смоленск, 1928. С. 5.

³ Смоленская область. Краеведческий словарь. М., 1978. С. 188.

⁴ Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 4. С. 78; Государственный архив г. Великие Луки // Псковская область. Официальный сайт. URL : http://www.pskov.ru/ru/heritage/arhiv/velilikie_luki

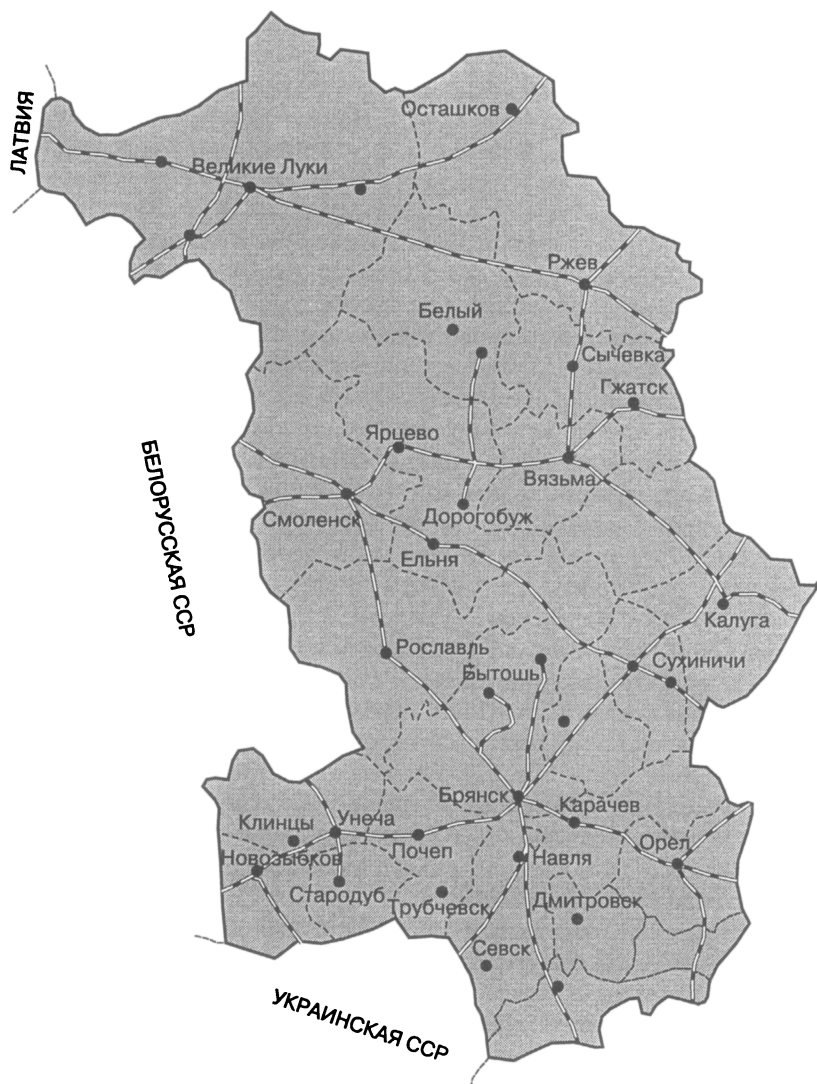

Рис. 3.1. Западная область РСФСР. Карта 1929 г.¹

¹ Западная область. Карта 1929 г. URL : http://www.bryanskobl.ru/region/history/img/bmap_zapad_1929.gif

В подготовительных материалах к образованию Западной области этот регион характеризовался как высокоинтенсивный сельскохозяйственный массив с преобладанием маслично-текстильных культур и развитым продуктивным животноводством. Отмечалось, что здесь существует интенсивное крестьянское хозяйство и его размеры в расчете на один двор велики. Лесистость территории позволяла иметь большое спичечное производство. Кроме того, упоминались стекольное производство и наличие фосфоритов. Существование собственных источников сырья стало еще одним доводом в пользу хозяйственной автономии, и не случайно в представленном плане индустриализации области именно лесным и ископаемым ресурсам отдавался приоритет. Отсутствовала обычная в то время ориентация на создание тяжелых производств, что весьма показательно¹. Преобладающий аграрный характер экономики Западной области делал ее хозяйство альтернативным по отношению к хозяйству Центральной Промышленной области, вместе же они были призваны дополнять друг друга.

Отличия Западной области от Центрально-Промышленной отражены в табл. 3.3 (данные 1928 г.)².

Таблица 3.3

Основные характеристики Западной и Центрально-Промышленной областей

Показатель	Западная область	Центрально-промышленная область
Плотность сельскохозяйственного населения, человек на 1 км ²	38,4	34,0
Распаханность территории, %	37,5	33,9
Интенсивность производства (для незерновых культур), %	27,0	21,4
Скота на 100 душ сельхознаселения, голов	64,9	50,0
То же на 100 га сельхозугодий	89,4	79,3
Доля технических и огородных культур в валовой продукции сельского хозяйства, %	18,1	12,2

Как видим, налицо были те признаки, которые позволяли определить Западную область как сельскохозяйственную зону. Однако характерно, что доля времени, расходуемого местным населением на ведение сельского хозяйства, составляла от 31 до 47%³ (обычное явление

¹ Западная область. Карта 1929 г. URL : http://www.bryanskobl.ru/region/history/img/bmap_zapad_1929.gif

² Там же. С. 8.

³ Довнар-Запольский М.В. Указ. соч. С. 94.

для территорий с аграрным перенаселением). Это обстоятельство облегчило развитие индустриальной составляющей в местной экономике. Впоследствии отчетливо выраженная аграрная ориентация экономики региона утратила самодовлеющий характер, но не перестала быть одним из главных элементов его развития. В результате на территориях, входивших в Западную область, сложился аграрно-индустриальный тип хозяйства.

Кстати, создание Западной области повлияло и на систему расселения. Во время ее формирования регион характеризовался как перенаселенный¹, со средней плотностью населения 44 человек на 1 км² (при сравнении с данными табл. 3.1 обнаруживаем, что близкие к этой цифре показатели плотности в конце XX в. оказалась способна продемонстрировать только Брянская область). Появление области привело к усилению опорного каркаса расселения и формированию в приграничной зоне малых городов и поселков городского типа за счет сокращения числа сельских населенных пунктов².

При формировании территории Западной области большие ожидания связывались со сближением на ней истоков трех больших рек (Волги, Днепра и Западной Двины). Водных путей здесь приходилось 78 км на 1000 км² площади, в то время как во всем тогдашнем СССР — 15 км на 1000 км². Предполагалось, что со временем это обстоятельство будет иметь громадные последствия для экономики региона³. Сегодня можно сказать, что надежды на развитие водного транспорта на территории Западной области не оправдались. Причин тому несколько: экологическое состояние рек (их обмеление), небольшое количество крупных предприятий, а также определенные центром иные приоритеты транспортного развития региона, вытекавшие из его транзитного положения — первоочередное строительство железных дорог.

Активное строительство железных дорог способствовало развитию областей пограничья, хотя и не в равной мере. Брянск, в котором пересеклись ветки от Азовского до Балтийского моря и от Москвы к юго-западной границе через Киев, получил статус крупного железнодорожного узла. Именно в силу этого обстоятельства здесь возник крупный машиностроительный завод, в момент своего появления в 1870-е гг. уступавший по объемам производства только Путиловскому в Петербурге. С постройкой дорог Витебск — Брянск и Брянск — Гомель полу-

¹ Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 94.

² Евдокимов М. Ю., Костюченко М. И. Влияние эффекта пограничности на трансформацию системы расселения Смоленской области.

³ Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 95.

чила развитие западная часть края, где расположены такие достаточно крупные центры, как Клинцы, Новозыбков, Стародуб.

Гораздо меньше от строительства железных дорог выиграла территория Смоленской области. Большая часть старых городов оказалась в стороне от железнодорожных магистралей, и они остались центрами сельскохозяйственных районов. Это особенно характерно для районов, лежащих к северу от трассы Москва — Минск. Все старые города невелики и имеют ограниченные ресурсы для развития. «Второе дыхание» обрел лишь Дорогобуж, где были построены химический завод и железнодорожная ветка к нему. Главной осью системы расселения области является полоса между железной дорогой Москва — Минск, новым и старым Минским шоссе. Дополнительной осью стала субмеридиональная дорога Витебск — Брянск¹. В пределах зоны тяготения этих транспортных коридоров расположено большинство промышленных городов области и все районы, где плотность населения превышает десять человек на 1 км².

Псковская область располагает весьма развитой транспортной инфраструктурой. По ее территории проходят железнодорожные магистрали Москва — Рига, Москва — Таллин, Санкт-Петербург — Киев и т.д., имеется большое количество крупных автодорог². Обычно наличие хорошей транспортной инфраструктуры способствует развитию территории, однако в Псковской области для этого слишком мала плотность населения. Сейчас излишне разветвленная сеть автодорог, протяженная энергетическая и плотная социальная инфраструктуры тяжелым бременем ложатся на бюджет области³. В то же время этих условиях система мелких и мельчайших поселений сохраняет возможность для выживания (хорошая транспортная доступность), однако вред ли имеет потенциал для развития.

В настоящее время, когда западно-российские области стали действительно пограничными, развитая транспортная сеть должна способствовать появлению в них логистических центров (Псковская область граничит сразу с тремя иностранными государствами, Брянская — с двумя). Однако, судя по устойчивой репутации западных регионов как депрессивных (может, в чем-то и незаслуженной), это дело не самого близкого будущего.

¹ Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. Смоленская область. URL : <http://atlas.socpol.ru/portraits/smol.shtml>

² См. подробнее: Схема территориального планирования Псковской области. URL : <http://www.gisa.ru/50529.html>

³ Факторы экономического роста Псковской области. URL : <http://works.tarefer.ru/102/100119/index.html>

В то же время некоторые новые проблемы дают о себе знать уже сейчас. Стали более заметными диспропорции в развитии разных частей приграничных областей. С получением российско-белорусской границей статуса межгосударственной, усилением барьерных функций экономическая роль приграничных пунктов в местах пересечения границы значительно усилилась. Особенно это заметно в Смоленской области. Транзитные транспортные коридоры придают области форму «воронки», расширенной в сторону Беларуси и резко сужающейся по направлению к Москве. Для северного и южного Смоленского приграничья характерны все более нарастающий процесс депопуляции сельской местности, изрезанность сети и измельчение величины сельских населенных пунктов, утрата поселениями последних культурно-бытовых функций и резкое снижение уровня сельскохозяйственного освоения территории. В центральной части области нарастает процесс стягивания большей части населения в прикаркасную зону вдоль магистрали Москва — Минск, который резко усилился в связи с восстановлением движения по Старой Смоленской дороге¹. В Брянской области похожий эффект наблюдается на украинском направлении (магистраль Москва — Киев). Что касается Псковской области, то ее транспортные потоки направлены в основном на запад (в направлении прибалтийских государств) и на север (в сторону Санкт-Петербурга). На белорусском направлении дорога Великие Луки — Полоцк пока явно уступает им по значимости.

Сегодняшняя ориентация западнороссийских областей характеризуется как аграрно-индустриальная. Более северное расположение Псковской и Смоленской областей предопределило развитие в них льноводства (по сведениям М.В. Довнар-Запольского, в 1920-е гг. в Смоленской губернии лен занимал около 35% ярового поля, а в отдельных уездах — до 70%)². Сельское хозяйство Брянской области, находящейся на границе черноземной и нечерноземной зон, более разнообразно. В Псковской области по состоянию на 1989 г. насчитывалось лишь 1,2% сельских населенных пунктов, население которых было в основном не связано с сельским хозяйством. В Брянской их было 1,6%, а в Смоленской — 2%. Для сравнения — средний показатель по РСФСР — 8,4%³.

¹ Евдокимов М.Ю., Костюченко М.И. Влияние эффекта пограничности на трансформацию системы расселения Смоленской области.

² Довнар-Запольский М.В. Указ. соч. С. 97.

³ Рассчитано по: Сельские населенные пункты РСФСР. С. 124, 150, 154, 172.

3.2.2. Витебская, Могилевская и Гомельская области

Характер хозяйственного развития Беларуси во многом определяется ее географическими условиями. Страна представляет собой «однотипную равнину»¹. Это обстоятельство затрудняло формирование городских центров, поскольку отсутствовали условия для дифференциации форм труда, и поэтому избыточное аграрное население чаще всего мигрировало в российские промышленные центры, например, для работы на шахтах. В результате складывалась любопытная картина: районы с наибольшей плотностью населения на территории республики были сельскими².

Эта особенность предопределила преимущественно организованный характер белорусской урбанизации. Быстрый рост городских поселений стал особенно заметен после Великой Отечественной войны, когда задача восстановления разрушенного хозяйства соединилась с необходимостью формирования городских промышленных центров. Ущерб от войны был очень велик. Достаточно сказать, что лишь к 1972 г. Белоруссия достигла довоенной численности своего населения³.

На территории российско-белорусского пограничья располагаются три самых крупных города республики после Минска — Витебск, Гомель и Могилев. Наиболее урбанизированной считается Могилевская область.

Как это было принято в советские годы, новые города обычно развивались в местах новых производств. С одной стороны, это способствовало поддержанию быстрых темпов городского роста, но с другой — близость процессов урбанизации с индустриализацией республики (урбанизация как рост населения, занятого в промышленности) делала этот процесс экстенсивным, типичным для советской модели урбанизации в целом. Проблема была осознана руководством республики, и примерно со второй половины 1970-х гг. белорусская урбанизация постепенно приобретала качественный характер. Именно в это время в республике начала действовать политика ограничения роста крупных городов и стимулирования развития мелких⁴. Переход к интенсивной стадии урбанизации выразился и в постепенном усложнении связей между поселениями, активизации средних городов, изменении социально-профессиональной структуры населения в пользу

¹ Довнар-Запольский М.В. Указ. соч. С. 7.

² Там же.

³ Польский С.А. Урбанизация Белорусской ССР. Минск, 1985. С. 10.

⁴ Экономическая география Белоруссии. С. 37.

несельскохозяйственных профессий, увеличении сферы услуг, информационного сектора, развитии межгородского транспорта¹. Эта политика позволила избежать некоторых перекосов, обычных для СССР периода первых пятилеток. Инфраструктура новых белорусских городов выглядела более сбалансированной, а сами города — более пригодными для жизни. С другой стороны, большинство малых городов (как и в приграничных областях России) развивались слабо. Это объяснялось нарушениями в их функциональной структуре и в значительной мере потерей той роли, которую они прежде играли по отношению к своему сельскому окружению² (по преимуществу местных торговых центров).

С 1960-х годов одной из задач белорусской урбанизации стала борьба с гипертрофированной ролью Минска в вопросах размещения населения и развития экономики республики. Депрессивное состояние малых городов объяснялось в том числе и этой проблемой. Следует отметить, что на этапе урбанизации, который во второй половине XX в. переживали белорусские и российские территории, мигранты из села обычно выбирали города своей округи, а также крупнейшие города. Минск поэтому естественным образом притягивал бывших сельских жителей. Однако темпы роста Минска были гораздо более высокими, чем других крупнейших городов СССР, что позволило говорить о «минском феномене»³. Борьба с этим явлением (несколько более успешная, чем аналогичные меры по ограничению притока мигрантов в Москву) не привела к качественным изменениям, хотя и несколько замедлила процесс (табл. 3.5⁴).

Таблица 3.5

Доля Минска в населении Белорусской ССР в 1939—1984 гг., %

Год	Доля Минска в численности	
	всего населения БССР	городского населения БССР
1939	2,7	12,9
1959	6,3	20,5
1970	10,2	23,5
1979	13,3	24,2
1984	14,8	24,3

¹ Польский С.А. Урбанизация Белорусской ССР. С. 17.

² Польский С.А., Козлов Г.С. Социально-экономические проблемы урбанизации БССР // Природные и социально-экономические условия Белорусской ССР. Минск, 1984. С. 110.

³ Польский С.А. Урбанизация Белорусской ССР. С. 44.

⁴ Там же. С. 24.

Замедление роста населения Минска не только было следствием ограничительных мер, но и отражало вхождение республики в новый этап урбанизации, когда растет население не только малых и крупнейших, но и средних городов. Этот этап завершается с исчерпанием ресурсов сельского населения для пополнения новых миграционных потоков из села в город. В Белоруссии это произошло примерно на рубеже 1980—1990-х гг. Что касается городов — центров приграничных областей, то среди них устойчивым и значительным ростом на протяжении долгого времени выделялся только Гомель (табл. 3.6)¹.

Таблица 3.6
Среднегодовые темпы прироста городского населения БССР
и основных городов республики в 1959—1984 гг.

Все городское население БССР и отдельно города	Среднегодовой темп прироста, %		
	1959—1970 гг.	1970—1979 гг.	1980—1984 гг.
Городское население БССР	3,95	3,35	2,75
Минск	5,50	3,75	2,00
Гомель	4,50	3,90	4,15
Витебск	4,15	2,85	2,60
Могилев	4,70	4,10	2,75
Гродно	5,55	4,45	4,25
Бобруйск	3,15	3,75	2,65
Брест	4,65	4,20	3,60

Для понимания характера демографических процессов на территории белорусских областей пограничья необходимо выяснить основные условия их протекания, т.е. необходима характеристика местных поселенческой, хозяйственной и транспортной систем.

При средней плотности населения на уровне 33—35 человек на 1 км² плотность сельского населения **Витебской** области всего 16 человек на 1 км². При этом сильнее всего заселены юго-восточные и юго-западные районы области (плотность 25 и 19 человек на 1 км²), что объясняется их лучшей сельскохозяйственной освоенностью. На размещение и плотность сельского населения в восточных районах большое влияние оказали последствия Второй мировой войны, поэтому трудовыми ресурсами для сельского хозяйства эти районы обеспечены менее, чем западные. Как и Псковская область России, Витебская имеет очень густую сеть мелких сельских поселений, большинство деревень насчитывают от 20 до 30 дворов и размещаются на берегах рек и озер, вблизи шоссе и железных дорог. Кроме Витебска наиболее

¹ Польский С.А. Урбанизация Белорусской ССР. С. 25.

значимые города — Орша, Полоцк, Лепель, а также новые промышленные центры — Новополоцк, Новолукомль. Удобнее всего в транспортном отношении расположены Витебск, Орша, Полоцк и Новополоцк. Именно этим обстоятельством объясняется то, что эти города дают $\frac{4}{5}$ валовой промышленной продукции области¹.

Как и в сопредельных российских территориях, одним из значимых направлений развития сельского хозяйства Витебской области является льноводство. Область располагает крупнейшими в республике площадями посевов этой культуры. Тем не менее аграрный сектор Витебской области многоотраслевой. Около половины посевов занимают зерновые культуры, развито картофелеводство, животноводство².

В отличие от соседней Украины, где существует полицентрическая система транспортных путей (транспортные центры — Киев и Харьков), в Беларуси она моноцентрична. Это обстоятельство определяет центростремительный характер развития республики. По территории Витебской области проходит большое количество железных и автодорог. Наиболее значимые из них: Москва — Минск и Санкт-Петербург — Киев³. Как и в Смоленской области, ключевую роль играет первое из этих направлений. В результате южная часть Витебской области получает дополнительный стимул для развития.

Как и на других приграничных территориях России и Беларуси, плотность населения Могилевской области возрастает с севера на юг. При этом в отличие от Витебской области плотнее заселен не приграничный юго-восток, а тяготеющий к центру юго-запад⁴. Именно здесь располагаются крупные города Бобруйск и Осиповичи. На востоке области выделяется только Кричев.

В сравнении с Витебской областью сельское расселение Могилевщины более равномерное, за исключением более плотно заселенного юго-запада. На приграничном лесном юго-востоке преобладают небольшие деревни с численностью 50—200 человек. Сказывается в целом менее развитая, чем на Витебщине, транспортная сеть: ряд населенных пунктов приграничной восточной части области долгое время не имели отлаженной системы транспортного сообщения с местными городами⁵.

В силу особенностей географического и транспортного положения Могилевская область в большей степени, чем Витебская, тяготеет к со-

¹ Экономическая география Белоруссии. С. 161—162.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 170.

⁴ Могилевская область. Минск, 1988. С. 17.

⁵ Экономическая география Белоруссии. С. 191.

предельным Смоленской и Брянской областям. Дело в том, что по ее территории проходят транспортные магистрали Санкт-Петербург — Киев и Унеча — Орша, облегчающие сообщение с российскими регионами. В то же время расположение наиболее значимых городов в центральной и юго-западной частях области задает «минский» вектор ее хозяйственной ориентации.

Безусловными лидерами по уровню развития являются Могилев и Бобруйск, которые обеспечивают до 80% объема промышленной продукции области. Такой высокий уровень концентрации производства ограничивает сферу влияния других городских центров на сельскую местность, порождая диспропорции в развитии отдельных районов.

Характер расселения на территории Гомельской области определяется тем, что в западной ее части находится Припятское Полесье — сильно заболоченная и покрытая лесом территория. В результате в наибольшей степени освоен восток области. Богатые залежи разнообразных полезных ископаемых в сочетании с хорошим транспортным положением создают условия для активного промышленного развития. Притом что по средней плотности населения область уступает Могилевской, сеть поселений концентрируется в восточной части, где плотность населения достаточно велика. Напротив, в западных полесских районах¹ она составляет лишь 20—30 человек на 1 км² (что все-таки больше, чем в северных районах Витебской области). Людность сельских населенных пунктов в Гомельской области выше, чем в центральной и северной частях республики. При этом самыми людными, как ни парадоксально, являются именно сельские населенные пункты Полесья². Эта ситуация объясняется отсутствием серьезного «городского предложения» на указанной территории (кроме Мозыря). Крупные промышленные центры (в том числе Светлогорск и Жлобин) находятся в центральной и восточной частях области, где и формируют соответствующую сферу урбанистического влияния для сельских поселений.

Отличительной чертой Гомельской области стала бурная урбанизация с начала 1970-х гг. При этом особенно быстро росли малые города. Особенно быстрыми темпами в результате внутренней миграции рос Светлогорск, в том числе за счет областного центра. Привлекательность местных промышленных центров для потенциальных мигрантов способствовала более сбалансированному развитию Гомельской области (например, в сравнении с соседними Могилевской и Брянской).

¹ Экономическая география Белоруссии. С. 177.

² Белорусское Полесье: проблемы развития и размещения производительных сил / под ред. С.И. Сидора. Минск, 1983. С. 25.

Интенсивная индустриализация 1970-х гг., с одной стороны, стимулировала отток населения в города, а с другой — способствовала стабилизации населения в пределах области.

Оборотной стороной преимущественного развития восточной части Гомельской области является отток населения из районов Полесья. Особенно интенсивным в 1970-е гг. он был в Приднепровском и Центральном Полесье, в том числе из Хойникского, Лельчицкого и Наровлянского районов, где население сократилось в среднем на 20%. Характерно, что это сокращение происходило на фоне гораздо менее значительного оттока населения в Западном Полесье, где процессы урбанизации были менее интенсивны¹.

По степени сельскохозяйственного освоения область уступает центральным и северным областям Белоруссии. Помимо зерновых, существенные площади занимают посевы льна, однако с падением доходности его производства во второй половине 1960-х — 1970-е гг. наметилась тенденция к сокращению посевов. Следует отметить, что ситуация с сокращением доходности от прежде хорошо оплачиваемой трудозатратной льноводческой отрасли затронула практически все приграничные области России и Белоруссии. Изменение системы расценок в сторону их уменьшения стало дополнительным фактором, выталкивавшим сельское население из деревни в город. В этих условиях параллельно с расширением посевов в XXI пятилетке была принята программа механизации льноводства, однако результаты не оправдали возложенных на нее ожиданий. Пригородный характер сельского хозяйства Гомельской области предопределил хорошее развитие животноводства, которое стало главным направлением в аграрной специализации региона.

Главные пути сообщения, проходящие по территории области: дороги Санкт-Петербург — Киев (с севера на юг), Минск — Харьков (на северо-востоке), Унеча — Гомель — Брест (с востока на запад). Таким образом, главное меридиональное транспортное направление (Москва — Минск) досталось Витебской области, а на территории Гомельской и Могилевской находится хотя и важная, но уступающая ей дорога, соединяющая российский Северо-Запад с Украиной. Плотность железных дорог в Гомельской области несколько ниже, чем у соседей и в среднем по Беларуси.

¹ Белорусское Полесье / под ред. С. И. Сидора. С. 24.

4. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

4.1. Городское и сельское население

Одним из наиболее существенных показателей, позволяющих оценить степень урбанизации, является соотношение численности городского и сельского населения. На рисунке 4.1 показано, как менялась доля городского населения в населении пограничных областей¹. Также на этот рисунок вынесены данные по Гродненской, Минской и Брестской областям Беларуси, являющимся западными по отношению к белорусским регионам пограничья.

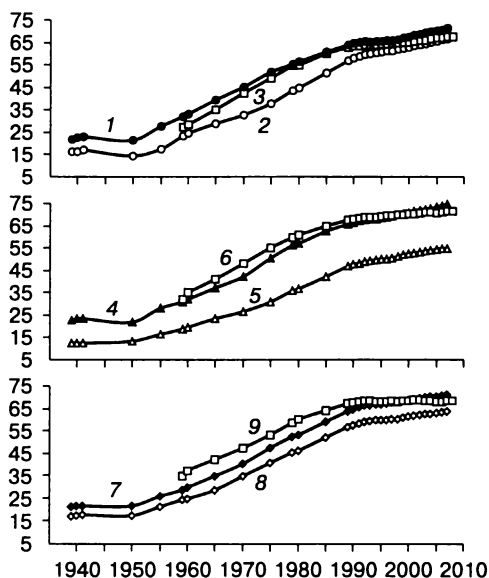

Рис. 4.1. Динамика показателя урбанизации (%) в областях Беларуси и России: Витебская (1), Гродненская (2) и Псковская (3); Могилевская (4), Минская (5) и Смоленская (6); Гомельская (7), Брестская (8) и Брянская (9)

¹ Составлено по материалам сборников «Народное хозяйство СССР», «Народное хозяйство РСФСР» за соответствующие годы; «Население Республики Беларусь», Минск, 2007, а также юбилейных статистических сборников.

Можно сразу отметить, что в целом при переходе от западных к восточным областям доля городских жителей возрастает. Исключение составляют только соседствующие Псковская и Витебская области. Примерно до 1980 г. уровень урбанизации в Витебской области был несколько выше, чем в Псковской области, а затем эти показатели практически сравнялись. Отклонение от общего тренда связано со спецификой развития Псковской области, которая длительное время оставалась преимущественно аграрной. Различия в уровнях урбанизации наиболее отчетливо проявляются между соседствующими областями Беларуси. Так, в 1939 г. показатель урбанизации на западе Белоруссии находился в пределах от 12,4 до 16,8%, в то время как в восточных областях этот диапазон составлял 21,2—22,7%. В тройке западных областей несколько выделяется Минская область, для которой показатель урбанизации ниже (в 1939 г. — 12,4%). Такое положение объясняется «столичным» статусом области. В белорусской демографической статистике город Минск рассматривается как отдельный регион. На начало 2007 г. соответствующие диапазоны показателей урбанизации для регионов Беларуси составили: 49,4—60,5% (западные области) и 65,5—68,1% (восточные области).

Как видим, различия в уровнях урбанизации между западом и востоком сохранились, хотя в относительных цифрах показатели сблизились. Отставание западных областей по уровню урбанизации во многом объясняется тем, что до 1939 г. запад Белоруссии находился в составе Польши, а потому не был охвачен политикой ускоренной индустриализации, проводившейся в остальной части республики, входившей в состав СССР. Отставание в уровнях урбанизации между западом и востоком сохранилось и фиксируется в наши дни.

В динамике доли городского населения регионов пограничья обращает на себя внимание отсутствие резких различий в сценариях урбанизации. Для регионов различаются лишь сроки достижения равенства в соотношении долей городского и сельского населения (табл. 4.1).

К концу 1980-х гг. в группу более урбанизированных областей пограничья входили Смоленская, Брянская и Могилевская, менее урбанизированных — Гомельская, Витебская и Псковская (табл. 4.2).

Таким образом, уровни урбанизации в российских областях в среднем оказывались несколько выше, чем в белорусских. Для объяснения этого факта естественно принять во внимание аграрную репутацию Белоруссии в составе СССР. В самом деле, если сопоставить данные по отдельным областям со средними по стране, а также по республикам и экономическим районам, то увидим, что доля городского населения по восточным белорусским областям несколько выше обще-

республиканских показателей (за исключением Гомельской области, которая в тот момент (1979) была менее урбанизированной) (рис. 4.2)¹. Напротив, доля городского населения в западных областях России существенно ниже, чем в экономических районах, к которым они относятся, и меньше, чем по республике в целом. При этом ясно видно, что уровень белорусской урбанизации был ниже, чем в среднем по СССР, а российской — выше, несмотря на огромную территорию РСФСР.

Таблица 4.1

Сроки достижения равенства в соотношении городского и сельского населения по приграничным областям РСФСР и БССР*

Область	Год
Псковская	1975
Смоленская	1972
Брянская	1972
Витебская	1973
Могилевская	1975
Гомельская	1977

* Составлено по материалам сборников «Народное хозяйство СССР».

Таблица 4.2

Доля городского и сельского населения по областям пограничья (по состоянию на 1989 г.), %*

Область	Городское население	Сельское население
Псковская	63	37
Смоленская	68	32
Брянская	67	33
Витебская	64	36
Могилевская	66	34
Гомельская	64	36

* Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991; Народное хозяйство РСФСР в 1989 году. М., 1990.

Такого толкования различий в уровнях урбанизации, само по себе убедительного, тем не менее недостаточно. Не будем забывать об особенностях системы сельского расселения, речь о которой шла выше. Кроме того, необходимо учитывать, что темпы урбанизации в советских условиях едва ли не в первую очередь определялись характером

¹ Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. М., 1989. С. 28—29, 42—43.

экономических реформ. Чаше всего правительственные программы не учитывали региональных особенностей, и их влияние на демографическую структуру регионов было схожим (к сожалению, по преимуществу негативным, так как советские аграрные реформы, как правило, ориентировались на благополучные регионы юга страны¹). Однако в тех немногочисленных случаях, когда предлагались местные программы развития (в Смоленской области в середине 1960-х гг. и Гомельской в начале 1980-х гг.), городское развитие отдельных территорий становилось более быстрым.

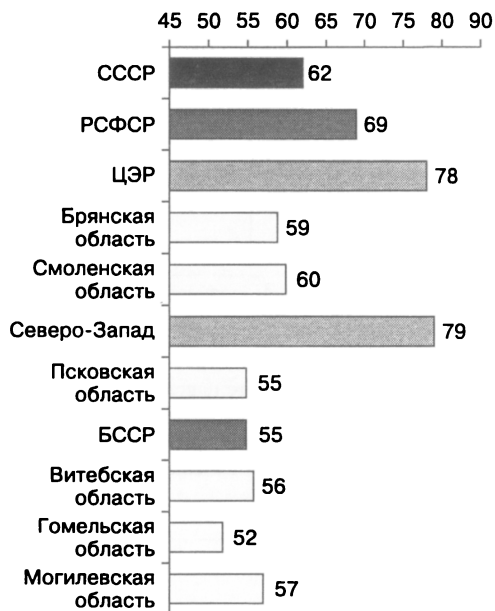

Рис. 4.2. Доля городского населения по состоянию на 1979 г., %

Сравним динамику перехода населения из сельского состояния в городское по отдельным областям и постараемся установить причины имеющихся различий. Не будем забывать, что общий прирост (убыль) населения складывается из данных естественного и механического миграционного прироста. Вместе они образуют уравнение демографического баланса. Вначале остановимся на приросте численности населения.

¹ См. подробнее: *Никонов В.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII—XX века). М., 1995.

4.2. Общие темпы прироста (убыли) населения

В качестве показателя, характеризующего прирост численности населения за определенный промежуток времени, мы использовали среднегодовой коэффициент темпа прироста (убыли) населения. Численно этот коэффициент равен отношению среднегодового абсолютного прироста (убыли) к численности населения в начале периода. Коэффициент темпа прироста (убыли) определяется на 1000 человек населения и выражается в промилле в год. По смыслу среднегодовой коэффициент темпа прироста (убыли) выражает усредненную годовую величину прироста (убыли) численности, приходящуюся на 1000 человек населения. При увеличении численности коэффициент темпа прироста являлся положительным, при уменьшении — отрицательным. Когда коэффициент имеет отрицательный знак, мы будем говорить о коэффициенте темпа убыли населения. Усредненные коэффициенты определяли на пятилетних временных интервалах (в период с 1950 по 1990 гг.) и после 1990 г. — на двухлетних интервалах.

На рисунках 4.3, 4.4 приведена динамика коэффициента прироста (убыли) для сельского и городского населения в составе трех пар приграничных областей. Как видим, кривые имеют сложную конфигурацию, которая не может быть объяснена динамикой общих коэффициентов рождаемости и смертности, имеющей относительно простой характер. Дело в том, что динамика миграции в регионах менялась гораздо чаще, оперативно реагируя на текущую социально-экономическую и политическую конъюнктуру.

На рисунке 4.3 хорошо виден циклический характер изменений коэффициента убыли сельских жителей. Амплитуда колебаний различается по отдельным областям, тем не менее представляется возможным выделить четыре последовательно расположенных минимума. Их пиковые значения приходятся примерно на 1950—1955, 1960—1965, 1970—1975 и 1990—2000-е гг.

На графиках выделяется также непродолжительный период (вторая половина 1950-х гг.), в течение которого в трех областях из шести (Смоленской, Гомельской и Брянской) отмечался положительный прирост сельского населения. Его причины в непродолжительных успехах первой волны хрущевских реформ, заставивших многих недавних мигрантов вернуться в село. В остальных областях коэффициент прироста сельского населения в это время также вырос, хотя и не стал положительным.

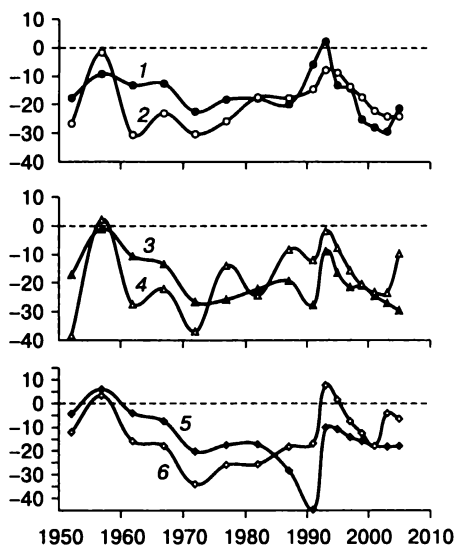

Рис. 4.3. Динамика среднегодового коэффициента темпа убыли (‰ в год) сельского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

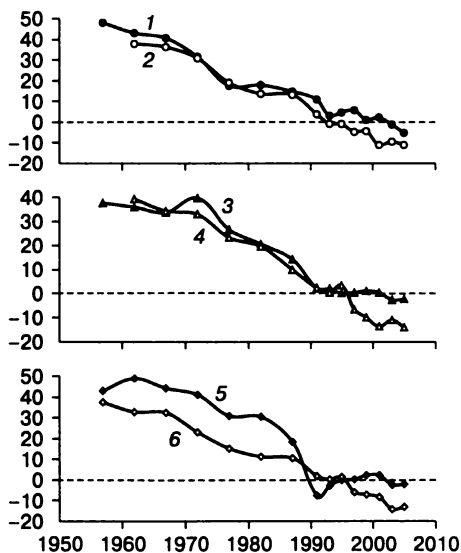

Рис. 4.4. Динамика среднегодового коэффициента темпа прироста (‰ в год) городского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

Вслед за этим подъемом в начале 1960-х гг. последовал серьезный спад. В его основе — негативные последствия «мясомолочной» кампании 1959 года, когда было начато наступление на приусадебное скотоводство. Ограничения на содержание скота касались в первую очередь городских жителей и рабочих совхозов. Параллельно велось преобразование колхозов в совхозы, затронувшее в первую очередь отсталые хозяйства. Наиболее значительными масштабы преобразований были в Псковской и Смоленской областях пограничья, где было мало эффективных хозяйств, что привело к более резкому сокращению в них населения в сравнении с другими территориями. Этот факт отчетливо виден при сопоставлении численных значений коэффициентов темпа убыли (см. рис. 4.3).

Минимум первой половины 1970-х гг. позволяет судить о последствиях политики ликвидации «неперспективных» деревень. Сокращение сельского населения затронуло все области, но наиболее значительным оно на этот раз оказалось в Смоленской и Брянской областях. В Смоленской области примерно с середины 1960-х гг. проводилась политика форсированной урбанизации в рамках специальной программы, призванной компенсировать экономические потери, возникшие в результате демографических проблем. Это автоматически понижало устойчивость местного села. Что касается Брянской области, то в начале 1970-х гг. ее село вступило в фазу наибольших миграционных потерь. К этой стадии подходили и белорусские области. То есть в тех случаях, когда естественный ход урбанизации дополнялся непродуманными действиями властей, последствия для села оказывались более тяжелыми.

Для сельских жителей Гомельской и Могилевской областей (см. рис. 4.3, кривые 3, 5) четко проявляются всплески в значениях коэффициента темпа убыли численности населения, пики которых пришлись на временной интервал 1990—1992 гг. Резкое падение численности населения в эти годы связано с интенсивным оттоком жителей из регионов в связи с аварией на ЧАЭС. Таких резких изменений нет в Витебской области (см. рис. 4.3, кривая 1), население которой незначительно пострадало от аварии. Отток населения в связи с чернобыльской аварией происходил также в Брянской и Смоленской областях — соседних с пострадавшими белорусскими регионами, что проявляется на соответствующих графиках зависимостей (см. рис. 4.3, кривые 4, 6).

Наконец, на всех кривых отмечается взлет 1994 г., хотя и разной интенсивности. Его пережили многие регионы России и Беларуси. Он означает приток населения за счет волны беженцев из «горячих точек».

Интенсивность подъема отражает субъективную привлекательность территории в глазах переселенцев. В российских областях сюда добавилось еще и недолгое обратное перемещение из города в село молодых мигрантов, желавших переждать в родительских домах трудное время экономического кризиса. Как видим, наибольшим подъем произошёл в Витебской, Смоленской и Брянской областях (см. рис. 4.3, кривые 1, 4 и 6). Что касается Витебской области, то в нее переехало немало переселенцев из Могилевской и Гомельской областей. Характерно, что в «чернобыльских» Гомельской и Могилевской областях подъем хотя и имел место, но был менее значительным.

Динамика среднегодового коэффициента прироста городского населения приведена на рис. 4.4. В большей части временной шкалы коэффициент темпа прироста горожан является положительным, хотя и достаточно быстро убывает. В российских регионах динамика становится отрицательной раньше, чем в белорусских (если не считать ее кратковременного изменения в Гомельской области в связи с аварией на ЧАЭС).

Динамика среднегодового коэффициента темпа прироста для общего состава населения регионов российско-белорусского пограничья приведена на рис. 4.5. Заметим, что при отрицательных значениях

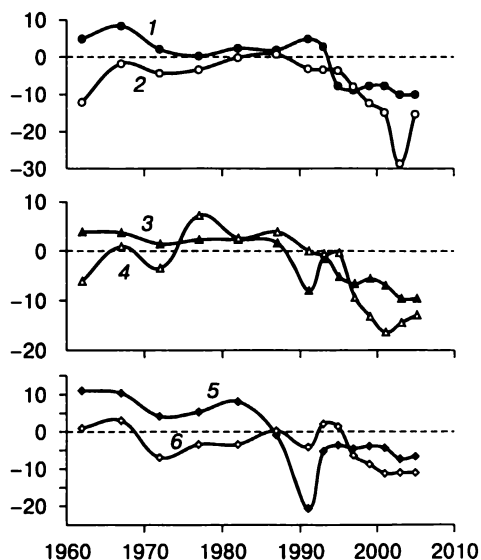

Рис. 4.5. Динамика среднегодового коэффициента темпа прироста (‰ в год) всего населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

коэффициента в регионах численность жителей уменьшается, т.е. происходит депопуляция. Как видно, российские регионы первыми испытали это состояние: Псковская область — в течение практически всего периода, за исключением временного интервала 1970—1980-х гг., Смоленская — примерно до 1975 г. и после 1995 г. и Брянская — с 1970 г. до начала 1990-х гг. с перерывом во второй половине 1980-х гг. и после 1995 г. В то же время вплоть до аварии на ЧАЭС в восточных областях Беларуси коэффициент темпа прироста оставался положительным, т.е. там происходил прирост численности населения, а в Витебской области депопуляция началась только в середине 1990-х гг. В настоящее время все регионы пограничья находятся в состоянии депопуляции со среднегодовым значением коэффициента темпа прироста от -5 до -15% .

4.3. Рождаемость

Естественный прирост, или воспроизводство, населения определяется разностью между числом рождений и смертей за исследуемый промежуток времени (обычно за год). Для первичной характеристики процесса рождаемости используют общий коэффициент рождаемости — число рождений в год, приходящихся на 1000 человек населения. На рисунках 4.6 и 4.7 приведена динамика общего коэффициента рождаемости в территориальных группах регионов пограничья.

При анализе динамики рождаемости необходимо учитывать фактор демографических волн, а также правительственных мер, принимаемых в части увеличения рождаемости. Во второй половине XX в. страна пережила несколько всплесков рождаемости — сразу после войны, в конце 1950-х и в первой половине 1980-х гг., причем каждая последующая волна оказывалась меньше предыдущей. Впрочем, прогрессирующее ухудшение демографической ситуации часто заставляет оценивать процесс рождаемости показателями отрицательной динамики. Наиболее серьезное снижение уровня рождаемости приходится на вторую половину 1960-х гг. (отдаленное следствие Великой Отечественной войны) и в 1990-е гг. (еще одно «эхо войны», усиленное затяжным социально-экономическим кризисом). Эта многофакторность не отменяет главной тенденции: снижение рождаемости в XX в. происходит через переход к внутрисемейному планированию числа детей в семье¹.

¹ Елизаров В., Федотовская Т. Динамика рождаемости и демографическая политика в России в XX веке. URL: <http://www.demoscope.ru/popul/popul16.html>

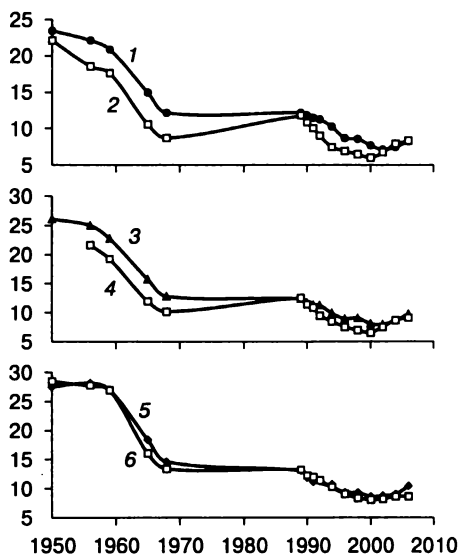

Рис. 4.6. Динамика общего коэффициента рождаемости (‰) сельского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

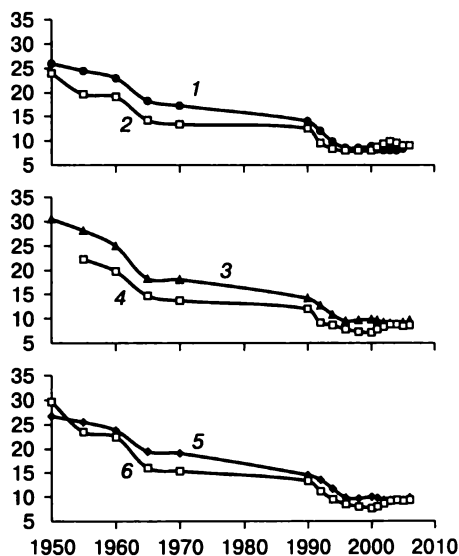

Рис. 4.7. Динамика общего коэффициента рождаемости (‰) городского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

Таким образом, сокращение рождаемости является общей тенденцией для российского и белорусского населения. За период с 1950 по 2000 г. общий коэффициент рождаемости снизился примерно в 2,5 раза, при этом в течение 1950—1960-х гг. рождаемость в селе была ниже, чем в городских поселениях. Последнее объясняется структурной чувствительностью, характерной для всех общих коэффициентов. Состав, или структура, городского населения, включающего в себя большое количество сельских переселенцев, является относительно молодым по сравнению с сельским населением. Как уже отмечалось, при нахождении общего коэффициента рождаемости число родившихся относят ко всей численности жителей. Естественно, что если в структуре населения большое количество людей в старших возрастных группах, то этот фактор влияет и на значение рассчитываемого коэффициента, хотя указанная категория лиц никакого отношения к процессу рождаемости не имеет. По этой причине общий коэффициент рождаемости в селе был ниже, чем в городе, хотя интенсивность рождаемости (число детей, приходящихся в среднем на одну женщину-мать) в сельской местности, как правило, выше.

В течение практически 20-летнего периода (с 1950 по 1970 г.) в селе пограничья имело место достаточно резкое сокращение рождаемости с постепенным переходом динамики в спокойную фазу. Таким образом, демографическая волна всплеска рождаемости 1950-х гг. в сельской местности пограничных областей практически не проявилась. Что касается всплеска рождаемости 1980-х гг., то, по мнению Л. Шахотько, он определялся одновременным действием двух факторов: благоприятной возрастной структурой населения и мерами пронаталистской политики — было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»¹. В соответствии с этим постановлением с конца 1981 г. работающие матери стали получать единовременное пособие на рождение первого, второго и третьего ребенка, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до исполнения ему одного года, дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком возраста полутора лет и т.п.²

По нашему мнению, если государственные меры по подъему рождаемости 1981 г. и имели эффект, то весьма ограниченный. На это указывает и достаточно плавное изменение кривых на соответствующую

¹ *Шахотько Л.* Население Белоруссии накануне переписи. Ст. 2. Рождаемость — столетие снижения // *Население и общество*. 2009. № 393—394. 12—25 окт. URL : <http://demoscope.ru/weekly/2009/0393/print.php>

² Там же.

щих графиках. В целом необходимо признать, что мероприятия демографической политики обладают весьма ограниченными возможностями влияния на население как с точки зрения изменения его абсолютной численности, так и по срокам воздействия. Если ставится цель повышения рождаемости, как это было в 1981 г., то под воздействием правительственных мер рождаются дети, чье появление на свет было запланировано на более поздние сроки. Однако позже вступают в действие иные факторы — ментальные установки активного поколения на желаемое количество детей в семье. Относительно небольшое количество урбанизированных советских семей в 1980-е гг. сохраняли ориентацию на рождение двух и более детей. В результате за кратковременным всплеском рождаемости (преимущественно на селе) последовал неизбежный ее спад. Таким образом, результатом мер демографической политики стал лишь сдвиг «календаря рождений» на более ранние сроки.

В сельской местности пограничья наиболее очевидным повышение рождаемости 1980-х гг. было в самых демографически неблагополучных Псковской и Смоленской областях, что позволило им несколько приблизиться по этому показателю к другим территориям. В остальных областях подъем рождаемости в 1980-х гг. был почти незаметен.

Сопоставление динамики общего коэффициента в территориальных группах населения соседствующих регионов России и Беларуси позволяет выделить два временных участка, на которых видно, что межреспубликанские различия в значениях коэффициента являются максимальными. Первый временной участок соотносится с 1950—1960-ми гг., второй — с кризисным периодом 1990-х гг. (см. рис. 4.6, 4.7). На обоих участках уровень значений коэффициента в российских областях оказался более низким, чем в белорусских. Наибольшее различие коэффициентов характерно для Витебской и Псковской, Могилевской и Смоленской областей, и наоборот, в Гомельской и Брянской областях расхождение коэффициентов является минимальным (особенно в сельской местности этих областей — см. рис. 4.7, кривые 5, 6).

Ситуация постсоветского времени также вполне предсказуема — с начала 1990-х гг. происходило сначала резкое, а затем все более плавное снижение рождаемости с небольшой положительной коррекцией в начале нового тысячелетия. При этом белорусские регионы выглядели предпочтительнее, а аутсайдерами выступали все те же две российские области — Псковская и Смоленская.

Сокращение рождаемости городского населения происходило менее резко, чем сельского, за исключением пятилетия 1960—1965 гг., когда спад был очень значительным. Отмеченная тенденция в целом

соответствует общесоюзной. В период после 1990 г. динамика городской рождаемости фактически повторяла сельскую. В целом сопоставление городской и сельской динамики рождаемости обнаруживает лишь одно существенное отличие — резкое сокращение рождаемости в селе на рубеже 1950—1960-х гг., что объясняется неудачей хрущевских мер по реформированию деревни, активным наступлением на приусадебное скотоводство и последующей массовой миграцией сельских жителей активного детородного возраста в города.

В конце 1980-х гг. значения общих коэффициентов рождаемости в территориальных группах населения регионов были максимально сближены. Особенно отчетливо этот факт проявился в данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. Исходя из имеющихся данных мы полагаем, что расхождения между регионами в уровнях рождаемости в 1950—1970-е гг. связаны с более высоким внешним миграционным оттоком населения в российских областях. К моменту миграции переселенцы в большинстве своем не успевали обзавестись семьей, т.е. никак не влияли на уровень рождаемости своих регионов. В итоге значения показателя рождаемости в российских областях оказались более низкими, чем в соседней Белоруссии.

Примечательно, что на городской динамике рождаемости, если судить по графикам, практически не сказались упомянутые меры стимулирования рождаемости 1981 г., равно как не проявилось и действие волны рождаемости 1980-х гг. Объяснение может быть одно — к этому времени в городах пограничья утвердился новый тип воспроизводства населения. Мигранты из села во втором поколении в отличие от своих родителей ориентировались в основном на малодетную семью. В процессе урбанизации, таким образом, произошли качественные изменения.

Спад уровня рождаемости в российских регионах стал одним из последствий социально-экономического кризиса 1990-х гг. В начале 2000-х гг. начался медленный рост общего коэффициента рождаемости, особенно очевидный в сельской местности белорусских и российских областей. В значительной мере он связан с реализацией мер политики по поощрению рождаемости, принятой в обоих государствах.

Здесь необходимо отметить, что прогнозные оценки динамики рождаемости должны неминуемо исходить из соотношения глобальных закономерностей в развитии этого процесса и мер демографической политики. Абсолютизация глобальных процессов неизбежно приведет к некоей разновидности урбанистического детерминизма. С другой стороны, мы имели возможность убедиться, что меры демографической политики в большинстве случаев были весьма ограни-

ченны по своему воздействию. На наш взгляд, мероприятия властей (как демографические, так и прочие — экономические, социальные и т.п.) объективно соответствовали целям урбанизации и — шире — модернизации общества. Однако их реализация в советских условиях была далеко не оптимальной. Идеологема гегемонии рабочего класса по отношению к другим слоям общества, в том числе крестьянству, курс на форсированную индустриализацию — все это обусловило гораздо более высокий уровень деформации демографической структуры по сравнению с желаемым сценарием. Трансформация рождаемости по «городскому» типу также произошла раньше, чем следовало. При этом в Беларуси в силу более позднего формирования городского общества указанный процесс развивался более естественно, а допущенных перекосов были меньше.

С этой же точки зрения необходимо оценивать влияние разного рода кризисов на демографическое развитие. Наиболее дискуссионным для исследователей в настоящее время является вопрос о демографических последствиях социально-экономического кризиса в России начала 1990-х гг. Здесь сталкиваются так называемые эволюционная и катастрофическая парадигмы. Эволюционная парадигма базируется на точке зрения А.Г. Вишневого¹, утверждающего, что истоки последних деформаций надо искать как минимум в 1960-х гг. Эта точка зрения в основном совпадает с нашими оценками. Катастрофическая исходит из определяющего влияния внешних факторов на демографическое развитие. Отдавая приоритет эволюционной парадигме, мы подразумеваем, что большинство демографических процессов (за исключением, пожалуй, миграции) обладает большой инерционностью и определяется имеющимися в обществе стандартами демографического поведения. При ухудшении экономической ситуации запланированные рождения, как правило, откладываются, но эти планы обычно реализуются позже. Конечно, бывает и так, что супруги планируют завести двоих и более детей, однако кризис мешает им сделать это. Но такого рода изменение планов не оказывает решающего влияния на статистику рождений, если в обществе преобладает сценарий однодетной семьи. Таким же образом мы предлагаем оценивать процессы, происходившие в российско-белорусском пограничье в 1990-е гг. На большинстве графиков рис. 4.6 и 4.7 видно, что после достаточно резкого падения рождаемости в начале 1990-х гг. уже через несколько лет заметна стабилизация этого процесса, а к началу 2000-х гг. кое-где обозначился и ее рост.

¹ Демографическая модернизация в России, 1900—2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

Мы далеки от мысли, что демографическая политика неэффективна в принципе. Провозглашаемые в настоящее время меры по поощрению рождения второго, третьего ребенка и последующих детей могут оказаться вполне действенными, если будут осуществляться в условиях базовой общественной стабильности и при ощутимом росте среднего уровня потребления. Для постсоветского общества это будет означать расставание с прежней моделью выживания в городе, характерной для недавних мигрантов из села, стремившихся к быстрой социализации; дети в этом случае только мешали. Новый тип демографического поведения в идеале должен основываться на базовом наборе благ, обычном, например, для «среднего класса» США — хорошо оплачиваемая работа, квартира, хорошая машина, желателен загородный дом и т.п. В этом случае вряд ли возможен возврат к многодетности доиндустриального общества (этому мешают снижение смертности, разрушение традиционной семейной модели и нарастающая индивидуализация), но стабилизация демографической ситуации в принципе реальна.

4.4. Смертность

Наряду со снижением рождаемости в течение всего рассматриваемого периода в пограничье росла смертность, что соответствует общим тенденциям динамики народонаселения как в России, так и в Беларуси (как известно, пересечение двух кривых — снижающейся рождаемости и растущей смертности — горько-иронично окрестили «андреевским флагом»).

Когда говорят о модернизации смертности, подразумевают несколько процессов. Во-первых, меняется соотношение базовых причин смертности — от приоритета экзогенных факторов (внешние воздействия, в том числе инфекционные заболевания) к эндогенным (заболевания сердечно-сосудистой системы, новообразования и т.д.). Во-вторых, с ростом средней продолжительности жизни динамика смертности постепенно сдвигается вправо — к старшим возрастам. Наиболее значительные изменения в динамике смертности в СССР происходили в 1920—1950-е гг. Именно в этот период имело место вытеснение экзогенных причин смерти эндогенными, серьезно уменьшилась младенческая и детская смертность. Одной из наиболее насущных проблем на протяжении всего XX в. оставалась сверхсмертность мужчин. Именно этот показатель по сей день во многом определяет общую неудовлетворительную динамику смертности на постсоветском пространстве. С учетом вышесказанного приходится признать, что

процесс модернизации смертности в СССР, подобно другим демографическим процессам, осуществлялся с серьезными деформациями.

Изучение процесса смертности, как и рождаемости, начинают с динамики общего коэффициента смертности — отношение числа смертей к общей численности населения (рис. 4.8 и 4.9).

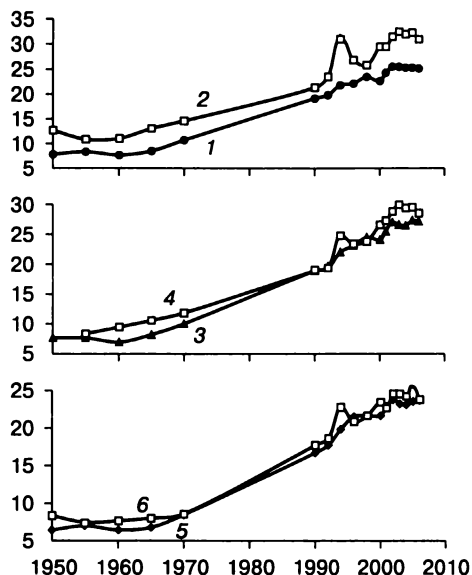

Рис. 4.8. Динамика общего коэффициента смертности (‰) сельского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

По отношению к рождаемости динамика общего коэффициента смертности в целом носит противоположный характер — со временем значения коэффициента увеличиваются. Так, за 56 лет, с 1950 по 2006 г., коэффициент смертности в сельской местности белорусских регионов увеличился с 6,4‰ (минимальное значение среди регионов в Гомельской области) до 27,2‰ (максимальное значение в Могилевской области). За тот же период в российских Смоленской и Псковской областях уровень смертности дошел до отметки в 30‰, а в Псковской области — превысил ее (см. рис. 4.8). Сегодня в среднем из 40 сельчан в год умирает один. Это крайне высокий уровень смертности.

Наиболее устойчивым рост смертности в сельской местности стал с начала 1970-х гг. В целом сходная динамика развития процесса по российским и белорусским областям отличается в двух моментах.

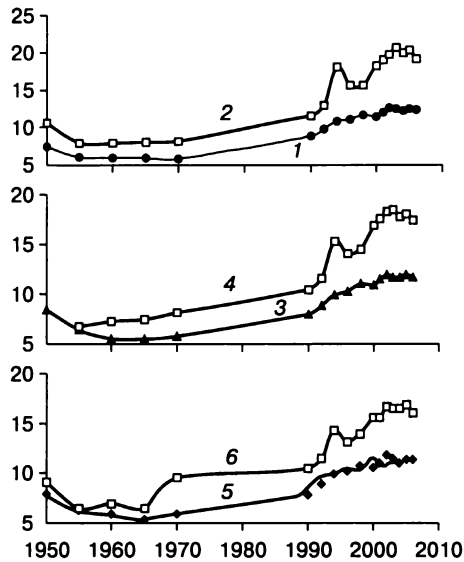

Рис. 4.9. Динамика общего коэффициента смертности (‰) городского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

Во-первых, существенно меньшая смертность в Витебской области в паре с Псковской, что в принципе ожидаемо; а во-вторых, «петля» резкого взлета показателей смертности в российских областях в середине 1990-х гг. с последующим ее небольшим снижением. По данным А.В. Немцова, занимавшегося этим вопросом в применении к Российской Федерации в целом, наибольших значений смертность достигла в 1994 г.¹, что, в принципе, подтверждается нашими данными. Причиной резкого взлета смертности, по мнению того же автора, стало возросшее потребление жителями России алкогольных суррогатов в условиях острого экономического кризиса (кривые смертности от алкогольных отравлений и общей смертности в этот период мало того что изменялись синхронно, но и были близки по абсолютным показателям)².

Другого взгляда на рост смертности в начале 1990-х гг. придерживаются авторы монографии «Демографическая модернизация России». По их мнению, в этот период имела место так называемая отло-

¹ Немцов А.В. Алкоголь и смертность: девяностые годы // Население и общество. 2001. № 19—20. 7—20 мая. URL : <http://demoscope.ru/weekly/019/tema03.php>

² Там же. См. также: Немцов А.В. Алкогольная смертность в России, 1980—1990-е годы. М., 2001.

женная смертность, т.е. умерли те, кто должен был умереть во второй половине 1980-х гг., если бы не случилась горбачевская антиалкогольная кампания¹. Тем не менее сравнение кривых по областям Беларуси и России показывает, что рост смертности в российских областях был гораздо значительнее, чем в белорусских (хотя и в белорусских уровень смертности серьезно вырос). Имеющиеся различия в динамике заставляют признать действие внутрироссийских факторов, т.е. в конечном счете признать правоту А.В. Немцова. Что касается «отложенной смертности», то она, видимо, имела место, хотя и в меньших масштабах.

Отмеченная выше тенденция подтверждается характером динамики смертности городского населения (см. рис. 4.9). В городе смертность ниже, что вполне естественно: более развитая система здравоохранения, возможность альтернативного заработка, а с какого-то момента — и более молодое население. С другой стороны, за сильно выросшими значениями общего коэффициента смертности сельских жителей кроется не только влияние постарения структуры населения, но и возросшая интенсивность смертности, особенно мужской.

Всплеск смертности в середине 1990-х гг. на «городских» кривых виден еще более отчетливо, и это совпадает с версией А.В. Немцова: риск отравления алкогольными суррогатами в городе выше, чем в деревне, традиционно обеспечивающей саму себя крепкими напитками. В последние годы уровень смертности в территориальных группах регионов обнаруживает колебания, и устойчивой тенденции к снижению уровня смертности пока не наблюдается.

Серьезное расхождение значений коэффициента смертности наблюдается в 1950—1960-е гг., когда уровень смертности в российских регионах был значительно выше, чем на белорусской территории. Причина такого положения аналогична ситуации с динамикой рождаемости. В 1950—1960-е годы из-за высокой миграции россиян в трудоспособном возрасте за пределы своих областей население интенсивно старело, что автоматически приводило к росту коэффициента смертности. Значения этого коэффициента в регионах пограничья максимально сблизились к концу 1980-х гг. (здесь довольно наглядны данные по смертности в переписи 1989 г.), а в начале 1990-х гг., как уже говорилось, под влиянием российского кризиса снова стали существенно различаться. В целом лучшая динамика смертности в белорусских городах в сравнении с российскими (при этом что по сельскому населению больших различий не наблюдается)

¹ Демографическая модернизация России. 1900—2000 / под ред. А.В. Вишневского. М., 2006. С. 293—294.

нуждается в дополнительной аргументации. Возможно, в числе причин более эффективная система местного здравоохранения и более благоприятная (до Чернобыльской аварии 1986 г.) экологическая ситуация.

4.5. Естественный прирост

Проведенный анализ динамики рождаемости и смертности позволяет оценить совокупные данные по естественному приросту населения пограничья (рис. 4.10 и 4.11).

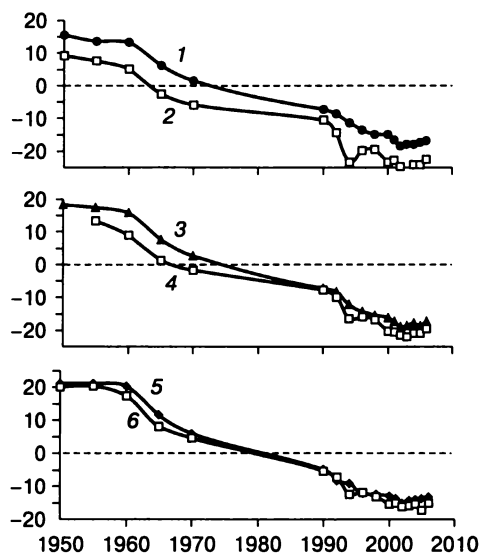

Рис. 4.10. Динамика общего коэффициента естественного прироста (‰) сельского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

Динамику воспроизводства населения определяют снижавшаяся рождаемость и растущая смертность, при этом, как правило, общий коэффициент естественного прироста со временем становится отрицательным. Смена знака воспроизводства населения фиксирует тот момент, когда смертность начинает превышать рождаемость. Переход к отрицательному воспроизводству в территориальных группах населения происходит не одновременно, более того, он довольно сильно различается по областям пограничья (см. рис. 4.10, 4.11).

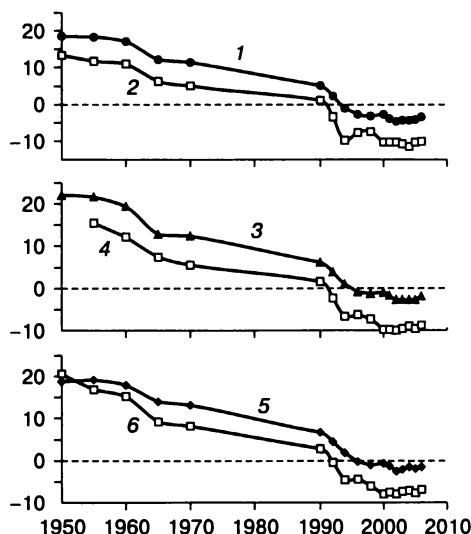

Рис. 4.11. Динамика общего коэффициента естественного прироста (‰) городского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

В таблице 4.3 указаны значения календарных лет, начиная с которых естественный прирост населения в городской и сельской местностях белорусских и российских областей стал отрицательным. Данные по западным белорусским областям включены для того, чтобы общие закономерности процесса были более наглядными.

Таблица 4.3

Время (год), начиная с которого естественный прирост в территориальных группах областей стал отрицательным

Группа областей	Область	Сельская местность	Городская местность
Северная	Псковская	1964	1991
	Витебская	1975	1994
	Гродненская	1975	2002
Центральная	Смоленская	1967	1991
	Могилевская	1975	1995
	Минская	1980	1997
Южная	Брянская	1978	1992
	Гомельская	1982	1996
	Брестская	1988	Не наступил

Из таблицы видно, что переход к отрицательному воспроизводству населения постепенно продвигался с востока на запад. Вначале он преодолел внешнюю границу между республиками, а затем и внутреннюю границу — между западными и восточными областями Беларуси. Продвижение фронта отрицательного воспроизводства особенно отчетливо проявляется для городского населения регионов. В сельской местности к отрицательному воспроизводству населения пришли примерно на 10—25 лет раньше, чем в городской, что явилось очевидным следствием оттока молодежи из села в город.

Отрицательным естественный прирост раньше всего стал в селах Псковской и Смоленской областей, затем, в 1975 г., в сельской местности Витебской и Могилевской областей и, наконец, на рубеже 1970—1980-х гг. — в Брянской и Гомельской областях, т.е. различия в наступлении отрицательного естественного прироста имели место не только при движении от восточных областей к западным, но и от северных к южным. Это обстоятельство, на наш взгляд, как нельзя лучше иллюстрирует возможности воспроизводственного потенциала регионов в зависимости от характера сельского расселения. Под разрушающим воздействием сельской миграции в города менее устойчивые мелкоселенные структуры северных областей проигрывали среднеселенным, тяготеющим к «черноземному» типу воспроизводства населения.

Что касается интенсивности снижения уровня воспроизводства населения, то из графиков на рис. 4.10—4.11 видно, что устойчивое снижение общего коэффициента естественного прироста для сельской местности наблюдалось примерно с 1960 г., для городской — примерно с середины 1960-х гг. С временным лагом в два-три года прослеживается резкое падение коэффициента в начале 1990-х гг. (в городах оно приходится примерно на 1993 г.). Небольшое увеличение коэффициента естественного прироста в начале 2000-х гг. для городского населения по времени примерно соответствует данным по селу.

В последние годы и в Беларуси, и в России много усилий предпринимается для того, чтобы снизить недовоспроизводство и даже выйти на положительный естественный прирост населения. Из тех же графиков следует, что в целом в регионах пограничья в последние годы стала проявляться тенденция снижения недовоспроизводства населения. При этом наиболее драматичной, требующей принятия решительных мер остается ситуация в Псковской области.

Приведенные данные по естественному приросту отчетливо разделяют белорусские и российские регионы пограничья. В каждой области Беларуси, любой ее территориальной группе уровень естественного прироста населения выше, чем в граничащей с ней области или терри-

тории России. Это наблюдение актуально для всего рассматриваемого периода, начиная с 1950 г. и до сегодняшнего дня, когда в каждом регионе пограничья уже существует глубокое недовоспроизводство населения. Так, в 2006 г. в составе городского населения общий коэффициент естественного прироста в парах областей пограничья составил: в Витебской и Псковской областях соответственно $-3,3$ и $-10,1\%$, в Могилевской и Смоленской областях — $-2,0$ и $-8,7\%$, в Гомельской и Брянской областях — $-1,5$ и $-6,8\%$. Абсолютно схожим является положение с сельским населением. Так, недовоспроизводство сельчан в 2006 г. в паре Витебская и Псковская области составило $-16,9$ и $-22,6\%$, для Могилевской и Смоленской — $-17,4$ и $-19,6\%$, для Гомельской и Брянской — $-13,3$ и $-15,1\%$. Все это убеждает нас в существовании отчетливой республиканской специфики протекания процесса. Данные, представленные на рис. 4.11, показывают, что городское население Беларуси дольше сохраняло вывезенный из села тип расширенного воспроизводства населения — следствие более поздней и менее травматичной урбанизации.

Характерно, что и для сельского, и для городского населения российских областей кривые динамики коэффициента естественного прироста отразили упоминавшийся скачок смертности первой половины 1990-х гг. Важно отметить и другое — на отрезках кривых (см. рис. 4.10, 4.11), относящихся к динамике двух последних десятилетий, особенно четко прослеживается зависимость уровня естественного прироста от географического положения территории — чем севернее, тем ниже значение коэффициента естественного прироста. Закономерность проявляется как для городского, так и для сельского населения; она прослеживается как в российских, так и в белорусских областях. Наблюдение интересное, особенно если вспомнить, что к началу 1990-х гг. и в России, и в Беларуси завершились процессы активной урбанизации, имевшие результатом постоянный рост городского населения. Это значит, что исследователь динамики естественного прироста впервые получает возможность не учитывать фактор разноскоростной урбанизации в России и Беларуси. В 1990-е годы в обоих государствах власть почти уходит из сферы активного демографического регулирования миграции; во всяком случае, последствия ее целенаправленного вмешательства в эту сферу в постсоветский период несопоставимы с тем, что было во времена СССР. В этой ситуации возрастает действие факторов, изначально определявших характер естественного прироста населения, не в последнюю очередь поселенческих.

Рассматриваемые регионы пограничья можно сравнить и по так называемому потенциалу воспроизводства населения. Эта относительная характеристика, вводимая нами, численно равна отношению

естественного прироста к числу родившихся за год. Другими словами, потенциал воспроизводства показывает, какую долю от общего числа родившихся составляет естественный прирост (разность между числом родившихся и умерших). На рисунках 4.12—4.14 приведена динамика потенциала воспроизводства для общего состава населения приграничных областей и их территориальных групп.

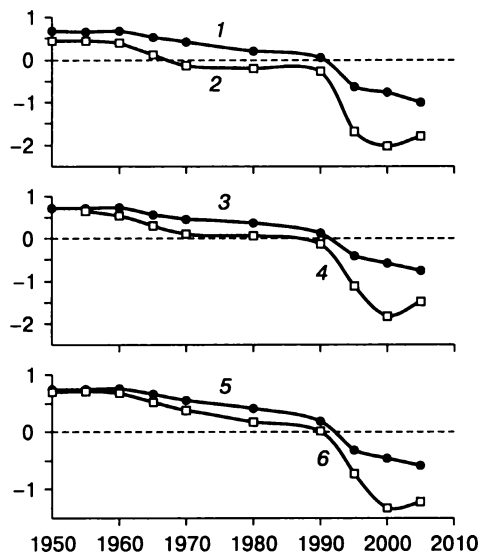

Рис. 4.12. Динамика потенциала воспроизводства (отношение естественного прироста к числу родившихся за год) общего состава населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

В начале 1950-х гг. по уровню потенциала воспроизводства рассматриваемые регионы пограничья и составляющие их территориальные группы населения были достаточно близки друг к другу, поэтому по степени снижения данного показателя можно судить о глубине демографического кризиса той или иной территории. Как видим, до начала 1990-х гг. во всех областях потенциал воспроизводства изменялся схожим образом, с поправкой на более высокую интенсивность падения показателя в сельских районах. Затем, после распада СССР, воспроизводственный потенциал населения пограничья был подвергнут серьезному испытанию, причем в российских областях характер негативного воздействия на население был гораздо выше, чем в белорусских. К 2000 году активная деструктивная фаза была преодолена, и в последнее десятилетие наблюдается постепенная коррекция.

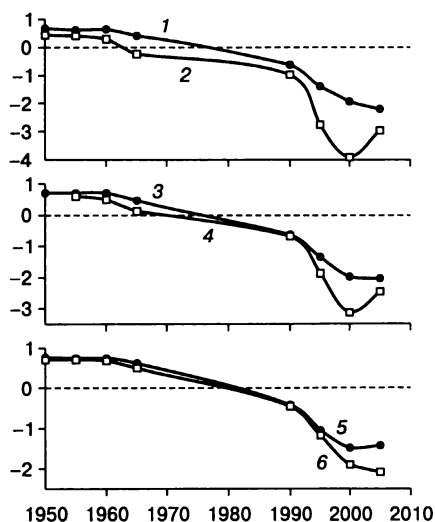

Рис. 4.13. Динамика потенциала воспроизводства (отношение естественного прироста к числу родившихся за год) сельского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

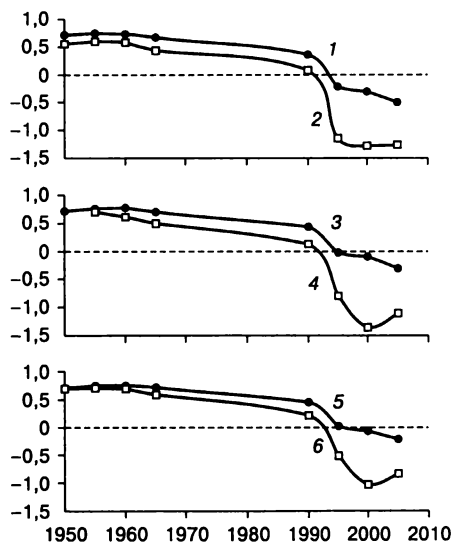

Рис. 4.14. Динамика потенциала воспроизводства (отношение естественного прироста к числу родившихся за год) городского населения в Витебской (1), Псковской (2), Могилевской (3), Смоленской (4), Гомельской (5) и Брянской (6) областях Беларуси (1, 3, 5) и России (2, 4, 6)

5. ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР МИГРАЦИИ

5.1. Причины миграции в города и миграционная мотивация

Урбанизация в советских условиях вызвала невиданный по интенсивности отток сельских жителей в города, который в свою очередь породил многочисленные негативные демографические, социальные и экономические последствия. При этом не подвергается сомнению факт, что сам процесс перемещения населения из деревни в город является объективным и соответствует общемировым тенденциям. В СССР, однако, он выглядел крайне несбалансированным. Селян втягивали в город высокие темпы индустриализации, а также жесткая политика «раскрестьянивания». Уровень жизни на селе, даже несмотря на провозглашенную политику «сближения города и деревни», был существенно ниже городского.

В послевоенные годы действовала своеобразная инерция переселений, заданная активной довоенной модернизацией. С другой стороны, под влиянием мероприятий индустриальной и аграрной политики, постепенной «урбанизации сознания» сельских жителей формировалась новая устойчивая миграционная ориентация. Послевоенные миграционные процессы были менее интенсивными по сравнению с «исходом» из деревни эпохи коллективизации, однако в этот период в город чаще всего ехали люди, стремившиеся приобщиться к городским ценностям.

Миграция сельского населения в город протекает в основном по трем каналам, а число мигрантов, приходящихся на каждый из каналов, меняется во времени. К **первому каналу** относят миграционный поток, который регулируется государством. Он в основном проявляется в виде организованного набора рабочих, или «вербовки», на городские стройки, должностных перемещений, переводов из одной организации в другую, направления на работу после окончания учебы. Именно «вербовка», а также сельскохозяйственное переселение были значимыми статьями оттока сельской рабочей силы примерно до второй половины 1950-х гг.

Второй канал образуют отъезжающие на учебу. Это малоуправляемое, в основном стихийное движение. Поток выезжающих на учебу был значительным на протяжении всех послевоенных десятилетий и со временем только увеличивался. Он был тем более популярен, что для выезжающих на учебу не действовали ограничения на выезд

из села, наложенные на беспаспортных колхозников сталинского времени. Неудивительно поэтому, что выезд на учебу часто служил поводом уехать из деревни и не предполагал последующего возвращения. К этому же потоку примыкают призванные в ряды Советской Армии. Юноши, отслужив, также не стремились вернуться в родное село. Для девушек же дополнительной легальной возможностью уехать из села было замужество в городе.

С облегчением процедуры выезда из села в хрущевские годы набирал силу **третий канал** миграции — самостоятельный отъезд селян, в том числе переселение к родственникам, знакомым. Этот вид движения практически не поддается регулированию. Государство в данном случае может влиять на миграцию только косвенно — путем изменения условий в местах выхода и вселения, через ограничение на прописку в городах и т.п.

Все три канала миграции в той или иной степени основывались на сознательном выборе потенциального мигранта, поэтому довольно значимым является вопрос об эволюции миграционной мотивации в течение изучаемого периода. Иными словами, немаловажно выяснить, как соотносились материальные и иные причины выбытия.

Условия жизни в городе и селе различны. Различие проявляется в неравенстве материального благосостояния, в объеме и структуре потребления материальных благ, в структуре бюджета, рабочего и свободного времени, в условиях и сфере приложения труда, в жилищно-бытовых условиях и степени развития коммунально-бытового обслуживания, в образовательном уровне и возможностях его повышения, в состоянии культурно-просветительской работы и здравоохранения. Этот длинный перечень сам по себе достаточно убедителен для того, чтобы выдвигать дополнительные доводы в пользу миграции в город. Тем не менее на протяжении послевоенных десятилетий значимость отдельно взятых факторов в качестве причин выбытия менялась.

Существует некий стереотип восприятия проблемы, базирующийся на мнении недавних мигрантов и не опровергаемый социологами и историками советской деревни. Из вида упускается то, что мигранты 1970—1980-х гг., чья мотивация наиболее хорошо изучена, — это, как правило, люди со сложившимся урбанистическим сознанием, и в более ранние периоды причины переезда могли быть иными. В одной из работ сочувственно цитируется фраза О. Берггольц: «Баба умирает в селе, не вооруженная паспортом»¹, и выразительный образ делает неумест-

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999. С. 69.

ным вопрос — будь у бабы паспорт, она бы обязательно уехала, все бросив? Автор другого исследования настроен так же бескомпромиссно: «Бегство из родных мест казалось большинству людей единственным выходом из сложившейся ситуации. Эти настроения были характерны для всей крестьянской России, так как в ней уже не оставалось уголка, где бы не правила колхозная система и мощный, спаянный круговой порукой слой местных управленцев-кормленщиков... Режим сознательно культивировал в народе отвращение к деревне»¹. В то же время остается неясным, насколько сильным и продолжительным было воздействие факторов политического свойства, изменялась ли миграционная мотивация во времени, и если да, то как. Очевидно, что отсутствие сопоставимых данных по миграционному оттоку в 1940—1950-х и 1960—1970-х гг. из-за различных методик учета миграции либо практического отсутствия такого учета в послевоенные годы направляет усилия исследователей к анализу более поздних сведений.

Практически невозможно пытаться определить основной мотив, побуждающий людей переселиться в город. Как правило, причин переселения несколько. Редко бывает так, что одна причина доминирует настолько, чтобы мигранты могли четко ее сформулировать, даже если хотят², поэтому представляется корректным вести разговор лишь о преобладающих тенденциях в мотивации мигрантов.

В первую очередь отметим то обстоятельство, что правительство, обратив внимание на сельскую миграцию в города в 1960-е гг., зафиксировало уже позднюю стадию процесса. Несмотря на административные ограничения, в конце 1940 — начале 1950-х гг. отъезд был уже достаточно массовым. Во-вторых, не вызывают сомнений такие же проблемы, с которыми сталкивались жители села в 1940—1950-х и 1960—1970-х гг. И в том и в другом случае констатируются отсутствие материальной заинтересованности в работе в колхозе, низкая оплата труда, отсутствие организованного досуга, преимущества жизни в городе по сравнению с деревней³. В то же время главным в письмах «во власть» 1940—1950-х гг. является мотив трудовых отношений. И в 1940-е, и в 1960-е гг. авторы писем нередко сравнивали условия жизни в городе и селе. Это заставляет считаться с влиянием фактора урбанизации уже в первые послевоенные десятилетия, хотя его разру-

¹ Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 1940-е годы (на примере российской деревни) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 215.

² Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах: методы изучения приживаемости. М., 1972. С. 128.

³ Авторами анализировались письма селян в газету «Социалистическое земледелие» (ниже — «Сельское хозяйство», «Сельская жизнь»). См.: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 116; РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 164. Л. 174.

шающая роль по отношению к сельской, во многом еще традиционной среде проявлялась тогда явно слабее.

В письмах и обращениях граждан 1940—1950-х гг. почти не встречаем жалоб на тяжелые условия труда, в то время как в 1960—1970-е гг. они принимают массовый характер. В переписке 1940—1950-х гг. по сравнению с последующим периодом существенно меньше сетований на состояние социально-бытовой сферы. Причиной тому не отсутствие недостатков — например, колхозники Брянской области в 1946 г. интересовались, когда будут бесперебойно работать бани, жаловались на плохое качество хлеба, отсутствие в продаже соли, спичек и керосина¹. Скорее, есть смысл говорить о характерной для традиционного сознания привычке мириться с этими проблемами. Изменения в мотивации фиксируются на рубеже 1950—1960-х гг. в одной из справок о состоянии сельского населения. «Десять — пятнадцать лет назад определяющим мотивом миграции в города было повышение уровня благосостояния, гарантированная более высокая оплата труда, теперь — культурно-бытовые мотивы»², — говорится в документе 1973 г.

Не желая схематизировать происходившее в деревне, снова заметим, что решение о переезде принималось под влиянием различных мотивов, причем производственные проблемы нередко соседствовали с культурно-бытовыми: «Как ни тяжело нам жить в городе, а в деревню мы никогда не вернемся. У нас там от скуки умереть можно. Да и заработок мал — летом 50—60 руб. Это надо работать по 10 часов в день, да без выходных. А зимой — 30 руб. Вот и живи на них как хочешь. Так что осуждать молодых за уход из села не стоит. Ведь рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. У нас в колхозе жила молодежь, трудилась и я. Нас всюду обманывали, никакого внимания не уделяли, спрашивали только за работу. Вот поэтому молодежь разбежалась по городам»³. Но мотивы неустроенного быта и досуга постепенно все же стали преобладающими: «Нет клуба, молодежи нечего делать, колхоз перешел на денежную оплату, заработки хорошие, но **молодежь не задерживается. Бегут по городам не от материального недостатка, а от темной колхозной жизни**» (колхоз «Прогресс» Рославльского района Смоленской области, 1967 г.). Уехавшие из колхоза, продолжает автор письма, говорили: «...мы бы в колхозе жили, но ради чего здесь жить? Чтобы только работать и все? А личное время спи на печи. Мы хоть и работаем на заводах больше и потяжелей, зато получаем духов-

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 116; РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 164. Л. 174.

² *Соскиев А. Б.* Структура трудовых ресурсов сельского хозяйства // Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975. С. 356.

³ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 164. Л. 174.

ное удовлетворение, после работы идем в кино... <А в колхозе> мы только и знаем, что работаем да спим»¹.

Кроме сетований по поводу отсутствия или состояния клубов в почте 1960—1970-х гг. содержится чрезвычайно много претензий к местным хозяйственным руководителям — осуждается их некомпетентность, грубость, низкий образовательный уровень, невнимание к молодым специалистам. На грубость председателя, избивавшего колхозников, жаловались из Красногорского района Брянской области (1967 г.). Письмо заканчивалось фразой: «Вот почему в нашей деревне не задерживается молодежь, почему нет кадров механизаторов»². В предшествующие десятилетия подобные жалобы отсутствовали (за исключением случаев откровенной уголовщины), и поэтому можно предположить, что в такой форме проявился конфликт поколений — носителей нового «модернизированного» сознания с высоким уровнем запросов с представителями прежнего типа полуобразованного хозяйственника.

Притом что мотивы неудовлетворительного материального положения жителей села в переписке 1960—1970-х гг. встречались реже, авторы писем, как правило, пытались сравнивать свои доходы с зарплатами руководства или городских рабочих. Это позволяет говорить о возросшем уровне требований жителей села, причем разного рода претензии к руководству со стороны рядовых работников отражали, на наш взгляд, их стремление играть собственную активную роль в производственном процессе. Те же настроения Е. Ю. Зубкова отмечает у городских рабочих на рубеже 1950-х гг., когда происходил «поворот от материальных требований первой необходимости к претензиям более широкого производственного и даже политического порядка — неудовлетворенность организацией производственного процесса, в котором рабочему отводилась подчиненная исполнительная роль»³.

А вот письмо, где в качестве причины отъезда из села называется жадность местных руководителей: «Хозяйство не выполнило финансового плана, а зарплаты у руководства большие». Работники даже объявили забастовку, так как «колхозники получают по 16—20 руб., а руководители — 150 и более. Для них нормы нет, хоть 2 ц с гектара уберут, их оклад — отдай. Доход на них не жмет. Они стали закрывать дверь, когда собирают правление, от людей хоронятся... Люди стали уезжать. Жить нельзя» (Клинцовский район Брянской области, 1968 г.)⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

² Там же. Л. 291.

³ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 211.

⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 49. Л. 83—84.

Не ставя под сомнение справедливость обвинений, заметим, что поиск конкретных виновников проблем без попытки осмысления явления в целом — вещь довольно распространенная. Не умея (или не смея) критиковать пороки системы общественного производства в целом, авторы писем сосредоточивали внимание на местных представителях власти. Способно ли было поведение руководителей подтолкнуть людей к отъезду из села? Безусловно, поскольку порождало у рядового работника ощущение острой несправедливости, а также того, что его собственные достоинства не оценены должным образом.

Для подтверждения высказанных выше предположений о преобладающих мотивах переезда в города отвлечемся от эмоциональных выводов сельских писем и обратимся к результатам некоторых статистических исследований.

В конце 1970-х в девяти областях России было проведено социологическое обследование Госкомитета по использованию трудовых ресурсов, в котором анализировались мотивы миграции молодежи из села. Большинство уехавших указали главной причиной переезда необходимость получения образования (32,1%, и еще около 5% были недовольны отсутствием на селе перспектив для повышения уровня образования и квалификации), вторым по значению фактором были семейные обстоятельства, и только чуть более 7% опрошенных указали в качестве основной причины переезда неудовлетворенность характером труда и его оплатой¹. Еще в одном исследовании неудовлетворенность сельским трудом фиксировалась у 40% мигрантов².

Таким образом, на первом месте в перечне причин переезда по разным версиям оказывается либо «трудовая» миграция, либо «учебная». В связи с этим важно понять, что в 1960—1970-е гг. трудовые мотивы выступали несколько в ином обличье. Например, отмечалось, что при переезде мигранты склонны преувеличивать невозможность сельского трудоустройства. На самом деле им была нужна не любая работа, а «городская» работа³. «Узкоматериальные соображения значения не имели, — указывает А.С. Сенявский, — сразу после школы в селе можно получать больше, чем в городе», к тому же не надо было решать проблему жилья⁴. Вспомним, что в 1940—1950-х гг. главную роль при переезде играл именно фактор заработка. Здесь уместно привести замечание, что мотив заработной платы не всегда выступает явно, он

¹ Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 1980-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 450.

² Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. М., 1988. С. 120.

³ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 132.

⁴ Сенявский А.С. Указ. соч. С. 162.

может стоять и за желанием получения образования¹. От себя добавим: и за мотивом «семейных обстоятельств», хотя и не всегда.

Итак, в применении к 1970 г. нет большого смысла разделять мотивы условий труда и его оплаты. А если предположить, что выезд на учебу, как правило, предполагал последующую профессиональную самореализацию в городе, то градации мотивов отъезда, отраженные в результатах разных обследований, не противоречат друг другу. По сути дела, ничто не мешает согласиться и с таким вариантом (еще одно обследование): самые важные мотивы ухода из села Нечерноземья — неудовлетворенность организацией и условиями труда; на третьем-четвертом месте — отсутствие учреждений культуры, отсутствие сверстников (для молодежи, особенно для женщин)². Таким образом, отмеченная выше закономерность преобладания культурно-бытовых мотивов в миграции 1960—1970-х гг. нашла выражение в повышенных требованиях не только к присутствию учреждений культуры и бытовых удобств на селе, но — главным образом — к условиям труда, компетентности руководства, наличию условий для получения образования и повышения квалификации и т.п. В восприятии же клубов как главной причины отъезда немалую роль играл стереотип отношения старшего поколения к молодежи: «Они молодые, им нужны танцы, кино и т.п.». К тому же, когда из радиоприемников, телевизоров и с газетных страниц постоянно раздавались сетования по поводу отъезда молодежи из села, каждый автор письма был готов предложить свое объяснение явления, в том числе и для того, чтобы привлечь внимание к поставленной им проблеме.

Было бы неверно совершенно сбрасывать со счетов материальные соображения при переезде, тем более что нам не дают это сделать и уже цитированные письма из села 1960—1970-х гг., и другие довольно многочисленные жалобы на размеры сельских доходов. Исследователями миграции отмечалось, что общий уровень денежных доходов в местах выхода влияет на подвижность населения, но в том смысле, что низкие доходы сдерживают подвижность³. Немаловажно отметить, что этот вывод получен на сибирском материале; что же касается российско-белорусского пограничья, то из-за гораздо меньших расстояний между населенными пунктами зависимость хотя и существует, но она не столь

¹ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 132.

² Береснев М.П. Влияние социально-экономических факторов на обеспеченность трудовыми ресурсами сельского хозяйства // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1976. С. 28.

³ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 151.

очевидна. Не будем забывать и то, что подсобные хозяйства сельских жителей увеличивали доходы.

Подводя итог анализу миграционной мотивации, вернемся к уже высказанной мысли. Любая иерархия мотивов отъезда будет недостаточной, поскольку не позволит осмыслить явление в целом. Множественность версий причин миграционного оттока в изложении реальных и потенциальных мигрантов 1960—1970-х гг. в отличие от менее разнообразных причин периода 1940—1950-х гг. заставляет искать универсальное объяснение. Очевидно, что перечень претензий сельских жителей сформирован влиянием городской среды, даже в неявных случаях, вроде конфликтов с сельским руководством. «Сравнение своей жизни с той, о которой писали газеты, наводило наивных людей на мысль, что в Советском Союзе действительно есть места, где „хорошо живут“», — отмечает Е.Ю. Зубкова. В последующем, под воздействием неформальных каналов коммуникации, этот миф разрушался. «Незыблемым оставалось только представление о том, что „город“ живет лучше деревни, а „служащие“ — лучше крестьян („мы — они“). Это убеждение определяло главное направление поисков и становилось стимулом для бегства из колхозов»¹. Многочисленные свидетельства выходцев из села, объясняющие причины их переезда в город, подтверждают тезис о завершении формирования устойчивой городской альтернативы.

Говоря о миграционных факторах, нельзя обойти вниманием маятниковую миграцию, при которой жители сельских пригородов работали в городе, оставаясь жить в деревне. Следует заметить, что традиция эта весьма давняя и восходит к крестьянскому отходничеству досоветского времени. В советские годы маятниковая миграционная активность мужчин объяснялась по большей части фактором заработка, у женщин — условиями труда. Интенсивность маятниковой миграции напрямую зависела от близости городского окружения. «Работа за пределами поселения в Нечерноземье — обычное дело, — отмечал А.И. Алексеев, — здесь концентрация производства опережает концентрацию расселения, а расстояния между поселениями невелики»². Российские территории пограничья не отличались особой интенсивностью отхода. В 1920-е годы, т.е. в доколхозный период, отход из Смоленской губернии составлял 28,5 человек на 1 тыс. жителей, Брянской — 34. Для сравнения — в более близкой к Москве Калужской губернии он достигал 105,7 человек на 1 тыс. жителей³.

¹ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 173.

² Алексеев А.И. Сельское расселение как фактор образа жизни // Динамика расселения в СССР. М., 1986. С. 186—187.

³ Казаков А.И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск, 1988. С. 66.

В послевоенном СССР размеры неорганизованного трудового отхода также были значительными, причем, как и следовало ожидать, послевоенная стихийная маятниковая миграция наиболее интенсивной была в районах традиционного отхода. В 1950 году по РСФСР в целом отходничеством занималось около 8% сельского населения¹.

Для маятниковых перемещений сельских жителей помимо желания работать в городе существуют и другие причины. В первые послевоенные годы крестьяне совершали множественные поездки в город, а также в села других регионов за продовольствием. Корреспондент газеты «Правда» в 1946 г. писал в ЦК ВКП (б): «Из Смоленской, Курской, Орловской и Великолукской областей в деревни Брестской, Гродненской, Барановичской, Молодечненской областей идет бесконечный, многотысячный поток людей, перебирающийся и по железной дороге, и пешком, и на коровах. Они прибывают сюда для того, чтобы приобрести хлеба (одни — на деньги, другие — в обмен на домашние вещи). Их здесь называют „жебраками“, что на белорусском языке означает „нищие“»². А вот цитата из письма в ЦК курсанта, находившегося в Белоруссии в отпуске: «Испытывая недостатки, население Курской, Орловской, Брянской областей, а также Белоруссии в массовом порядке едет в западные районы Белоруссии и приобретает там себе все необходимое»³.

Разумеется, такого рода поездки носили чрезвычайный характер, и со временем их интенсивность неизбежно сокращалась, чего нельзя сказать о трудовой маятниковой миграции. В ходе дальнейшей урбанизации и роста количества промышленных предприятий на фоне застойного аграрного производства количество несельскохозяйственного населения в сельской местности должно было возрасть. Так и происходило. Еще в 1965 г. в маятниковую миграцию было вовлечено 3,5% сельского населения страны. Спустя десятилетие доля маятниковых мигрантов увеличилась до 6%⁴. Характерно, что в 1975 г. такую же долю (6%) зафиксировали и статистические органы Белоруссии⁵.

По мере выравнивания доходов городских и сельских жителей миграция с целью заработка отходила на второй план. По-прежнему актуальным был поиск более щадящих условий труда. Как и прежде,

¹ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х — начало 1960-х годов. М., 1992. С. 88.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 907. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Хорев Б. С., Лиходед В. Н. Житель села — работник города. М., 1982. С. 17.

⁵ Лин Д. Г., Предыбайло С. Д. Сельское население Беларуси: демографический анализ. Гомель, 2008. С. 45.

большое количество жителей села ездило в город за покупками. Больше, чем раньше, стали ездить не только на учебу, но и с рекреационными целями (городские формы проведения досуга естественно предпочитались сельским).

В зависимости от мотивации интенсивность поездок в города существенно менялась. В ежедневные поездки на работу вовлекалось сельское население, проживавшее в пределах двухчасовой доступности от города. С культурно-бытовыми и деловыми целями совершали поездки люди, жившие в зоне 3–4-часовой досягаемости от центра. Перемещения этого типа были гораздо более редкими (десять раз в год и чаще)¹.

Зоны транспортной доступности для трудовой и культурно-бытовой маятниковой миграции различны. Трудовые связи наблюдаются в зонах двухчасовой доступности — «первого круга» (передвижение от жилья до места работы в один конец; «от двери до двери» — до 130 мин). Культурно-бытовые и деловые связи, притом что с этой целью совершалось не менее десяти поездок на одного жителя в год, действовали в пределах трех-четырёхчасовой доступности (зона «второго круга»)².

В 1970—1980-е годы на большой территории европейской части страны модель маятниковой миграции уже была очень близка к современной, основанной на закономерностях функционирования городской агломерации. В новых условиях маятниковые перемещения были абсолютно необходимым звеном городской системы, при этом их роль постоянно возрастала. Одновременно происходило сокращение безвозвратной миграции. Имела место прямая корреляционная зависимость между интенсивностью перемещений и состоянием транспорта: маятниковая миграция шла тем интенсивнее, чем более развитой была транспортная сеть³.

Неоднократно обращалось внимание на двоякую роль маятниковой миграции. Одним из главных ее негативных последствий является потеря времени, затрачиваемого на поездку к месту работы и обратно. Это ведет к «транспортной усталости», способствует снижению производительности труда⁴. Маятниковая миграция способствовала дальнейшей урбанизации села, готовя почву для последующих пере-

¹ Давидович В.Г. Расселение в пригородных зонах (количественные закономерности) // Расселение в пригородных зонах // Вопросы географии. Вып. 87. М., 1971. С. 7.

² Там же.

³ Игудина А.И. Социально-географические факторы динамики сельского населения на территории Нечерноземной зоны РСФСР (1959—1979 годы) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1982. С. 55.

⁴ Лин Д.Г., Предыбайло С.Д. Сельское население Беларуси. С. 46.

ездов в город. С другой стороны, в ходе маятниковых перемещений реализовывались городские потребности сельских жителей, и это способствовало стабилизации населения¹. Видя в маятниковых мигрантах потенциальных переселенцев в город, невозможно предположить их в каждом совершающем, например, покупки в городе, хотя регулярность таких покупок и может в какой-то степени свидетельствовать о городской ориентации. По мере урбанизации села возрастало значение маятниковых перемещений как неотъемлемой составляющей современного быта, а их дестабилизирующая функция по отношению к системе сельского расселения постепенно исчезала. Маятниковая миграция оказывалась тесно связанной с агломерационным развитием территорий, будучи естественным проводником городских жизненных стандартов. Двигаясь по нарастающей в течение 1960—1980-х гг., к началу 1990-х гг. агломерационные процессы затронули около $\frac{4}{5}$ всего населения страны².

5.2. Особенности миграции по возрасту и полу

Как известно, село покидала наиболее активная часть населения. Как правило, это были люди в трудоспособном возрасте. Переезд проще давался людям, не обремененным семьей (не успевшим ею обзавестись) и не привязанным многолетней привычкой к своему месту работы. Речь, таким образом, идет о лицах, вступающих либо недавно вступивших в трудоспособный возраст. По имеющимся данным, из 7 млн выбывших из села в первой половине 1960-х гг. 6 млн, или более 85%, составляла молодежь в возрасте от 17 до 29 лет³.

Устойчивая тенденция старения сельского населения нечерноземных регионов европейской части страны в результате оттока населения стала проявляться примерно с начала 1950-х гг. В 1945—1950 годах отмечался рост численности трудоспособного населения на 15,5% (главным образом в результате демобилизации). В то же время, если

¹ Ср. с оценкой отходничества: оно «и стимулировало отток, и замедляло его» (*Вишняевский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 82). Сходство очевидно, хотя речь идет о разных категориях населения: отходом занималось аграрное население, а маятниковые мигранты — обычно люди, порвавшие с сельскохозяйственным трудом.

² *Сеняский А. С.* Российский город в 1960—1980-е годы. М., 1995. С. 202—203.

³ *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 85—86.

в 1951 г. доля пожилых людей по различным областям составляла от 15 до 19%, то в 1953 г. — 20—24%, и в дальнейшем эти цифры продолжали увеличиваться¹.

Уже в первое послевоенное десятилетие возрастная категория 16—19-летних играла в миграции исключительную роль. Дело в том, что именно эта группа, используя легальные каналы выбытия из села, могла преодолевать существовавшие тогда административные ограничения на выезд. Имеются в виду призыв в армию с последующим невозвращением в село, санкционированный отъезд на учебу, работа по комсомольскому призыву, замужество в городе, оргнабор и, наконец, плановое переселение.

Вот убедительный фрагмент одной из аналитических справок, датированных 1953 г.: «Пополнения наличного состава трудоспособных за счет возврата из Советской Армии и подростков по достижении 16 лет не происходит, за исключением единичных случаев. Как правило, молодежь по окончании семи классов уезжает учиться в райцентры и другие города, а по окончании учебы переходит на производство или устраивается на работу в учреждения или организации. Молодежь, не сдавшая экзамены, также в большинстве случаев уезжает в другие города и поступает учениками на производство или в няни к частным лицам. Часть молодежи выбывает из колхоза по оргнабору в ремесленные училища, по окончании которых их направляют работать в промышленные предприятия и строительные организации. Имеют место отдельные случаи, когда по окончании семи классов подростки, не сдавшие экзамены в учебные заведения, родителями отправляются к родственникам в другие города, чтобы по исполнению 16 лет они могли бы там выправить паспорт и поступить работать на производство. Уход из колхоза, как правило, происходит без разрешения правления колхоза, так как в последнее время правления колхозов задерживают выдачу справок на получение паспорта. Поэтому уезжающие колхозники сначала устраиваются работать на временные работы, где выправляют паспорта и остаются на постоянной работе». И далее: «Достигшие 16 лет подростки не считают себя членами колхоза и обязанными работать в колхозе, они или уезжают из колхоза, или, если и остаются, то принимают очень пассивное участие в работе колхоза. В ряде случаев окончившие школу подростки живут дома, нигде не работают. Родители таких детей также считают, что их дети пусть лучше сидят дома, чем будут работать за низкооплачиваемые трудовни»².

¹ *Иванов Н.С.* Раскрестьянивание деревни (середина 1940-х — 1950-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 425.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 116—122.

В этом фрагменте обращает на себя внимание наличие тщательно культивируемой ориентации молодежи на жизнь и работу вне колхоза. При этом явочным порядком массово нарушалась прежняя установка, близкая к категориям крепостного права, когда рожденный в колхозе считался колхозником.

Об интенсивности выбытия на учебу свидетельствует тот факт, что вслед за возрастной категорией 14—30-летних следующей по интенсивности выбытия была группа подростков 12—14 лет¹.

Некоторый рост доли трудоспособных на селе, особенно среди колхозников, был зарегистрирован в середине 1950-х гг., что можно объяснить кратковременным действием мер аграрной политики. Особого оптимизма такая тенденция не внушала, поскольку, во-первых, она скоро себя исчерпала, а во-вторых, достигалась не только в результате стабилизации трудоспособного населения на селе, но и вследствие интенсивного сокращения доли подростков. Это подтверждалось в том числе увеличением количества сельских жителей в старших возрастах, особенно женщин.

Изменение соотношения возрастных групп на селе происходило не только в результате миграции, но и вследствие общей тенденции старения населения страны. Как отмечает О.М. Вербицкая, по стране в целом в 1939—1959 гг. на 10% сократилась численность детей и молодежи (с 49 до 39%), соответственно доля населения в старших возрастах увеличилась².

В первой половине 1960-х гг. произошла окончательная переориентация сознания молодых людей на городские ценности. Согласно данным по одной из центральных нечерноземных областей, всего за несколько лет — с 1961 по 1964 г. — произошло резкое снижение доли выпускников школ, трудоустроенных в сельское хозяйство — примерно с 5 до 1%. В 1966 году в село направилось (или осталось в нем) около 20% выпускников, причем непосредственно к работе в колхозах и совхозах из 11,4 тыс. человек приступили только 550 человек, остальные поступили в различные сельскохозяйственные учебные заведения³.

Сохранялась тенденция сильных возрастных диспропорций между потоками «село — город» и «город — село». По данным исследования 1967 г., средний возраст прибывших в село Центрального экономического района России был существенно выше, чем

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 7527. Л. 42.

² Вербицкая О.М. Демографические проблемы советской деревни. 1945—1959 : доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН. 2001. 15 март.

³ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996. С. 37.

возраст выбывших. Для первых он составил 25,3 года, для вторых — 20,7 года¹. Необходимо учитывать при этом, что среди прибывших было большое количество детей (как правило, временно приехавших к бабушкам или дедушкам, пока родители, сами в прошлом выходцы из села, не улучшат свои жизненные условия), и это обстоятельство еще более увеличивает возрастной контраст между встречными потоками.

Несмотря на высокую степень готовности к переезду, молодежь отличалась меньшей адаптивностью. Данные по сельским мигрантам Брянской области за 1968 г. показывают, что обратный поток молодых людей в возрасте от 16 лет до 21 года из города в село составлял примерно половину первичного их оттока в город. В то же время общий обратный поток в село был в три с лишним раза меньше миграции в город². Пониженная возможность адаптации для молодежи вовсе не означала, что мигранты-неудачники со временем не предпримут нового переезда. Так зачастую и происходило.

Из российских областей пограничья наибольшие потери от миграции молодежи в межпереписной период (с 1959 по 1970 г.) понесло сельское население Псковской и Смоленской областей, в которых к 1970 г. осталось не более 37% молодых людей, по сравнению с данными предыдущей переписи. Правда, приводящий эти сведения автор не склонен всю убыль населения относить исключительно за счет миграции. Отмечалось, что в 1970 г. страна переживала низкую волну рождаемости, когда молодежи мало было в принципе³.

К 1970 году северо-западные области России характеризовались самым старым сельским населением. В это же время существенно расширился список областей, где остро ощущались проблемы с рабочей силой. Впервые в нем оказались области юго-запада, в том числе Брянская⁴.

В 1970—1980-е годы сохранялись три основных потока по направлению «село — город»:

1) 15—16-летние подростки после школы ехали поступать в ПТУ;

¹ Кутафьева Э.С., Москалева Н.И., Папенов К.В., Трудова М.Г. Миграция сельского населения (в Центральном экономическом районе). М., 1971. С. 24.

² Государственный архив Брянской области. Ф. 2419. Оп. 1. Д. 3524. Л. 16.

³ Данилов В.П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.) // Социально-экономические проблемы истории развития социализма в СССР. М., 1976. С. 276.

⁴ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР: проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса. М., 1977. С. 225.

- 2) 17—18-летние школьники ехали для поступления в вузы и на работу;
- 3) в город ехали отслужившие в армии¹.

В то же время наблюдалось снижение интенсивности оттока молодежи. По этому поводу при анализе результатов Всесоюзной переписи населения 1979 г. было замечено, что чем старше население, тем больше в нем мигрантов, т.е. пик интенсивности переездов приходился на середину 1960-х гг., а впоследствии количество миграций сокращалось². Причинами миграционного оттока молодежи в 1970-е гг. в равной степени выступали и отсутствие ориентации на работу в сельском хозяйстве, и нежелание местных руководителей создавать условия для молодых специалистов. Сельские профессии выглядели непрестижно. Газета «Известия» в 1970 г. приводила мнение десятиклассника одной из школ Смоленской области: «Не хочу, чтобы были скотники, доярки, пастухи, хочу, чтобы были техники, операторы доильных установок или еще что-нибудь»³.

Однако по некоторым причинам нам кажется неприемлемым чрезмерное упрощение характера влияния миграции молодежи на сельскую поселенческую среду. Тверские исследователи попытались выявить возрастной градиент в размещении сельского населения. В силу иерархичного характера миграции (преимущественные переезды из малых населенных пунктов в большие по размеру, но наиболее близкие по условиям к местам выхода) следовало ожидать концентрации населения трудоспособного возраста в местных центрах, но этого не происходило. Как выяснилось, сравнительно большей концентрацией в кустовых центрах и их ближайшей округе отличалось только размещение детей и подростков. Население трудоспособного возраста было размещено почти так же, как и все население, а пенсионеры, что вполне естественно, преобладали на периферии⁴.

«Аномалия», связанная с сохранением высокой доли трудоспособных в сельской местности, несмотря на продолжение миграционного оттока, подтверждается и другими данными. В частности, отмечается, что «доля молодежи в возрасте 16—29 лет, а также доля трудоспо-

¹ Москвитина Р.А. Социокультурные процессы российского села (70—90-е годы XX века) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1998. С. 84.

² Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. С. 64.

³ Советская деревня на современном этапе. Воронеж, 1974. С. 65.

⁴ Алексеев А.И., Ткаченко А.А. Из истории территориальной организации сельской местности Нечерноземья // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С. 9.

собных непосредственно не коррелирует с показателями интенсивности миграции»¹.

Полученный вывод заставляет иначе оценить и причины, и перспективы молодежной миграции. При несомненном большом влиянии мер аграрной политики на этот процесс (о чем еще будет сказано далее) его невозможно сводить лишь к последствиям этой политики. В 1960—1980-е годы село Белоруссии и российского Нечерноземья переживало переходный период, связанный с трансформацией аграрного расселения в урбанизированное. Возрастные диспропорции, возникавшие в структуре сельского населения, были естественны вследствие повышенной мобильности, органичной для молодежи. Кроме того, следует учитывать специфику переходного периода, предполагающую большую возрастную амплитуду интенсивности оттока. Влияние сельской миграции на демографические процессы в селе и в городе поэтому оказывается очень значительным². С завершением формирования нового качества городской среды и прекращением роста городов на рубеже тысячелетий наблюдалась постепенная нормализация сельской возрастной структуры. По мере того как в пожилой возраст переходят поколения, активно участвовавшие в миграциях, перекосы в возрастной структуре выравниваются. Заметим также, что естественная повышенная мобильность молодежи проявлялась тем сильнее, чем глубже та или иная территория была вовлечена в процесс формирования урбанизированной среды, поэтому существование межрегиональных различий в интенсивности миграции тех или иных возрастных групп было вполне предсказуемым.

Особенности миграции по полу. В послевоенное время в сельском хозяйстве постепенно складывалось противоречие между тяжелым характером труда и недостатком мужских рабочих рук. Женщин привлекали преимущественно на тяжелые физические работы в поле, в животноводстве и т.д., в то время как административные, обслуживающие должности и другие постоянные работы, не связанные с тяжелым физическим трудом, выполнялись главным образом мужчинами. В 1949 году в СССР на одного трудоспособного мужчину-колхозника в среднем приходилось 310 выработанных трудодней, а трудоспособная женщина вырабатывала только 205 трудодней³. Тяжелые трудовые условия стимулировали повышенную женскую миграцию.

¹ Урбанизация и демографические процессы. М., 1982. С. 152.

² Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 63, 68—69.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1057. Л. 179—180.

Говоря об истоках явления, заметим, что с разрушением патриархальной сельской семьи постепенно повышалась экономическая самостоятельность ее членов. Этот процесс продолжался в послевоенные десятилетия. Тем самым противоречия между характером мужского и женского труда постепенно обострялись.

Важно понимать, что активная миграция женщин была обусловлена не только недостатком мужчин в деревне в результате военных действий. Ей предшествовал большой миграционный отток мужчин, особенно значительный в первое послевоенное десятилетие. Отток реализовывался в различных формах отходничества в поисках реального заработка на фоне «пустых» колхозных трудовых, оргнаборе и т.д. В результате на женщин помимо работы в колхозе ложилась тяжелая обязанность по поддержанию домашнего хозяйства и воспитанию детей. Исследования 1986—1987 гг. показали, что более 20% современных сельских жителей, которым по 20—30 лет, воспитывались только матерью¹. Кроме того, параллельно продолжала действовать тенденция поиска городского приложения труда. Возможность трудоустройства в городе для обладателя технической специальности выглядела несравненно более привлекательной. Механизированный труд универсален для города и села. Механизаторы и шоферы оказывались в лучшем положении при переезде в город по сравнению с другими категориями сельского населения, так как являлись носителями городской профессии. Постепенное вымывание квалифицированных мужских кадров ставило женщин перед необходимостью работы с механизмами. Неизбежно возникавшие при этом трудности заставляли администрацию хозяйства сокращать количество используемой техники, а значит, отсутствовал стимул дальнейшей механизации села².

Мы уже упоминали о том, что отток женщин из села малоселенных регионов был более значительным. В добавление к сказанному заметим, что в северо-западных областях России одной из основных отраслей аграрного сектора было льноводство. Эта отрасль наряду с животноводством традиционно считалась «женской». Даже в 1980-е гг. женщины в льноводческих бригадах составляли около 80%³. Несмотря на частичную механизированность этого труда (теребление льна в конце 1950-х гг. было механизировано примерно на 55%⁴), этот труд не был престижным — предпочтительными видами сельской женской

¹ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 42.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 105—106.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 3092. Л. 40.

занятости считались здравоохранение и дошкольное воспитание¹. В Псковской и Смоленской областях частичная механизация не могла компенсировать растущей трудовой нагрузки ввиду прогрессирующего недостатка населения. Как заметил В.И. Переведенцев, «люди уходят главным образом оттуда, где некому работать, и почти не уходят оттуда, где нечего делать»². Вдобавок ко всему, начиная с середины 1950-х гг., расценки за работу в льноводческой отрасли постепенно снижались, а значит, эта сфера занятости теряла остатки своей привлекательности.

В этих условиях стабилизирующую функцию могла бы выполнять привычная женская роль «хранительницы очага», но сам «очаг», т.е. хозяйство двора, в свою очередь разваливался под натиском мероприятий аграрной политики. Кампания под лозунгом «Догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», проводившаяся на рубеже 1950—1960-х гг., нанесла тяжелый удар по приусадебному скотоводству, особенно в пригородных районах. Облегчение для женщин, гораздо больше мужчин занятых в домашнем хозяйстве, оказалось довольно иллюзорным. Доходы семьи теперь в гораздо большей степени зависели от работы в общественном секторе, что не выглядело привлекательным для жителей пригородных сел, прежде активно торговавших на городских колхозных рынках продукцией животноводства со своего подворья.

Здесь важно заметить, что женские заработки не могли быть сопоставимы с оплатой труда представителей сильного пола. Не получив образования, сельская женщина ограничивалась заботами о семье, участием в тяжелом неквалифицированном труде либо работой в сфере обслуживания. Оставшиеся на селе мужчины всегда оказывались в лучшем положении в сравнении с женщинами. Как правило, они брали на себя механизированные формы труда, оставляя ручные женщинам. Труд с использованием механизмов в сельских условиях не легче ручного, но гораздо лучше оплачивается. Последнее обстоятельство было способно привлекать в деревню мужчин в трудоспособном возрасте.

Таким образом, в результате упомянутой мясо-молочной кампании женщины по сути лишились возможности достойного заработка. При этом женский труд на личных подворьях, становясь гораздо менее доходным, не был менее тяжелым. Работа в своем хозяйстве всегда была основным занятием женщин. Но в доколхозную эпоху женщины ничем более не занимались; кроме того, эти обязанности распределялись

¹ Панкратова М.Г. Указ. соч. С. 106.

² Переведенцев В.И. Страна мигрантов // Смена. 1991. № 4. С. 113.

между всей женско-детской частью многопоколенной семьи. В результате нуклеаризации семьи тяжесть сельского домашнего труда обрушилась на одну женщину, выступающую в нескольких ипостасях — жена, мать, домохозяйка и работница в сфере общественного производства.

О тяжести ситуации говорят следующие данные. За десять лет, с 1975 по 1985 г., доля женщин в сельском хозяйстве на неквалифицированных работах снизилась только с 88 до 83%¹. Затраты времени в личном хозяйстве в неурбанизированных поселениях со слабо- и среднеразвитой экономической структурой у женщин составляли 20—23 часа, в урбанизированных развитых поселениях — 11—12 часов (сведения 1979 г.)².

Следует заметить, что сельскохозяйственное производство является достаточно опасным для женского здоровья. Женский организм более остро реагирует на неблагоприятные условия труда — поднятие тяжестей, шум, пыль, температурные колебания и т.д. Неблагоприятное воздействие оказывают токсичные вещества, которые широко используются в современных агротехнологиях. Работницы животноводства подвержены простудным и кожным заболеваниям, а выполнение женщинами значительной физической нагрузки влечет за собой выкидыши, мертворождения, патологии беременности. Зная это, родители «вытаскивают» своих дочерей в город даже тогда, когда у них самих такое желание еще не созрело. Смертность трудоспособных мужчин на селе была выше, чем в городе на 11%, женщин — на 17%. У сельских женщин, умерших в трудоспособном возрасте, на первом месте среди причин были болезни системы кровообращения. Треть сельских женщин в возрасте от 40 до 60 лет имели заболевания, связанные с трудовой деятельностью³.

Однако было бы неверно объяснять преимущественную миграцию женщин только тяжелым трудом. На это обращает внимание Л. В. Милов: «Конечно, женщина работает очень много, но ведь она всегда работала очень много»⁴. Очевидно, что чрезвычайно важной была появившаяся возможность сравнения городских и сельских условий труда (то, что обычно относят к сфере «урбанизации сознания»).

Женщина имела возможность улучшить условия своего труда на селе или перебраться в город после получения образования. При этом в деревне образованная женщина могла занимать одну из не-

¹ Панкратова М. Г. Указ. соч. С. 108.

² Алексеев А. И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990. С. 208.

³ Денисова Л. Бабыня доля // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX века) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. М., 1996. С. 325—326.

⁴ Менталитет и аграрное развитие России. С. 437.

многих доступных должностей: врач, учитель, представитель сферы обслуживания и работник управленческих структур. Однако все эти специальности были востребованы и в городе, а значит, при переезде не возникало профессионального барьера, обычного для низкообразованных работниц полеводства и животноводства. Часто приезжие женщины-специалисты (врачи или учителя) не имели своего хозяйства, и обзавестись таковым им было труднее, чем мужчинам. Из-за более высокого образовательного уровня возникали сложности и с замужеством. В итоге не формировалась основа для закрепления женщин-специалистов на селе.

Очевидно, что стремительный рост уровня образованности сельских женщин в 1970-е гг. был отражением их городской ориентации. Отмечалось, что если еще в начале 1970-х гг. сельская женщина на две-три пятилетки отставала от городской по уровню своего образования, но впоследствии городская тенденция более высокого образовательного уровня женщин по сравнению с мужчинами стала проявляться и на селе¹.

Очень долго действительные мотивы миграции женщин оставались в тени, поскольку в условиях административных ограничений у женщин было гораздо меньше возможностей для отъезда, чем у мужчин. В результате наиболее распространенной оказывалась формулировка «по семейным обстоятельствам»². Семейный статус, действительно, имел большое значение. Можно выделить следующие категории мигранток:

- девушки 16—18 лет, только что окончившие школу и едушие в город на учебу. В их миграционном поведении не было ничего отличавшего их от юношей-сверстников, за исключением того, что им не надо было дожидаться призыва в армию и они могли самореализоваться немедленно;
- женщины 19—29 лет уезжали в надежде выйти замуж;
- вдовы разного возраста, в основном старше 50 лет, ехали к детям.

Вообще разрыв с деревенской традицией у мигрантов-женщин происходил проще, чем у мужчин³. Этому не препятствовал даже возрастной фактор. Более того, с возрастом физический труд в сельском хозяйстве воспринимался как все более тяжелый. Более ранняя смерт-

¹ Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 15.

² Староверов В. И. Социологическое изучение миграции сельского населения : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1979. С. 226.

³ Johnson R. E. Peasant and Proletariat: migration, family patterns, regional loyalties // The World of the Russian Peasant: post emancipation culture and society. Boston etc. 1990. P. 90.

ность мужчин лишала женщин поддержки в нелегких условиях сельской жизни и заставляла их перебираться в город, к детям. Замена личных подсобных хозяйств городским домашним хозяйством была хотя и не адекватной по весомости полученных результатов, но требовала гораздо меньших физических усилий. То есть чаще всего для женщин «в возрасте» определяющим был не доход от вложенного труда, а его сравнительная легкость в городе.

Говоря об интенсивности миграции сельских женщин разного возраста, следует заметить, что при большой подвижности 16—19-летних наиболее мобильным был все-таки возраст 20—24 года. Причем помимо оттока в город в этом возрасте довольно значительным был и поток «город — село» (распределение молодых специалистов и возвращение с учебы). Следующей по интенсивности миграции была группа женщин-пенсионеров.

Если говорить об особенностях женской миграции в сравнении с мужской, то женщины чаще всего мигрировали однократно, мужчины же могли менять место жительства по нескольку раз¹. Кроме того, миграционная активность женщин обычно ограничивалась ближайшим городским поселением, в то время как мужчины предпочитали переезжать за пределы своего региона. Наконец, относительно небольшим было количество женских возвратных миграций, мужчины возвращались гораздо чаще. Во многом за счет этого обстоятельства достигалась высокая степень участия женщин в миграционных процессах, даже несмотря на трудности адаптации. Считается, что миграция женщин составляла $\frac{3}{5}$ от общего значения механического сокращения населения².

Однажды сформировавшись, тенденция более активной женской миграции в сравнении с мужской действовала в течение всего периода 1960—1980-х гг. В 1984 году по стране в целом 62% сельских девушек после школы собирались сменить место жительства, и только 20% из них выбрали сельскохозяйственные профессии. Для сравнения: у юношей этот показатель составлял 48%³.

Снова вернемся к теме миграционной мотивации и упомянем о возрастных и половых различиях в ее формировании. В.И. Староверов установил, что для мигрантов, находящихся в трудоспособном возрасте, материальные и культурно-бытовые мотивы миграции являются примерно равнозначными. Однако с изменением возраста мотивационная картина меняется. Мигранты в возрасте 16—18 лет

¹ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. С. 67.

² Панкратова М.Г. Указ. соч. С. 105.

³ Вестник статистики. 1984. № 9. С. 65.

в качестве основных мотивов перемещения из села в город называют стремление приобрести профессию и продолжить образование (более 50%). Они почти не говорят о неудовлетворительных условиях труда, поскольку еще не успели поработать. В то же время они недовольны материальным положением семьи и культурно-бытовыми условиями ее проживания, поскольку эта тема им знакома с малых лет. Мигранты следующей возрастной группы (19—24 года) в большей мере выделяют значение мотивов, связанных с культурно-бытовыми условиями и материальным обеспечением. Для этих мигрантов спектр значимых причин миграции вырастает до семи: добавляются семейные обстоятельства и неудовлетворенность взаимоотношениями с руководством. Далее с увеличением возраста мигрантов (25—39 лет) нарастает неудовлетворенность условиями труда, значимость других причин миграции ослабевает¹.

В трудоспособном возрасте мотивы миграции дифференцируются в зависимости от пола. Для женщин более значимыми причинами являются: стремление приобрести профессию (у женщин 17,7%, у мужчин — 11%), материальная необходимость (15,0 и 9,5%), неудовлетворенность условиями труда (15,7 и 14,4%), семейные обстоятельства (8,0 и 4,4%)². Мужчины в своем большинстве зарабатывают больше, чем женщины, и их меньше беспокоит приобретение профессии и материальный достаток. Зато для них большое значение имеют мотивы, связанные с продолжением образования и улучшением культурно-бытовых условий. Это объясняется тем, что женщины раньше вступают в брак и семейные заботы отодвигают эти проблемы на второй план. Мужчины менее склонны к компромиссам, и поэтому многие из них в качестве основного мотива переселения называют ненормальные отношения с руководителями хозяйств. На структуре мотивов миграции сказывается семейное положение переселенцев. У мигрантов-одиночек структура мотивов достаточно однородна и практически не отличается от таковой у всей совокупности переселенцев. Это: профессия, образование, условия труда и культурно-бытовые условия, а также материальное положение. Одиноким супругам более остро реагируют на условия и организацию труда, материальное положение. Они открыто говорят о своем желании жить в городе и чаще конфликтуют с руководством. Это люди с опытом, они полны сил и хотели бы пожить в условиях, соответствующих их установкам. Менее притязательны матери-одиночки.

¹ Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни (методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения). М., 1975. С. 130.

² Там же.

Их поведение определяют главным образом две вещи: семейные обстоятельства и материальная обеспеченность. Часто они уезжают, желая скрыться от деревенских пересудов. Супруги, имеющие детей, четко выделяют три мотива миграции: семейные обстоятельства, желание продолжать образование и улучшить материальное состояние. Все остальное для них отступает на второй план.

5.3. Динамика миграции

Мы сделали попытку рассчитать сальдо миграции в российских и белорусских областях в первой половине 1960-х гг. и спустя 40 лет, т.е. в первой половине 2000-х гг. Нашей целью было определить не только интенсивность оттока, но и направление перемещений. Нет необходимости говорить, что современная миграция населения вызывает особый интерес, поскольку позволяет оценить перспективы нынешней демографической ситуации.

Исходя из коэффициентов естественного прироста и темпа прироста численности населения можно получить значения коэффициентов сальдо миграции (миграционного прироста). Этот коэффициент рассчитывался как разность соответствующих коэффициентов общего темпа прироста населения и его естественного прироста. Нами были выполнены расчеты усредненных значений миграционного коэффициента для временных отрезков 1960—1965 и 2000—2005 гг. Результаты расчетов для населения шести областей пограничья и образующих их территориальных групп приведены на рис. 5.1 в виде диаграммы.

В годы интенсивного миграционного оттока (1961—1965) наиболее значительными были потери села российских областей, в первую очередь Смоленской и Псковской. Показатели «южной» Брянской области России соответствовали данным «северной» Витебской области Беларуси, передавая своеобразную эстафету интенсивности миграционных перемещений. Однако приобретения городов российских областей далеко не соответствовали сельским потерям. Наибольшим прирост населения городов за счет мигрантов в расчете на 1000 жителей был в Псковской, Смоленской и Гомельской областях. Не будем забывать, что перед нами не абсолютные данные, а коэффициенты, т.е. сальдо миграции оценивается исходя из численности городского населения в соответствующих областях — чем больше городского населения, тем меньше коэффициент прироста.

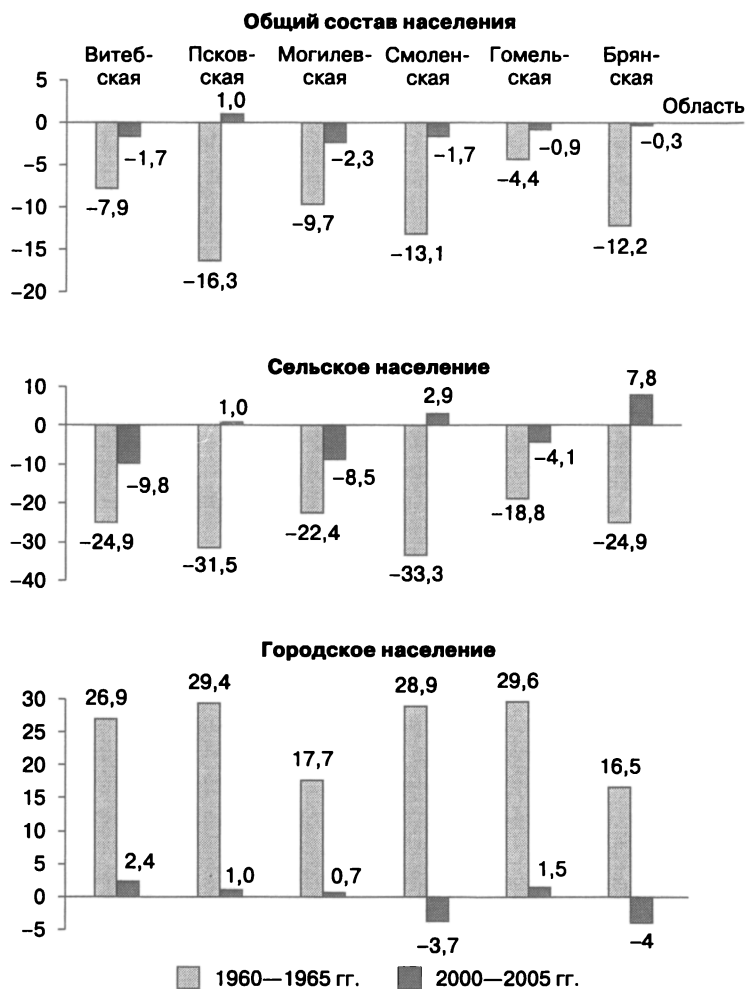

Рис. 5.1. Уровень сальдо миграции (‰) в группах населения соседствующих регионов Беларуси и России

Доля городского населения в областях пограничья по состоянию на 1965 г. оценивалась следующим образом (в порядке убывания) (табл. 5.1)¹.

¹ Составлено по материалам сборников «Народное хозяйство СССР» за соответствующие годы.

Таблица 5.1

Доля городского населения в областях пограничья по состоянию на 1965 г.

Область	Доля городского населения, %
Брянская	41
Витебская	41
Смоленская	41
Могилевская	38
Псковская	36
Гомельская	35

Таким образом, если для Витебской и Смоленской областей высокое значение коэффициента отражает уровень привлекательности местных городов (более развитая городская среда), то еще более значительные показатели для Псковской и Гомельской областей скорее свидетельство неразвитости местной городской среды в тот период. Невысокий коэффициент сальдо миграции для Могилевской и Брянской областей в сочетании с уровнем их урбанизированности достаточно адекватно оценивает невысокую степень миграционной привлекательности местных городов.

Несмотря на положительное значение коэффициента по городской местности пограничья, общее сальдо миграции по всем областям региона в 1961—1965 гг. отрицательное. Это означает, что области пограничья достаточно активно теряли население в обмене с другими территориями. Сравнение коэффициентов миграционных потерь сельского населения и данных по области в целом позволяет сделать вывод, что наиболее активно мигранты выезжали за пределы российских областей.

Картина миграционной активности в первой половине 2000-х гг. совершенно иная. Во-первых, село российских областей больше не теряет население в результате миграционного оттока, притом что в сельской местности Беларуси небольшое отрицательное сальдо сохраняется. Такая ситуация свидетельствует об исчерпанности людских ресурсов российской сельской местности и о начале перехода к стадии интегрированного расселения в процессе урбанизации. Для поддержания существующего уровня хозяйственной деятельности российские области вынуждены рассчитывать на внешних мигрантов. В то же время белорусские сельские территории, если судить по продолжающемуся оттоку населения, еще имеют небольшой ресурс, и задача местных властей состоит в удержании потенциальных мигрантов в местах выхода.

Во-вторых, миграционная привлекательность городов пограничья резко снизилась. В условиях резкого сокращения объемов миграционных потоков шансы на приток населения из-за пределов своей области получают лишь инвестиционно привлекательные регионы. В этом смысле небольшой положительный баланс Псковской области (как в городской, так и в сельской местности) внушает осторожный оптимизм. Города Брянской и Смоленской областей теряют население, и последствия этого оттока несколько смягчаются лишь за счет внешнего притока мигрантов в сельскую местность, преимущественно в Брянской области. Этот процесс стал следствием перераспределения миграционных потоков последних полутора десятилетий, в соответствии с которым области Центральной России выступают центром притяжения как для внутренних, так и для внешних мигрантов¹. Надо признать, что участие российских территорий пограничья в этом перераспределении пока весьма скромное.

Беларусь и Россия — единственные страны СНГ, миграционный баланс которых в начале нового тысячелетия положительный². Несмотря на это, Витебская, Могилевская и Гомельская области в настоящее время не относятся к числу миграционно привлекательных, теряя население в миграционном обмене. Это сближает белорусские пограничные территории с российскими.

Картину интенсивности миграции в регионах пограничья дополняет сопоставительная динамика численности их населения в реальных поколениях жителей. В качестве характеристики численности мы использовали относительный показатель — отношение числа жителей поколения к их числу при возрасте поколения 15—19 лет. На рисунке 5.2 приведены данные для поколения, рожденного в период с 1940 по 1944 г.

Как видим, наибольшее падение численности сельских жителей в выбранном для анализа поколении наблюдалось в возрасте 15—25 лет (кривые 1—6). Для российских областей она снизилась до показателя 0,36—0,38 от исходного уровня, равного единице. Другими словами, за десять лет число жителей села в поколениях рожденных в 1940—1944 гг. сократилось более чем на 60%. Для белорусских областей сокращение оказалось менее интенсивным — до уровня 0,42—0,45.

¹ Мкртчян Н. Внутренние миграции населения России // Россия и ее регионы в XX веке : Территория. Население. Миграции. М., 2005; Карачурина Л. Региональные особенности российской демографической ситуации // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 273—274. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0273/analit05.php>

² Зайончковская Ж.А. Миграционные тренды в СНГ: итоги десятилетия // Россия и ее регионы в XX веке. С. 421.

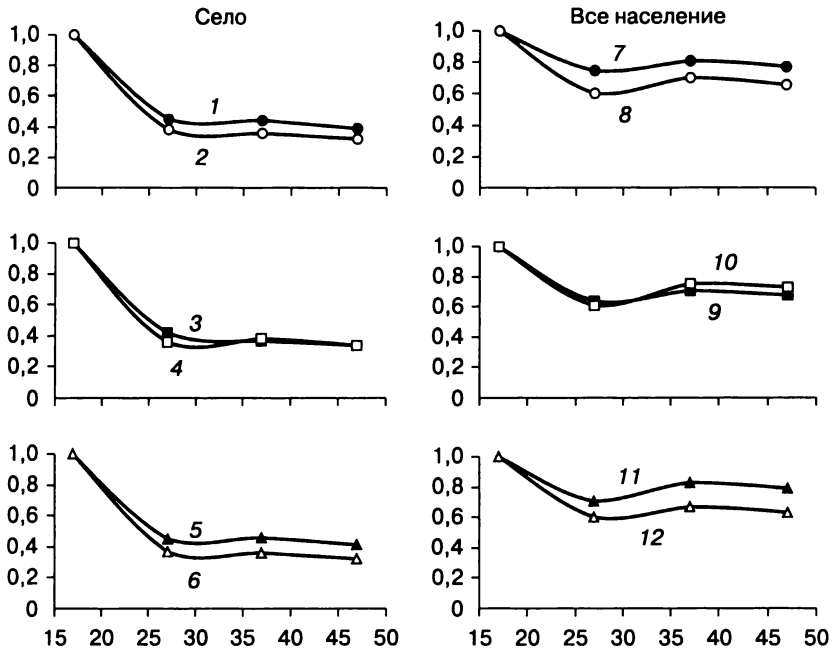

Рис. 5.2. Изменение долевой численности населения в реальном поколении рожденных в 1940—1944 гг. сельских жителей (1—6), а также всех жителей (7—12), проживающих в Витебской (1, 7), Псковской (2, 8), Могилевской (3, 9), Смоленской (4, 10), Гомельской (5, 11) и Брянской (6, 12) областях российско-белорусского пограничья

Как можно судить по кривым 7—12, относительная численность представителей рассматриваемого поколения активных возрастных групп убывала и в общем составе населения. Это означает, что наблюдался отток населения не только в городские поселения внутри регионов, но и за их пределы. За тот же десятилетний период численность жителей в российских областях снизилась до уровня 0,60—0,61. В белорусских регионах спад численности был менее интенсивным (только до значений 0,64—0,75; значение 0,64 относится к Могилевской области, в которой снижение числа жителей по сравнению с другими регионами Беларуси было более значительным). Таким образом, в 1960-е гг. миграционный отток сельских жителей в активном поколении был более интенсивным, чем в смежных белорусских регионах. Это различие связано в первую очередь с большими возможностями межрегиональной миграции для жителей российских областей ввиду близости крупных городских центров.

6. ДЕФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ

Урбанизационный переход общества из сельского состояния в городское в советских и постсоветских условиях сопровождался глубокими демографическими изменениями возрастной и половой (вместе половозрастной) структур населения. В этой части работы приводятся результаты исследования механизма деформирования половозрастной структуры в территориальных группах населения и установления на этой базе временных и территориальных границ экстремального деформирования.

6.1. Механизм деформирования половозрастной структуры в 1945—1958 гг.

Половой состав, или структура населения, являющаяся на стадии рождения поколения биологической константой и определяемая вторичным соотношением полов¹, изменяется в ходе последующей жизни поколения. Причинами этого являются различия в показателях смертности и интенсивности миграции у мужчин и женщин. Показатели мужской смертности во всех возрастах превышают уровень смертности женщин, что приводит к однонаправленному деформированию структуры населения. В результате значения показателя соотношения полов (отношение числа мужчин к числу женщин) с увеличением возраста реального поколения непрерывно убывают. Влияние миграции на состояние половой структуры населения оказывается более сложным, так как в одних случаях проявляется более высокая мужская миграционная подвижность, а в других женская². Если в миграции более активны мужчины, то в районах притока населения в конечном счете их будет больше, чем женщин; и напротив, в районах оттока будет больше женщин. Таким образом, из-за разноскоростной миграции полов на территориях оттока и притока населения возникает разнонаправленная деформация половой структуры. Она вызывает негативные социальные последствия, которые наиболее остро проявляются в сельской местно-

¹ См. подробнее: Мелков В.М. Демография : учебник. М., 2003.

² *Предыбайло С.Д.* Деформирование половозрастной структуры сельского населения Беларуси и его социальные последствия. Гомель, 2008.

сти¹. Эти последствия сказываются на формировании брачной структуры, влияют на репродуктивное поведение женщин; кроме того, они оказывают влияние на формирование трудоспособного контингента и другие социально-демографические аспекты жизни населения.

Как уже говорилось выше, большая часть территории пограничья (особенно с российской стороны) находилась в районах традиционного отходничества, поэтому еще в довоенное время в местных селах обычной практикой был недостаток мужчин. После войны баланс полов стал определяться степенью неустроенности территории, масштабами разрушений и людских потерь.

Наибольшие диспропорции в возрастной группе 14—54 года отмечены в 1945 г., т.е. еще в период Великой Отечественной войны (В.Ф. Зима отмечает, что после частичной демобилизации 1945 г. в Центральном экономическом районе один трудоспособный мужчина приходился на два-три двора²). После завершения демобилизации в 1949 г. мужское население в трудоспособном возрасте примерно на треть уступало по численности женскому. Что касается старшей возрастной группы, то там еще до войны женщин было примерно вдвое больше, чем мужчин.

В результате повышенной миграции женщин под давлением тяжелых условий труда послевоенные половые диспропорции в сельском трудоспособном населении центра постепенно ликвидировались. Доля мужского населения постоянно росла.

Графики на рис. 6.1³ позволяют проследить относительно долговременную тенденцию в изменении половой структуры населения колхозов Нечерноземья. Как видим, на фоне общего сокращения населения колхозов кривые численности мужского и женского трудоспособного населения со временем уверенно сближались.

Для характеристики уровня деформирования половозрастной структуры города и села, а также общего состава населения регионов российско-белорусского пограничья использовался показатель соотношения полов — отношение числа мужчин к числу женщин, входящих в пятилетние возрастные группы (поколения): 10—14, 15—19 лет и т.д. Для определения влияния фактора миграции населения на состояние половозрастной структуры необходимо учитывать изменения, связанные с различной интенсивностью смертности мужчин и женщин.

¹ Лин Д.Г. Социальные последствия деформации половозрастной структуры сельского населения Беларуси // Социальные проблемы современного села в экономическом и социологическом измерении : материалы международной научно-практической конференции. Горки, 2007. С. 120—123.

² Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 159.

³ Составлено по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1018а. Л. 86—87.

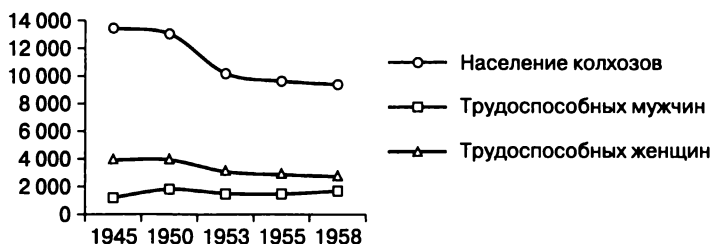

Рис. 6.1. Динамика изменения численности трудоспособных мужчин и женщин в населении колхозов российского Нечерноземья, 1945—1958 гг., тыс. человек

Представим себе поколение новорожденных с соотношением мальчиков и девочек, равным вторичному соотношению полов (1,040). Если допустить, что в этом сообществе отсутствует миграция, то изменение показателя соотношения полов с возрастом будет определяться только фактором смертности. На рисунке 6.2 приведен такой график зависимости, для которого значения искомого показателя рассчитывали исходя из повозрастных показателей смертности в 1959 г. К возрасту 35 лет показатель соотношения полов, скорректированный на действие фактора смертности, уменьшается с 1,040 до 1,001. Поэтому для реального поколения отклонение характерного для него значения показателя от зависимости, представленной на рис. 6.2, выражает только наличие разноскоростной миграции полов. Для того чтобы определить, какой из полов преуспевает в миграции, нужно знать направление миграционного потока. Если, например, для данной территории сальдо миграции имеет положительный знак (идет приток населения), а сформировавшийся здесь показатель соотношения полов уступает значению показателя, рассчитанного для безмиграционного сообщества, то можно считать, что в миграционном потоке преобладают женщины. Подобным же образом можно оценить состав миграционных потоков при другом варианте знака сальдо миграции и установившегося на территории показателя соотношения полов.

Применяя такой подход, определим характер участия полов в миграционных перемещениях, которые происходили в регионах российско-белорусского пограничья в период, предшествующий первой послевоенной переписи населения.

Начнем с поколения, родившегося в 1924—1928 гг., которое при переписи 1959 г. входило в возрастную группу 30—34 года. В общем составе поколения значения показателя соотношения полов в регионах составили 0,71—0,75 и были много ниже уровня показателя (1,001), рассчитанного с учетом естественной смертности (на рис. 6.2 численные значения показателей представлены в соответствующих возраст-

Рис. 6.2. Зависимость показателя соотношения полов в безмиграционном сообществе с учетом фактора смертности (отдельно выделены значения показателя в общем составе населения регионов пограничья и территориальных групп)

ных секторах). Рассматриваемое поколение является самым молодым из участвовавших в Великой Отечественной войне. Естественно, что большая гибель мужчин во время боевых действий привела к резкому снижению доли мужского населения. Для сравнения на том же рисунке приведены значения показателя соотношения полов в территориальных группах населения в регионах (эти данные сконцентрированы внутри прямоугольников, при этом левый прямоугольник в соответствующем секторе возраста относится к сельскому населению, а правый — к городскому). Можно заметить, что средний уровень показателя соотношения полов в селе несколько ниже, чем в городе. Это различие возникло уже в послевоенный период и обусловлено главным образом перемещением жителей села в город.

Для сельских мужчин поколения 1924—1928 гг. среди легальных возможностей закрепления в городе был переезд туда сразу после демобилизации, на учебу (это поколение в результате войны оказалось самым «недоучившимся»), а также в ходе организованного набора рабочих. Статус рабочего давал право на получение паспорта, ста-

бильную оплату труда, пенсию. Кроме того, в соответствии с планами восстановления разрушенных городов (преимущественно мелких и средних) рабочие получали право на строительство своего дома, что имело большое значение для недавних выходцев из села, привыкших к такому образу жизни.

Следующим в порядке уменьшения возраста является поколение, родившееся в период с 1929 по 1933 г. При проведении переписи 1959 г. его возраст составлял 25—29 лет. Это поколение входило в активный миграционный возраст (после 15 лет) в середине и второй половине 1940-х гг., а к 1959 г. основные миграционные перемещения в нем уже были завершены. В общем составе населения регионов перепись зафиксировала значения показателя соотношения полов в диапазоне от 0,87 до 0,97, что заметно ниже уровня показателя для безмиграционного сообщества. Поскольку сальдо внешней миграции было отрицательным (все регионы теряли население), можно утверждать, что поколение 1929—1933 г. р. также отдавало мужчин как из села в город, так и за пределы пограничья (хотя и в меньшем количестве).

В этой тенденции, однако, есть исключение — половая структура сельского населения Псковской и Смоленской областей выглядит вполне сбалансированной. Здесь показатели соотношения полов оказались самыми высокими среди других регионов и составили соответственно 1,00 и 1,02. Жители этих областей в общем составе населения также имели более высокую долю мужчин (соотношение полов соответственно 0,96 и 0,99, в остальных регионах оно было ниже 0,90). Такое «благополучие» не должно вводить в заблуждение и свидетельствует лишь о том, что тяжелые условия труда и низкий уровень жизни раньше, чем в других регионах, вынуждали женщин к миграции.

Теперь остановимся на миграционном поведении следующего по возрасту поколения — родившихся в период с 1934 по 1938 г. При проведении переписи 1959 г. оно имело возраст 20—24 года. Активная фаза миграции для этого поколения началась в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Показатель соотношения полов здесь выглядит более благоприятным, чем для родившихся на пять лет раньше. В силу отмеченной выше тенденции в Псковской области он сравнивался со значением показателя безмиграционного сообщества, а в Смоленской даже превысил его. Это означает, что в этих двух регионах произошло качественное изменение характера внешней миграции, и в миграционном оттоке в конце 1940-х — начале 1950-х гг. начала преобладать женская составляющая.

При переходе к территориальным группам наблюдается еще более резкая поляризация. Так, в городской местности диапазон колебаний

показателя соотношения полов составил от 0,90 в Смоленской области и до 0,69 в Витебской, в сельской местности от 1,16 на Смоленщине и до 0,96 на Гомельщине. По показателю соотношения полов сельское население пограничья четко делится на три группы: Псковская и Смоленская области (значения показателя 1,14 и 1,16), соседствующие с ними Витебская и Могилевская области (1,02 и 1,03) и южные регионы пограничья: Брянская и Гомельская области (по 0,96). Поскольку последние две территории характеризовались как относительно трудоизбыточные, не будет ошибкой предположить, что причина различий в соотношении полов кроется в неодинаковой трудовой нагрузке сельского женского населения по отдельным областям. Спецификой пограничья было то, что отток шел как в городские поселения региона, так и за его пределы. По мере обострения ситуации с трудовыми ресурсами опережающая миграция женщин вслед за Псковской и Смоленской областями обозначилась в соседствующих с ними областях Белоруссии, а затем проявилась и на юге пограничья.

Следующее, более младшее по возрасту поколение (рожденные в 1939—1943 гг.) входило в активный миграционный возраст в середине 1950-х гг., т.е. незадолго перед проведением переписи 1959 г. Однако за этот небольшой срок в половой структуре сельского населения уже успели произойти достаточно серьезные изменения. В сельском населении Псковской и Смоленской областей четко обозначился перевес мужчин (показатели составили соответственно 1,16 и 1,12). Та же тенденция, но в меньшей степени действовала в Витебской и Могилевской областях (1,07 и 1,03). Для этого поколения сельских жителей уже обозначились различия в половой структуре населения Брянской и Гомельской областей (показатели соотношения полов соответственно 1,02 и 0,99, т.е. в Брянской области раньше, чем в Гомельской, обозначился перевес мужчин в сельском населении). Как видим, во всех парах областей процесс опережающей миграции женщин начинается в российских областях и лишь затем движется на запад, в Белоруссию. В общем составе населения регионов уровень показателя соотношения полов увеличился по сравнению с предыдущим поколением, т.е. во внешней миграции также постепенно нарастала доля женщин.

Подтверждением этому являются данные по половому составу следующего, еще более молодого поколения — родившихся в период с 1944 по 1948 г. К моменту проведения переписи 1959 г. оно имело возраст 10—14 лет, т.е. находилось в преддверии активной миграции. Однако уже в то время в поколении явно обозначились признаки дифференциации полов в интенсивности миграции. Так, показатель соотношения полов в составе сельского населения по отдельным регионам

находился в пределах от 1,057 до 1,034, в то время как среди городского населения он был ниже (значения от 1,032 до 0,999). Через 11 лет, к моменту проведения переписи 1970 г., женский миграционный отток из села в этом поколении еще более увеличится: значение показателя соотношения полов будет находиться в диапазоне от 1,17 до 1,31 (по городу — от 0,88 до 1,01).

Таким образом, в период, предшествовавший Всесоюзной переписи населения 1959 г., во внутренней и внешней миграции населения российско-белорусского пограничья отчетливо проявились два сменяющих друг друга процесса. В первые послевоенные годы в миграции обозначился преобладающий отток мужчин как во внутрирегиональных перемещениях (из села в город), так и за пределы своих регионов. Затем при сохранении относительного баланса полов во внешней миграции в перемещениях из села в город все более явной становилась новая тенденция — преобладающий отток женщин. С течением времени она стала определяющей. В регионах пограничья смена полового состава мигрантов произошла одновременно. Изменения происходили в направлениях с востока на запад и с севера на юг. Преобладание женщин в потоке мигрантов первоначально обозначилось в Псковской и Смоленской областях (в конце 1940-х — начале 1950-х гг.). В Витебской и Могилевской областях это произошло на пять лет позже, а в Брянской и Гомельской областях — еще спустя пять лет, в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Разновременность появления преобладающей женской миграции из села в регионах пограничья подтверждается данными диаграммы (рис. 6.3), на которой сопоставляются значения показателя соотношения полов для возрастной группы 15—19 лет по данным переписи 1959 г. жителей села девяти регионов. Помимо привычных шести областей в диаграмму включены сведения еще по трем регионам Беларуси (Гродненская, Минская и Брестская области), являющимся западными соседями соответственно Витебской, Могилевской и Гомельской областей. Все территории сгруппированы по тройкам и расположены в соответствии с их географическим положением (с востока на запад — по горизонтали и с севера на юг — по вертикали).

Как видим, в каждой из троек показатель соотношения полов по мере продвижения с востока на запад уменьшается, демонстрируя переход от преобладания в миграционном потоке женщин к перевесу мужчин. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в северной тройке регионов (Псковская, Витебская и Гродненская области). Если в Псковской области уверенно фиксируется преобладающий отток женщин из села (значение показателя 1,16), то в Витебской области

этот процесс находится в начальной стадии (1,07), а в Гродненской еще продолжается противоположный процесс, т.е. в миграционном потоке преобладают мужчины (0,96). Очевидна и другая особенность — интенсивность женской миграции снижается в направлении с севера на юг (исключение — столичная Минская область).

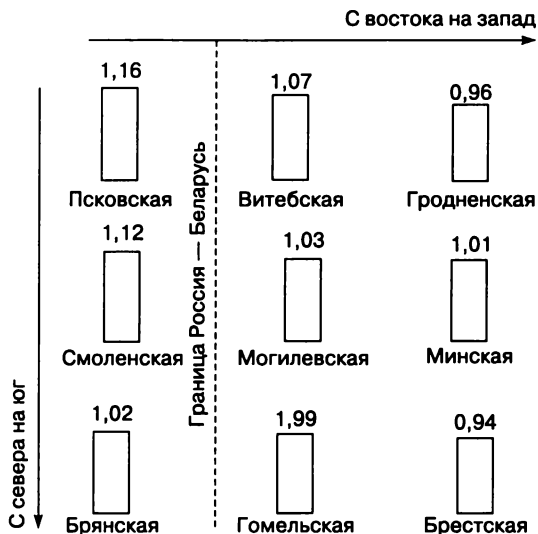

Рис. 6.3. Значения показателя соотношения полов в составе сельского населения областей для возраста 15—19 лет (родившиеся в 1939—1943 гг.) по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Распространение процесса преобладающей миграции женщин во многом связано с характером сельского расселения сельских жителей. Как уже говорилось выше, средний размер поселений увеличивается с севера на юг. Население средних и крупных сел, как правило, менее склонно к миграции, в том числе по причине достаточно развитой местной инфраструктуры. Миграция приводила к исчезновению мелких и мельчайших сельских поселений и снижению статуса остальных. Это означало, что поселениям более высокого ранга передавались управленческие функции, туда же переводились школы, медучреждения, дома культуры. В результате сельским женщинам, остававшимся в мельчающих деревнях, со временем оказывалось все труднее найти сферу занятости, не связанную с тяжелым физическим трудом. Что касается занятости в сельском хозяйстве, то уровень его механизации в тот период был очень низок.

Стоит заметить, что характер занятости стал иметь значение для жителей села примерно с середины 1950-х гг., когда по мере развития сельскохозяйственного производства потеряла свою остроту прежде актуальная проблема элементарного физического выживания. Кроме того, сельским женщинам, имеющим детей, постоянно надо было решать вопросы, связанные с доступностью учреждений здравоохранения, образования, культуры.

6.2. Аграрная политика и деформирование половозрастной структуры сельского населения пограничья в 1959—1970 гг.

Межпереписной период 1959—1970 гг. характеризуется чрезвычайно активными миграционными перемещениями из села в город. Советский Союз переживал один из завершающих этапов «городской революции». Как и прежде, специфику этого процесса определяла крайняя централизация управления, в котором в свою очередь доминировала экономическая составляющая. Однако «плотность» мероприятий экономической политики конца 1950—1960-х гг., имевших значительные демографические последствия, оказалась особенно велика.

По нашему мнению, в исследуемое десятилетие стимулирующее влияние на перемещение сельских жителей в города ряда территорий европейской территории СССР, в том числе жителей села российско-белорусского пограничья, оказывали:

- программы по организованному набору рабочих в промышленность из числа сельских жителей (в это время уже шедшие на спад);
- ликвидация машинно-тракторных станций (1958), вызвавшая миграцию сельских механизаторов, не удовлетворенных уровнем оплаты труда в колхозах по сравнению с реорганизованными МТС;
- кампания под лозунгом «Догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», проводившаяся на рубеже 1950—1960-х гг. и ознаменовавшаяся беспрецедентным наступлением на приусадебное скотоводство;
- возобновившаяся примерно с 1967 г. кампания по ликвидации «неперспективных деревень»¹.

¹ Эта тема была впервые поднята на рубеже 1940—1950-х гг. в контексте мероприятий по укрупнению колхозов, затем к ней вернулись в конце 1950-х гг. в связи с политикой «совхозизации». Особенности программы ликвидации «неперспективных деревень», начавшейся во второй половине 1960-х гг., в том, что она впервые приобрела самостоятельный характер, а также в масштабах реорганизации сельской местности.

В отличие от других демографических процессов миграция достаточно быстро меняет свою интенсивность и представляет собой реакцию на новые социально-экономические условия в местах выхода (или входа) переселенцев. Однако в границах изучаемого десятилетия мы практически не встречаем обратного тренда — движения из города в село в связи с улучшением там жизненных условий (притом что во второй половине 1950-х гг. под влиянием успехов первой волны хрущевских реформ такой процесс имел место). Объясняется эта ситуация именно всеобщностью тенденции урбанизации, когда под влиянием растущей «урбанизации сознания» привлекательность города в глазах сельского жителя стала абсолютно бесспорной. Именно поэтому в нашем списке не оказалось мероприятий, в целом положительно влиявших на условия жизни в деревне, — преобразование колхозов в совхозы в начале 1960-х гг., введение гарантированной оплаты труда и пенсий для колхозников в середине десятилетия, аграрная реформа 1965 г., регулярные повышения уровня оплаты труда на селе — их стабилизирующее влияние на людские ресурсы села было невелико.

Это означает, что власть была не в состоянии отменить миграцию в города. Но в ее силах было сделать процесс более сбалансированным и умеренно интенсивным, избежать большинства разрушительных последствий обезлюдения села.

В предыдущем параграфе нами были выявлены основные направления деформации половой структуры населения пограничья в послевоенный период. Как увидим далее, в 1960-е гг. эти процессы получили свое дальнейшее развитие. По-прежнему определяющей характеристикой населения всех регионов было состояние в первую очередь сельских демографических ресурсов. И если прежде речь шла по большей части о характере миграции, то теперь есть смысл обратиться к ее промежуточным результатам, имея в виду, что в миграционном оттоке в города продолжали доминировать женщины.

По состоянию на 1959 г. есть смысл говорить о сходстве демографических моделей трех белорусских областей и Брянской области России, где изменения в половой и возрастной структурах сельского населения происходили еще достаточно сбалансированно, тогда как в Псковской и Смоленской областях эти структуры подвергались более активной деформации.

Отмеченные различия между регионами хорошо видны на помещенных ниже графиках (рис. 6.4)¹.

¹ Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 86—89; БССР. М., 1963. С. 24—25; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2. М., 1972. С. 94, 129, 135, 190, 191, 195.

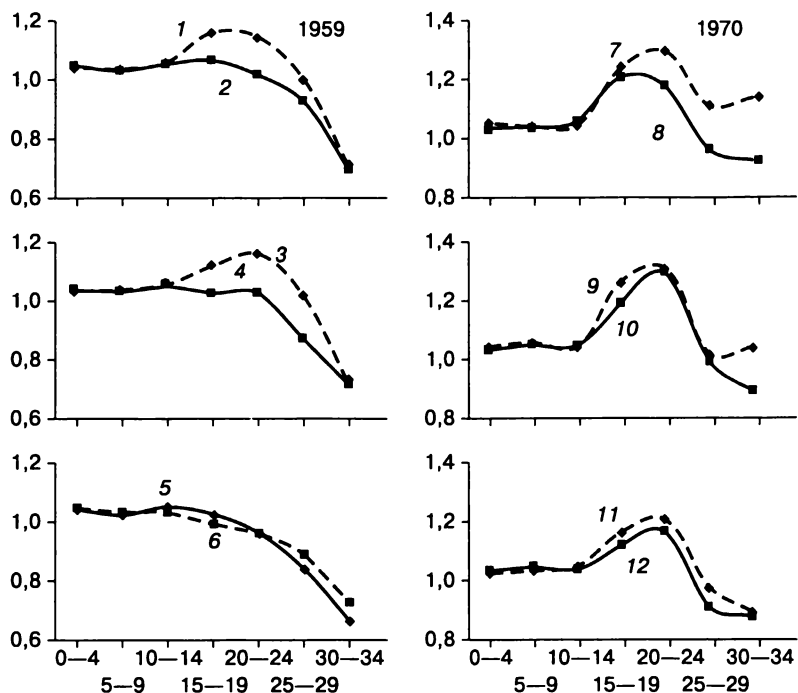

Рис. 6.4. Возрастная зависимость показателя соотношения полов в структуре сельского населения Псковской (1, 7), Смоленской (3, 9), Брянской (5, 11) областей России и Витебской (2, 8), Могилевской (4, 10) и Гомельской (6, 12) областей Белоруссии по данным переписей 1959 (1—6) и 1970 (7—12) гг.

Для анализа взят возрастной диапазон до 34 лет. Метки данных, находящиеся выше значения 1,0, означают преобладание в сельской возрастной структуре мужчин, ниже — большее количество женщин. Для 1959 года хорошо видно, что в группах 25—29 лет и старше женщины во всех областях доминируют, что объясняется последствиями войны. В то же время для сельской местности Псковской и Смоленской областей четко фиксируется избыток мужчин, что однозначно можно интерпретировать как результат преобладающей женской миграции в города (см. рис. 6.4, максимум на кривых 1, 3) (сравните с данными диаграмм на рис. 6.2—6.3). Избыток наблюдается в возрастном диапазоне 15—24 года и свидетельствует о том, что к моменту проведения переписи 1959 г. режим разноскоростной миграции полов в этих регионах России продолжался около десяти лет.

Половой состав сельского населения Брянской области в 1959 г. в этом диапазоне возрастов выглядит сбалансированным (см. рис. 6.4,

кривая 5) и по существу не отличается от соответствующих показателей по белорусским областям (см. на рис. 6.4 кривые 2, 4, 6).

Графики, относящиеся к 1970 г., фиксируют факт деформации половой структуры уже во всех исследуемых регионах. Ее масштабы по-прежнему самые большие для возрастной группы 15—24 лет (возраст наиболее активной миграции), при этом в российских областях изменения ощущались сильнее, чем в белорусских, а среди российских наиболее значительными они оставались в Псковской и Смоленской областях. Для этих регионов численные значения показателя соотношения полов доходили до 1,3, т.е. мужчин оказывалось на 30% больше, чем женщин. Можно констатировать, что именно в этот период уже очень рельефно проявились симптомы болезни, которая позже в советской прессе получила название «деревня без невест»¹.

Характерно, что отмеченная деформация для отдельно взятой области, как правило, уравнивалась более активной миграцией мужчин из местных городов за пределы областей пограничья. Все исследуемые территории выступали в качестве доноров по отношению не только к мегаполисам, но и к районам нового освоения, а во внешних миграционных потоках мужчины традиционно более активны.

Сделанные наблюдения позволяют расставить приоритеты в иерархии причин выбытия и соответственно определить степень влияния мероприятий аграрной политики на деформацию сельской возрастной структуры в областях российско-белорусского пограничья.

Обнаруженный к 1959 г. перевес мужчин в структуре сельского населения двух областей из шести и относительно сбалансированная структура населения в активном населении остальных четырех регионов позволяют предположить, что на состоянии трудовых ресурсов в то время уже достаточно слабо сказывались последствия оргнаборов рабочей силы из села (оргнаборы касались преимущественно мужского населения). Это не противоречит нашим прежним выводам о положении дел в системе организованного привлечения рабочей силы². Примерно то же можно сказать и о последствиях реформы МТС. Переезд мужчин — работников МТС в город после передачи техники колхозам оказался не настолько масштабным, чтобы серьезно повлиять на баланс полов в сельском населении пограничья. Другое дело, что в Нечерноземье (к которому относятся исследуемые российские и бе-

¹ Советская Россия. 1987. 2 сент.

² См. Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 годы) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 133—144; Он же. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138—149.

лорусские области) эффект от передачи техники МТС в колхозы оказался скорее негативным, поскольку у небогатых хозяйств не хватало средств ни на выкуп этой техники, ни на поддержание ее в рабочем состоянии. В этих условиях сфера применения ручного, преимущественно женского труда на селе сужалась недопустимо медленно, что не могло не подталкивать женщин к переезду в город.

Тенденция более активной женской миграции, впервые обозначившаяся в Псковской и Смоленской областях, в следующем десятилетии стала обычной для большинства территорий Европейской части СССР.

В том же контексте должны восприниматься негативные последствия сселения «неперспективных» деревень: женское население деревни при разрушении сложившихся хозяйственных структур оказывалось наиболее уязвимым и в условиях растущего «городского предложения» проявляло высокую социальную мобильность. Это предположение подтверждается данными переписи 1970 г., продемонстрировавшей усиление полового дисбаланса в сельском населении пограничья.

Однажды сформировавшись, тенденция более активной женской миграции в сравнении с мужской действовала в течение всего периода 1960—1980-х гг. В 1984 году по стране в целом 62% сельских девушек после школы собирались сменить место жительства и только 20% из них выбрали сельскохозяйственные профессии. Для сравнения: у юношей этот показатель составлял 48%¹.

6.3. Динамика деформирования половозрастной структуры после 1970 г.

В пределах жизни реальных поколений сельских жителей половая структура населения деформировалась с разной интенсивностью. Для оценки уровня такого деформирования в границах исследуемого периода мы использовали данные соотношения полов при вхождении поколения в возрастной диапазон 25—34 года. К этому возрасту миграционная активность значительно снижается, а различия в уровнях смертности мужчин и женщин еще достаточно малы, чтобы оказать существенное влияние на значение показателя соотношения полов. Так, при абсолютном отсутствии миграции разность показателей, рассчитанных для возрастных групп 25—29 лет и 30—34 года, вызываемая действием только фактора смертности, не превышает 0,02, что находится в пределах уровня статистической погрешности.

¹ Вестник статистики. 1984. № 9. С. 65.

На рисунке 6.5 приведена динамика показателя соотношения полов, достигаемого в реальных поколениях сельских жителей пограничных регионов Беларуси и России к моменту завершения активного миграционного возраста (при представлении данных в качестве временной характеристики используется усредненная дата рождения поколений).

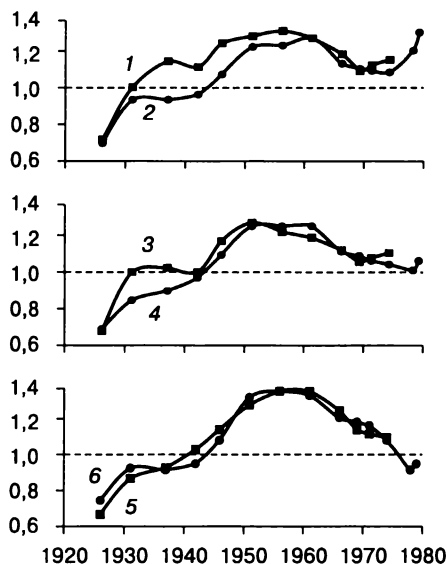

Рис. 6.5. Динамика значений показателя соотношения полов от даты рождения поколений сельских жителей, имеющих возраст 25—34 года и проживающих в Псковской (1), Витебской (2), Смоленской (3), Могилевской (4), Брянской (5) и Гомельской (6) областях

Наименьшее количество мужчин (диапазон значений от 0,66 до 0,73) отмечается в поколениях сельчан, родившихся в период с 1924 по 1928 г. Уже говорилось, что это самое младшее из поколений, принимавших активное участие в боевых действиях в период Великой Отечественной войны, и такое соотношение объясняется военными потерями. При переходе к поколению родившихся в 1929—1933 гг. долевая численность мужчин увеличивается, но в белорусских регионах, а также в Брянской области России она еще не достигает уровня безмиграционного сообщества, близкого к единице (см. рис. 6.5, кривые 2, 4—6). Для этого поколения, таким образом, реализуется миграционная модель с преобладанием мужчин, характерная для первых послевоенных лет.

Напротив, в Псковской и Смоленской областях начиная с этого поколения наблюдается преобладание женщин в миграционном оттоке в города (см. рис. 6.5, кривые 1, 3). Это первый случай проявления в регионах российско-белорусского пограничья преобладания женщин в миграционном оттоке из села. Из рисунка 6.5 видно, что остальные области подключились к этому процессу позже (кривые 2, 4—6).

Зависимость показателя соотношения полов от даты рождения поколений определяется максимальным значением, составляющим 1,27—1,31. Это означает, что степень деформирования половой структуры достаточно высока — к окончанию активной фазы миграционного процесса в сельском населении на пять мужчин приходится менее четырех женщин. Наибольший перевес женщин отмечается в поколениях, родившихся в 1950-е — начале 1960-х гг. Из этого следует, что максимальное деформирование половой структуры сельского населения происходило во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг.

На основании того же графика у нас есть возможность оценить степень деформирования половой структуры сельского населения на современном этапе. После прохождения максимума показатель соотношения полов в регионах постепенно снижался, что означало сокращение доли женщин в миграционном потоке из села. Так, в белорусских регионах пограничья наименьший уровень показателя составил: в Витебской области — 1,07 (поколение, рожденное в 1973 г.), в Могилевской — 1,03 (1978 г. р.), в Гомельской — 0,88 (тоже 1978 г. р.). Последнее означает, что в Гомельской области к окончанию миграционного возраста на смену избытку мужчин в сельской местности пришел их недостаток. Такая реверсия в характере деформирования половой структуры требует отдельного изучения.

Смягчение полового дисбаланса во многом связано с кризисными процессами, происходившими в 1990-е гг. на территории республик бывшего СССР. В то время в городах остановили свою работу многие промышленные предприятия, а часть учебных заведений была закрыта. Это не только повлияло на интенсивность внутренней миграции, но и сказалось на качественном составе мигрантов. Переезд в город в таких условиях, особенно для женщин, становился довольно рискованным делом.

В настоящее время в сельской местности снова отмечается постепенное увеличение доли мужчин. Эта тенденция особо отчетливо проявляется в северных регионах пограничья — Псковской и Витебской областях (см. рис. 6.5, конечный участок кривых 1, 2). Тот же тренд отмечен в Смоленской, Могилевской и Гомельской областях (см. рис. 6.5, участок кривых 3, 4 и 6 после точки минимума).

Чтобы понять, насколько эта тенденция устойчива, следует обратиться к данным по деформированию структуры поколений, находящихся на сегодняшний день в активном миграционном возрасте. Дело в том, что самые поздние данные по половой структуре сельского населения белорусских регионов, представленные на рис. 6.5, относятся к началу 2007 г. Именно в этот год поколение, родившееся в 1977—1981 гг. (усредненная дата рождения 1979 г.), имело возраст 25—29 лет. Однако уже сейчас имеют место изменения в соотношении полов поколений сельчан, переступивших начало активного миграционного возраста, т.е. находящихся в возрастных диапазонах 15—19 лет и 20—24 года. О предельной степени деформирования половой структуры этих поколений можно будет узнать соответственно через десять и пять лет, т.е. тогда, когда для них закончится период активной миграции. Тем не менее у нас есть возможность оценить характер изменения динамики соотношения полов в этих более молодых поколениях. В качестве примера на рис. 6.6 представлены соответствующие данные для сельских жителей Витебской, Могилевской и Гомельской областей.

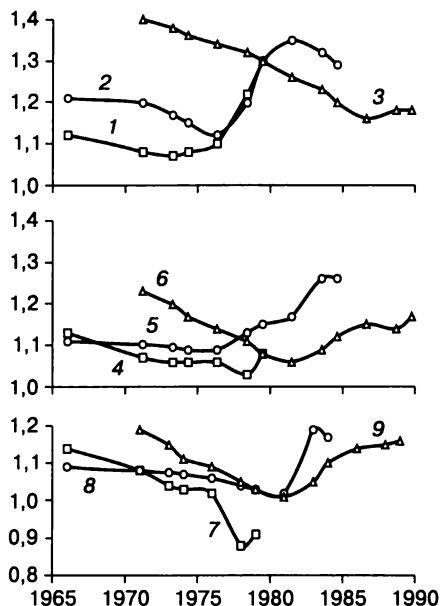

Рис. 6.6. Зависимость показателя соотношения полов от года рождения сельских жителей, проживающих в Витебской (1—3), Могилевской (4—6) и Гомельской (7—9) областях Беларуси и имеющих возраст 25—29 (1, 4, 7), 20—24 (2, 5, 8) и 15—19 (3, 6, 9) лет

Как видим, в динамике показателя деформирования структуры возрастные группы 15—19 лет и 20—24 года прошли точку минимума, и на современном этапе показатель соотношения полов в этих группах значительно больше единицы, что говорит о преобладании женщин в составе поколения. Таким образом, рост предельных значений показателя, наблюдаемый на рис. 6.5 (конечный участок кривых 2, 4, 6), неслучаен (на рис. 6.6 эти участки повторены — кривые 1, 4, 7). Причины преобладания женщин в сегодняшних миграционных перемещениях, приводящие к новой деформации половой структуры сельского населения, еще предстоит выяснить.

6.4. Исследование количественных и структурных изменений в составе контингента населения, подвергнутого деформированию половозрастной структуры

6.4.1. Общие замечания

Управление человеческими ресурсами требует в первую очередь знания динамики движения населения, находящегося в трудоспособном возрасте (далее — население, или контингент ТВ, примыкающие к нему другие контингенты, соответственно, будут обозначаться как контингенты младше ТВ и старше ТВ). Колебания численности контингента ТВ зависят от целого ряда факторов. Среди них — наличие демографических волн в возрастной структуре жителей, изменяющаяся во времени интенсивность смертности и миграционной активности населения и др.

Возрастная структура населения Беларуси и России, а также населения образующих их регионов представляет собой постоянное переменение малолюдных и многолюдных поколений (демографических волн). Основной причиной появления демографических волн явилась массовая гибель населения в годы Великой Отечественной войны, последствия которой периодически приводят к снижению уровня рождаемости в последующих поколениях. Расположение демографических волн сказывается на формировании контингента ТВ.

В соответствии с волнами рождаемости наибольший удельный вес контингента ТВ фиксировался в середине 1950-х гг., на рубеже 1970—1980-х гг. и в 2007—2008 гг. (рис. 6.7). Это были периоды так называе-

мого демографического дивиденда, когда нагрузка на трудоспособных со стороны нетрудоспособных контингентов была минимальной. Характерно, что по мере временного удаления от войны и замещения военных поколений более молодыми удельный вес контингента ТВ постепенно повышался, превысив в 2007—2008 гг. на большинстве территорий пограничья показатель 60%. Примечательно и то, что рост доли контингента ТВ от волны к волне гораздо менее выражен на российском уровне (там доля контингента ТВ на пиках колеблется в узком диапазоне 57—62%) по сравнению с белорусским и с отдельными областями пограничья (диапазон 55—62%), что заставляет говорить об особом влиянии на этот показатель больших военных потерь.

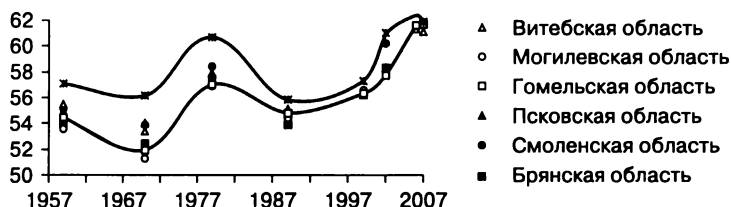

Рис. 6.7. Динамика усредненной доли контингента ТВ в общих составах населения регионов Беларуси (нижняя линия) и России (верхняя линия), %. На график вынесены также значения показателя по областям Беларуси и России

В промежутках между названными датами располагаются различной глубины демографические «ямы», когда нагрузка на трудоспособных со стороны детей и пенсионеров (т.е. контингента ниже и выше ТВ) возрастает. В настоящее время оба государства находятся на пороге нового падения долевого численности контингента ТВ. Нижняя граница трудоспособного возраста установилась на спаде демографической волны, т.е. в будущем пополнение рынка труда со стороны подрастающих поколений будет только сокращаться. Верхняя же граница трудоспособного возраста, напротив, расположилась на восходящем участке волны. На пенсию выходит многочисленное послевоенное поколение. А поскольку численность родившихся увеличивалась с 1946 по 1965 гг., то в течение примерно 20 лет границу трудоспособного возраста будет пересекать все возрастающий во времени поток пенсионеров.

Не будем забывать, что эти неблагоприятные изменения происходят в условиях постоянно снижающегося естественного прироста населения. С одной стороны, это означает сокращение давления на контингент ТВ со стороны поколений моложе ТВ, но с другой — по мере вступления малочисленных поколений, появившихся на свет в последние десятилетия, в трудоспособный возраст давление на контингент ТВ со стороны пенсионеров будет только нарастать.

Одним из важных факторов, вызывающих сокращение контингента ТВ, является увеличение смертности населения, находящегося в трудоспособном возрасте. Возрастная интенсивность смертности в послевоенные годы существенно изменилась. В этот период снизились возрастные коэффициенты смертности в младших (мужчины и женщины) и средних (только женщины) возрастах. Такое положение является естественным следствием тех изменений, которые произошли в обществе. За прошедшее время существенно улучшилось медицинское обслуживание молодых матерей в предродовый и родовый периоды, повысилось материальное благосостояние семей. Однако положительные изменения в снижении смертности в основном исчерпываются первой половиной 1960-х гг. Практика показала, что снижение смертности в ранних возрастах — дело более легкое, чем борьба со смертностью (особенно мужской) в трудоспособном возрасте. Расчеты показывают, что если бы, например, в 2005 г. мужчины трудоспособного возраста умирали в соответствии с повозрастными коэффициентами 1959 г., то число умерших в Беларуси уменьшилось бы с 28,7 до 15,5 тыс. человек, т.е. почти в 2 раза.

Наиболее серьезными проблемами, препятствующими сегодня снижению смертности, являются отсутствие значимых реформ в здравоохранении, сохранение остаточного принципа в его финансировании, неудовлетворительное социальное отношение к здоровью и смертности, неразвитость форм самосохранительного поведения, плохая экологическая ситуация и т.п.

Глубокое влияние на изменение численности территориальных (город, село) контингента ТВ оказывает миграция, особенно внутренняя, с ее преимущественным направлением «село — город». И хотя объемы такой формы миграции в последнее время существенно снизились, она продолжает оказывать дестабилизирующее влияние на сельскую демографическую структуру. Наиболее интенсивно изменяется структура населения в активном миграционном возрасте (15—25 лет). Как известно, именно в этом интервале переезды осуществляются наиболее часто. С течением времени этот участок деформированной структуры передвигается по шкале возрастов вправо, а воздействию подвергается очередной участок структуры населения, который входит в активный миграционный возраст. Таким образом, происходит последовательное деформирование демографической структуры не только села, но и города, куда в большинстве своем направляются сельские мигранты.

Как было сказано выше, свое влияние на характер деформирования возрастной структуры в территориальных группах населения оказывает разноскоростной режим миграции полов. Мы видели, что

миграция сельского населения в российско-белорусском пограничье начиная с 1950-х гг. была неравномерной по половому составу. В общем миграционном потоке из села для каждого реального поколения численность женщин превышала численность мужчин. В результате такой миграции деформировалась не только возрастная, но и половая структура городского и сельского населения. В составе городского населения образовывался дефицит мужчин, а в составе жителей села — их избыток.

6.4.2. Динамика численности контингента населения в трудоспособном возрасте

С учетом влияния упомянутых выше факторов на численность контингента ТВ рассмотрим более подробно динамику этого показателя в регионах пограничья.

Снова обратимся к рис. 6.7, на котором приведена динамика усредненной долевого численности контингента ТВ в общих составах населения приграничных регионов. Мы видели, что сокращение численности контингента ТВ перемежается периодами его нарастания. На первом временном участке (период между переписями 1959 и 1970 гг.) происходит уменьшение доли контингента ТВ, так как в это время он пополнялся малолюдными поколениями, родившимися в первой половине 1940-х гг., а за счет высокой рождаемости в послевоенный период интенсивно нарастала долевая численность контингента младше ТВ. После переписи 1970 г. ситуация становится обратной — доля контингента ТВ в общем составе населения начала увеличиваться, так как многолюдные поколения, родившиеся после войны, уже входили в трудоспособный возраст. Далее, после 1979 г. вновь наступил некоторый спад долевого численности контингента ТВ. В это время вновь снизился приток молодых поколений из-за спада уровня рождаемости во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. С 1990-х годов снова началось нарастание доли контингента ТВ. Этот период явился относительно длительным в силу одновременного действия целого ряда факторов: вхождения в трудоспособный возраст относительно многочисленных поколений, рожденных в конце 1970-х — начале 1980-х гг.; снижения доли контингента младше ТВ из-за низкого уровня рождаемости на современном этапе и, наконец, уменьшения долевого численности контингента старше ТВ из-за выросшей в первой половине 1990-х гг. смертности.

Представленные на рис. 6.8 данные не выявляют особых различий между российскими и белорусскими регионами пограничья. Долевая

численность контингента ТВ в регионах является примерно одинаковой. Расхождения между белорусскими и российскими областями становятся более наглядными при анализе динамики численности контингента ТВ по отношению к 1959 г. (см. рис. 6.8). Оказалось, что в белорусских областях пограничья численность контингента ТВ по сравнению с 1959 г. в целом выросла (например, в Гомельской области к 2006 г. на 23%). В то же время в российских областях она либо осталась на прежнем уровне (Смоленская область), либо снизилась (Псковская и Брянская области). Очевидно, что российские регионы в большей мере затронула внешняя миграция населения, которая и привела к сокращению численности населения в трудоспособном возрасте.

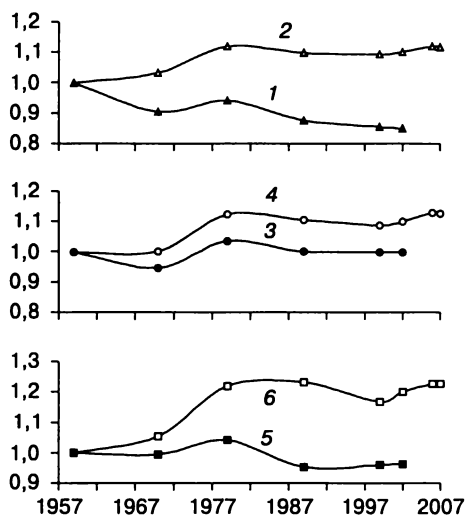

Рис. 6.8. Динамика относительной численности (к 1959 г.) контингента ТВ в общем составе населения Псковской (1), Витебской (2), Смоленской (3), Могилевской (4), Брянской (5) и Гомельской (6) областей

Особенно интенсивным был спад численности контингента ТВ в составе сельского населения российских областей (рис. 6.9, кривые 1, 3, 5). В городском населении численность контингента ТВ росла, но при этом в белорусских областях этот рост был более интенсивным (кривые 7—12). Из этого можно уверенно сделать вывод, что миграция в белорусских областях в большей мере носила внутренний характер, в то время как в российских областях преобладала межрегиональная миграция.

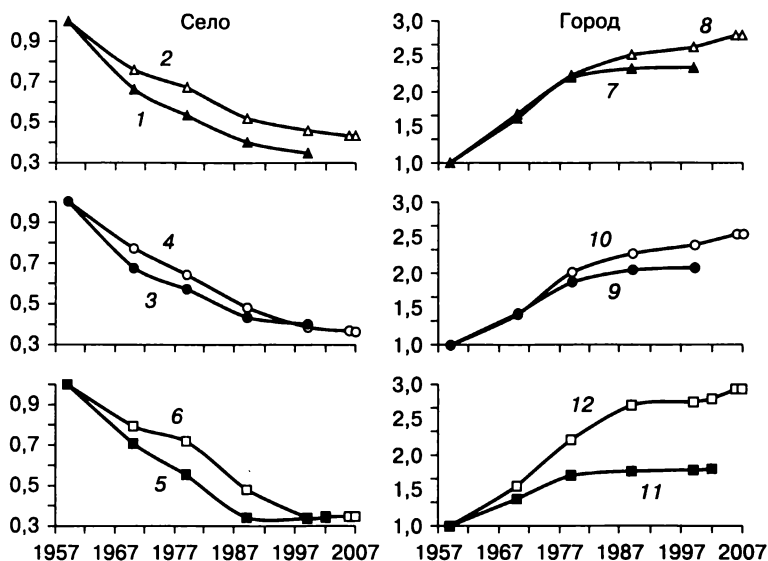

Рис. 6.9. Динамика относительной численности (к 1959 г.) контингента ТВ в составе сельского (1—6) и городского (7—12) населения Псковской (1, 7), Витебской (2, 8), Смоленской (3, 9), Могилевской (4, 10), Брянской (5, 11) и Гомельской (6, 12) областей

Существенную информацию об изменении численности рассматриваемого контингента населения (ТВ, младше и старше ТВ) дает важный социально-экономический параметр — коэффициент демографической нагрузки (число лиц нетрудоспособного возраста, приходящихся на 1000 человек в трудоспособном возрасте). Коэффициент демографической нагрузки имеет две составляющие — нагрузку на трудоспособное население со стороны младших поколений (младше ТВ) и со стороны пенсионеров (старше ТВ). На рисунках 6.10—6.11 проиллюстрирована динамика демографической нагрузки на контингент ТВ соответственно в составе сельского и городского населения в регионах пограничья. Как видим, во всех трех регионах Беларуси нагрузка со стороны представителей младших возрастов выше, чем в соответствующих регионах России. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о более высоком уровне воспроизводства населения как в городе, так и в селе белорусских регионов. Напротив, демографическая нагрузка со стороны контингента старше ТВ в российских регионах, как правило, оказывается более высокой (кривые 7—12).

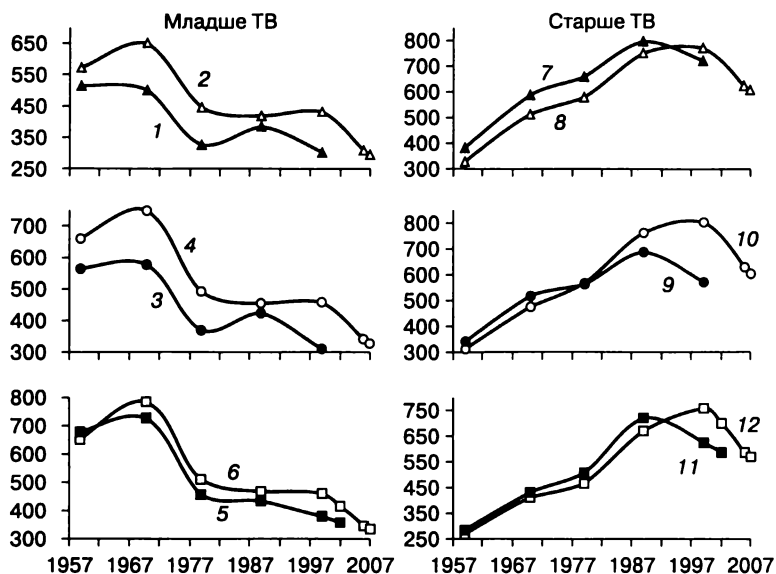

Рис. 6.10. Динамика демографической нагрузки (%) со стороны контингента младше ТВ (1—6) и старше ТВ (7—12) на сельское население ТВ Псковской (1, 7), Витебской (2, 8), Смоленской (3, 9), Могилевской (4, 10), Брянской (5, 11) и Гомельской (6, 12) областей

Динамика демографической нагрузки со стороны контингента младше и старше ТВ имеет противоположный характер. На рисунках 6.12—6.13 приведено изменение во времени доли демографической нагрузки, оказываемой младшими и старшими поколениями на трудоспособное сельское и городское население (суммарный уровень демографической нагрузки принят за 100%). Как видим, нагрузка со стороны контингента младше ТВ с течением времени уменьшается (кривые 1—6), при этом долевой уровень этой нагрузки в белорусских территориальных группах населения превышает соответствующий уровень нагрузки в российских регионах. Естественно, что российский контингент ТВ испытывает более высокую демографическую нагрузку со стороны населения пенсионного возраста (кривые 7—12). Полученные данные убедительно свидетельствуют о негативном сценарии развития процесса воспроизводства населения в российско-белорусском пограничье. Уже сейчас более 50% демографической нагрузки на трудоспособное население оказывает население пенсионного возраста, причем российские регионы вышли на этот рубеж раньше белорусских. Отметим, что сельское население перешло через 50%-ный рубеж примерно на 15—20 лет раньше, чем городское.

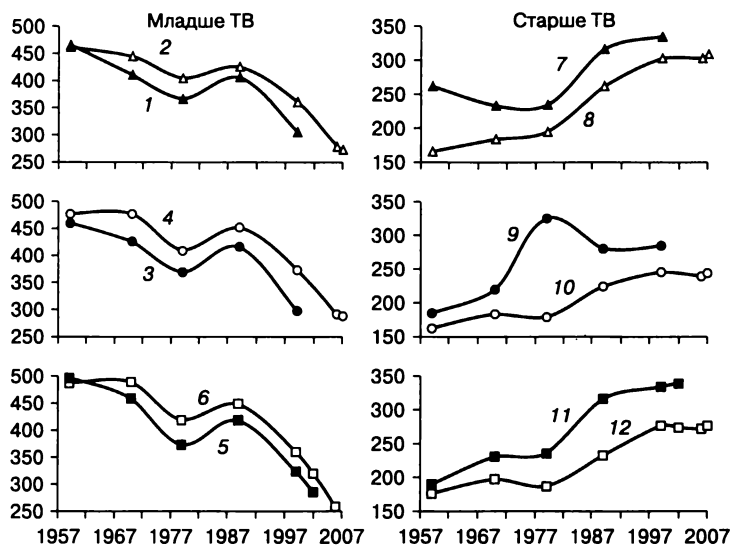

Рис. 6.11. Динамика демографической нагрузки (‰) со стороны контингента младше ТВ (1–6) и старше ТВ (7–12) на городское население ТВ Псковской (1, 7), Витебской (2, 8), Смоленской (3, 9), Могилевской (4, 10), Брянской (5, 11) и Гомельской (6, 12) областей

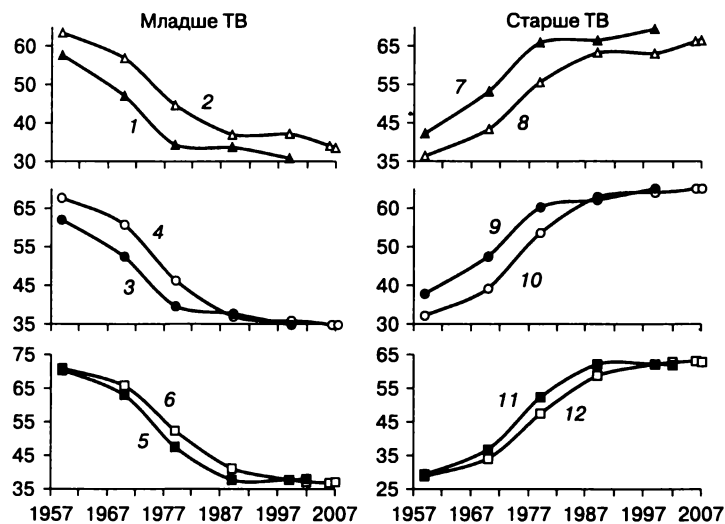

Рис. 6.12. Динамика доли (%) демографической нагрузки, оказываемой контингентом младше ТВ (1–6) и контингентом старше ТВ (7–12) на сельское население ТВ Псковской (1, 7), Витебской (2, 8), Смоленской (3, 9), Могилевской (4, 10), Брянской (5, 11) и Гомельской (6, 12) областей

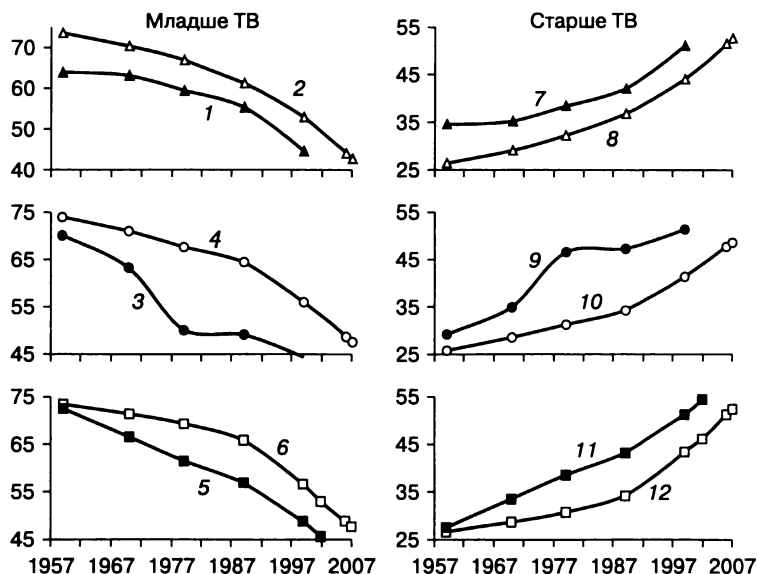

Рис. 6.13. Динамика доли (%) демографической нагрузки, оказываемой контингентом младше ТВ (1—6) и контингентом старше ТВ (7—12) на городское население ТВ Псковской (1, 7), Витебской (2, 8), Смоленской (3, 9), Могилевской (4, 10), Брянской (5, 11) и Гомельской (6, 12) областей

6.4.3. Динамика соотношения полов в составе контингента населения в трудоспособном возрасте

На рисунке 6.14 приведены данные по динамике численности мужчин и женщин (по отношению к 1959 г.) в составе контингента ТВ сельского населения приграничных областей Беларуси и России. Как видно, со временем численность представителей обоих полов снижается, при этом интенсивность падения в российском селе выше. Обращает на себя внимание тот факт, что численность женщин сокращалась быстрее, чем мужчин, т.е. процесс оттока полов из сельской местности имел разнотемпный характер. Так, в составе сельского населения Псковской области относительная численность трудоспособных женщин к 1989 г. снизилась до уровня 0,297, в то время как для мужчин соответствующий показатель составил только 0,530. В остальных регионах действовала та же тенденция. Заметим также, что к началу нового тысячелетия скорость падения численности женщин замедлилась.

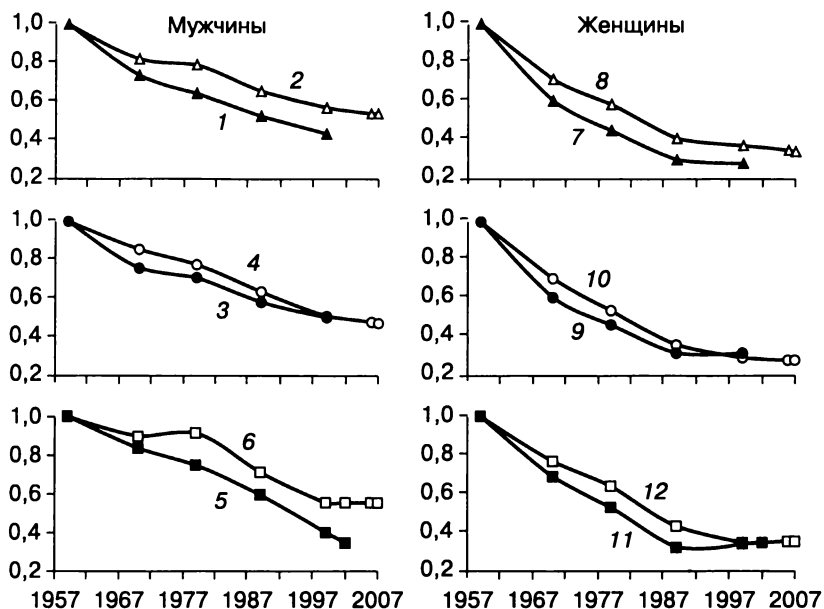

Рис. 6.14. Динамика относительной численности (относительно 1959 г.) мужчин (1—6) и женщин (7—12), образующих контингент ТВ сельского населения Псковской (1, 7), Витебской (2, 8), Смоленской (3, 9), Могилевской (4, 10), Брянской (5, 11) и Гомельской (6, 12) областей

Преобладание женщин в сельском трудоспособном населении было наибольшим на рубеже 1980—1990-х гг., в дальнейшем обозначилась тенденция к выравниванию дисбаланса (рис. 6.15, кривые 1—6). Такое положение объясняется тем, что рубеж пенсионного возраста постепенно пересекают поколения, на половом составе которых в значительной мере сказались последствия Великой Отечественной войны. В городском населении половой дисбаланс менее выражен, хотя в последнее время здесь наблюдается снижение доли мужчин — дань повышенной мужской смертности у верхних границ трудоспособного возраста (кривые 7—12).

Отчетливых различий в балансе половых структур в территориальных группах населения регионов Беларуси и России не обнаружено. Возможно, межрегиональные различия в деформации структур, возникающей из-за миграции населения, маскируются потерями мужского населения в годы войны.

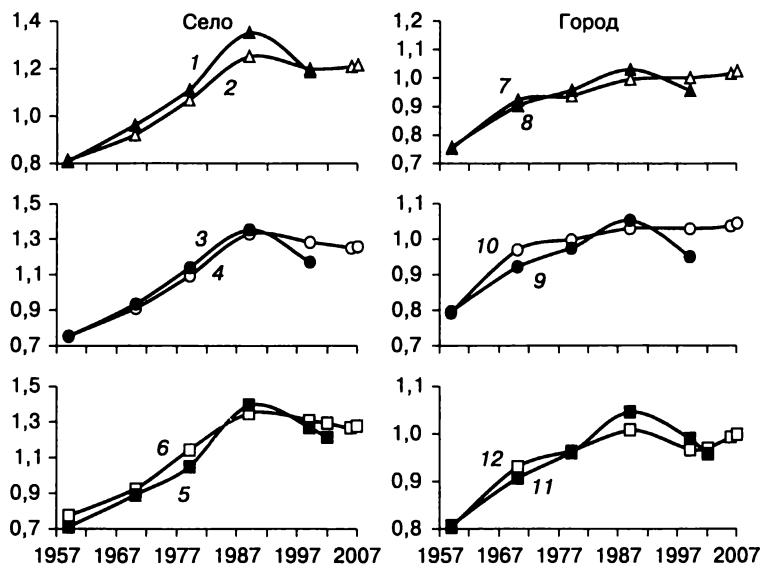

Рис. 6.15. Динамика показателя соотношения полов в составе сельского (1—6) и городского (7—12) контингента ТВ населения Псковской (1, 7), Витебской (2, 8), Смоленской (3, 9), Могилевской (4, 10), Брянской (5, 11) и Гомельской (6, 12) областей

7. БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РЕГИОНАХ ПОГРАНИЧЬЯ

В статистике протекающих в обществе брачных процессов существует два аспекта: брачное поведение и брачное состояние населения. *Брачное поведение* включает в себя формирование и разрушение брачных союзов (браков) между мужчинами и женщинами. При этом распад браков может происходить в результате их расторжения (развод) или при овдовении одного из супругов (смерть). Главным элементом брачного поведения является официальное оформление брака. *Брачная структура* представляет собой распределение населения по брачным статусам. В свою очередь под брачным статусом понимается положение индивидуума по отношению к институту брака. Это положение определяется в соответствии с обычаями или правовыми нормами той или иной страны.

При исследовании брачной структуры учитываются четыре статуса индивидов: никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, вдовые и разведенные. Основным источником сведений о брачной структуре населения являются материалы переписей и текущих обследований. В отличие от статистики брачной структуры сведения о брачном поведении получают на основе данных текущего учета, т.е. регистрации браков, разводов и смертей (для информации об овдовении). Данные такого рода характеризуют лишь те браки и разводы, которые зарегистрированы в соответствии с законами данной страны. Фактически брачное поведение и брачная структура есть оценка брачного процесса с двух позиций. Брачное поведение рассматривает этот процесс с точки зрения *динамики*: оно дает возможность понять, как идет формирование и разрушение браков во времени. Брачная структура оценивает тот же процесс с позиции *статики*, т.е. показывает распределение членов общества по брачным статусам на определенный момент времени.

С этих двух позиций рассмотрим брачное состояние населения в исследуемом регионе. Динамика брачного поведения прослеживается на белорусских материалах, брачная структура — с использованием российско-белорусской статистики.

Подготовка к вступлению в брак обычно проходит две стадии: формирование брачного круга (определение совокупности возможных партнеров для брака) и осуществление выбора в рамках установивше-

гося брачного круга. В брачном выборе наряду с многочисленными социальными, экономическими, культурными, психологическими и антропогенными критериями наиболее важным является возраст партнера. Наиболее благоприятной для брака является ситуация, когда мужчина чуть старше женщины. Реальный уровень брачности в значительной мере зависит от ситуации на брачном рынке. Она в свою очередь определяется половозрастной структурой населения. Диспропорция полов, приводящая к неблагоприятной ситуации на брачном рынке, может возникнуть из-за военных потерь, резкого изменения уровня рождаемости или половой несбалансированности массовых миграций.

Нами разработана программа и выполнены расчеты потенциала брачности населения, проживающего в городской и сельской местностях Беларуси. Потенциал брачности демонстрирует, какая часть населения данного пола и возраста, не состоящая в браке, может вступить в брак при соответствующей брачно-возрастной структуре мужского и женского населения и сложившемся соотношении возраста женихов и невест.

Заметим, что этот показатель характеризует только возможность вступления в брак, но совсем не обязательно, чтобы эта возможность была реализована. На рисунках 7.1 и 7.2 представлены возрастные зависимости потенциала брачности для мужчин и женщин, проживающих в городской и сельской местностях Беларуси (по данным переписи 1999 г.).

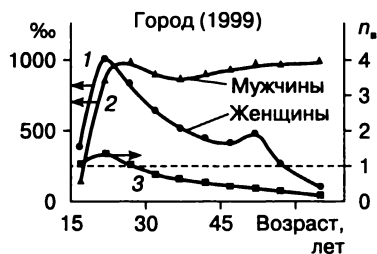

Рис. 7.1. Возрастные зависимости показателя потенциала брачности (%) (1, 2) и соотношения полов ($n_{\text{ж}}$) среди находящихся вне брака (3) для населения, проживающего в городской местности Беларуси

Рис. 7.2. Возрастные зависимости показателя потенциала брачности (%) (1, 2) и соотношения полов ($n_{\text{ж}}$) среди находящихся вне брака (3) для населения, проживающего в сельской местности Беларуси

Как видим, соответствующие зависимости для мужчин и женщин в селе и городе очень похожи, различаются лишь абсолютные значения показателей. Почти совпадают и возрастные зависимости показателя

брачности для обоих полов (соответственно кривые 1 и 2 на обоих рисунках). Значение потенциала брачности для мужчин оказывается наиболее высоким в возрасте 25—29 лет, для женщин — 20—24 года. Характерно, что приходящийся на эти годы максимум позже сменяется четко выраженным минимумом.

Минимальным потенциал брачности у мужчин оказывается в возрасте 35—39 лет, у женщин — примерно на десять лет позже. После этого возраста у женщин фиксируется непродолжительное увеличение показателя, и к возрасту 55 лет отмечается интенсивный спад (кривые 1). В то же время потенциал брачности мужского населения с возрастом растёт (кривые 2).

Ввиду ориентации женщин на брак с мужчинами более старшего возраста женский потенциал брачности в младших возрастах оказывается выше, чем в старших. Примечательно, что и у мужчин, и у женщин начало роста потенциала брачности после прохождения минимума соответствует началу среднего возраста овдовения. Шансы заключить брак у мужчин и женщин одного возраста разные. Потенциал брачности у мужчин начинает расти раньше, чем у женщин (кривые 1 и 2).

Можно сделать вывод, что основной причиной вторичного роста потенциала брачности является появление новых брачных партнеров, перешедших в результате смерти супруга (супруги) в категорию вдовых. Вторая стадия увеличения показателя у женщин является непродолжительной, так как подходящих свободных мужчин гораздо меньше, чем готовых к браку женщин. Вдовым женщинам гораздо труднее вступить в повторный брак, чем вдовым мужчинам. Чем старше возраст, тем больше различия между полами в реализации такой возможности. В связи с этим чем старше женщина, тем меньше шансов выйти замуж (конечные участки кривой 1). А у мужчин, наоборот, потенциал брачности с возрастом растёт и затем стабилизируется (конечные участки кривой 2).

В главе 6 было показано, как миграция мужчин и женщин из сельской местности районов российско-белорусского пограничья приводят к дисбалансу половой структуры. Поскольку в селе образуется избыток мужчин, а в городе ощущается их недостаток, потенциал брачного рынка ограничивается. Учитывая эту ситуацию, обратимся к особенностям формирования потенциала брачности в сельской и городской местности.

Из данных, представленных на рис. 7.1 и 7.2, следует, что потенциал брачности мужчин в селе во всех возрастах ниже, чем в городе (кривые 2). У сельских женщин, напротив, шансы выйти замуж выше. Исключение составляет только диапазон 20—24 года. В этом возрасте

возможности для вступления в брак и в селе, и в городе одинаковы для обоих полов и составляют предельно допустимую величину 1000‰.

В определенных возрастах разница потенциалов брачности для горожан и селян очень велика. Так, в возрасте от 40 до 49 лет потенциальная возможность сельских женщин вступить в брак более чем в 2 раза превышает такую возможность у женщин из города. Однако в старших возрастах потенциалы брачности полов независимо от места проживания выравниваются. Так, в возрастных группах старше 60 лет значения данного показателя у мужчин составляют 939‰ (село) и 971‰ (город). У женщин соответствующие показатели равны 128 и 114‰. Большое количество вдов, появляющихся в старших возрастах из-за высокой мужской смертности, дает практически 100%-ную возможность вступления в брак неженатым мужчинам.

Отмеченные особенности изменения потенциала брачности полов в территориальных группах являются следствием деформации половозрастной структуры, которая возникает из-за разной скорости миграции сельского населения. Избыток женщин в городе автоматически приводит к уменьшению потенциала женской брачности. На рисунках 7.1 и 7.2 представлены также возрастные зависимости показателя соотношения полов представителей городского и сельского населения, находящихся вне брака (кривые 3). Как видим, в сельской местности вплоть до 50-летнего возраста сохраняется преобладание мужского населения, причем в интервале 28—39 лет преобладание мужчин оказывается двукратным.

Одинаковым потенциал брачности для обоих полов оказывается в точке пересечения соответствующих кривых. Для города это 25 лет, а для села — 52,5 года (см. кривые 1, 2). Интересно, что именно для этих возрастов показатель соотношения числа мужчин и женщин, находящихся вне брака, примерно равен единице (кривые 3). Если этот показатель больше единицы, то потенциал брачности выше у женщин, и наоборот, при отрицательном его значении больше вероятности вступить в брак у мужчин. Таким образом, инверсия потенциала брачности у мужчин и женщин определяется исключительно внебрачным соотношением полов.

Потенциал брачности для лиц одного возраста меняется во времени. За десять лет, разделяющих переписи 1989 и 1999 гг., снизились шансы вступить в брак у сельских женщин в возрасте от 30 до 39 лет, но зато у них увеличилась вероятность образовать семьи в старших возрастах. Такое положение объясняется соответствующими изменениями половозрастной структуры — женщин от 30 до 39 лет в селе стало больше, а в возрасте от 40 лет и старше — меньше. У сельских мужчин наблюда-

ется обратная картина — на участке возрастов от 30 до 39 лет потенциал брачности увеличился, но зато понизился в старших возрастах.

Как уже отмечалось, значение потенциала брачности отражает лишь вероятность вступления в брак, а не уровень брачности. В таблице 7.1 приведены данные по реализации потенциала брачности (%) в 1989 и 1999 гг. для различных групп населения. За десять лет для всего населения Беларуси этот показатель уменьшился с 17,0 до 7,8%. Другими словами, интенсивность вступления в брак той части населения, которая имела возможность создать семью, т.е. была обеспечена подходящими по возрасту партнерами, снизилась более чем в 2 раза. Это свидетельствует о трансформации брачного поведения в сторону отказа от вступления в официально регистрируемый брак. Снижение степени реализации потенциала брачности является индикатором кризиса институтов брака и семьи. Падение показателя брачности негативным образом сказывается на динамике воспроизводства населения и социализации подрастающих поколений.

Таблица 7.1

**Степень реализации потенциала брачности в различных
группах населения Республики Беларусь, %**

Группа населения	1989 г.	1999 г.
Все население	17,0	7,8
Городское население	16,7	8,9
Сельское население	17,6	6,0

Снижение реализации потенциала брачности в городской и сельской местностях Беларуси происходит с разной скоростью. Если в 1989 г. величина этого показателя в селе была на 0,9% выше, чем в городе (17,6% против 16,7%), то уже в 1999 г. соотношение показателей изменилось на противоположное — в селе он стал ниже городского на 2,9% (6,0% против 8,9%). Такое положение объясняется стремительным ростом численности нерегистрируемых браков (сожительств) в сельской местности.

Таким образом, в результате расчетов потенциала брачности мужчин и женщин в территориальных группах населения Беларуси нами установлено существование двух возрастных диапазонов, в пределах которых происходит рост потенциала брачности. Первый диапазон приходится на активный брачный возраст, второй начинается с возраста частого овдовения лиц противоположного пола. У женщин по сравнению с мужчинами второй пик потенциала брачности является непродолжительным и реализуется в более старшем возрасте. Деформация

половозрастной структуры населения, вызываемая разнотемпной миграцией полов из села в город, приводит к большому изменению значений потенциалов брачности. Образующийся избыток мужчин в сельской местности является главной причиной высокого потенциала брачности у женщин. В городе, наоборот, из-за избытка женщин потенциал брачности у мужчин почти в любом возрасте выше.

К сожалению, демографическая статистика Беларуси и России не фиксирует брачное поведение населения отдельно для городской и сельской местности. Видимо, дело в том, что многие из вступающих в брак проживают в разных местностях, и поэтому их раздельный учет может дать недостоверную картину. Тем не менее о брачном поведении населения можно судить по состоянию брачной структуры, которая в момент проведения переписи определяется раздельно как для каждого из полов, так и для города и села. Обратимся поэтому к характеристикам брачной структуры в территориальных группах российско-белорусского пограничья.

7.1. Брачная структура населения в городской и сельской местности пограничья

За основу анализа взяты данные переписи 1989 г. — это последняя перепись, которая проводилась в республиках одновременно и по единой программе. На рисунках 7.3 и 7.4 приведены возрастные зависимости удельных показателей *разведенности* (доля лиц в промилле в данном возрасте, находящихся в состоянии развода)¹ для женщин и мужчин, проживающих в городской и сельской местности регионов пограничья. Как и раньше, данные приводятся для каждой пары смежных регионов России и Беларуси (Псковская и Витебская и т.д.).

Мужчины в сравнении с женщинами позже вступают в брак, и поэтому показатель их разведенности уверенно фиксируется лишь начиная с возраста 25 лет. На значительной части возрастной шкалы степень разведенности сельских мужчин ниже, чем у мужчин, проживающих в городской местности. Это характерно и при избытке мужчин, и при их недостатке, т.е. более низкий уровень разведенности является ярким проявлением особенностей социального поведения сельских жителей. В селе семьи в большей мере ориентированы на ведение совместного хозяйства и потому реже прибегают к разводу.

¹ Для характеристики брачной структуры мы употребляем именно этот термин, а не термин «разводимость», который чаще используется при характеристике брачного поведения в части разводов.

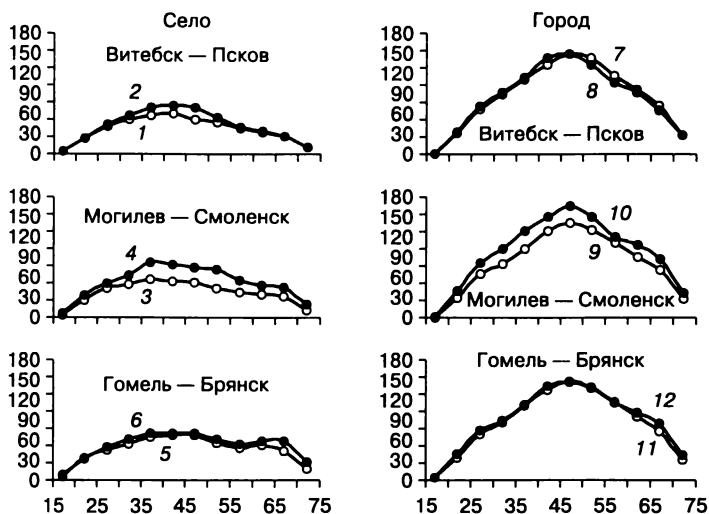

Рис. 7.3. Возрастная зависимость удельного показателя разведенности (%) женщин в общем составе сельского (1—6) и городского (7—12) населения Витебской (1, 7), Псковской (2, 8), Могилевской (3, 9), Смоленской (4, 10), Гомельской (5, 11) и Брянской (6, 12) областей (по данным переписи 1989 г.)

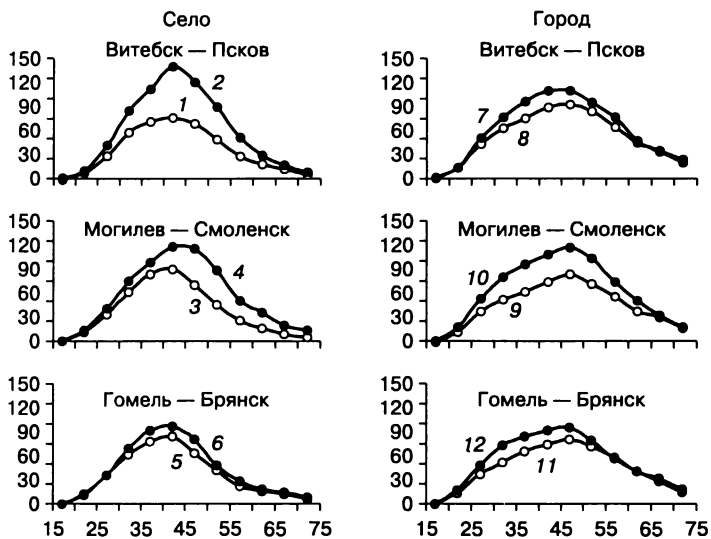

Рис. 7.4. Возрастные зависимости удельного показателя разведенности мужчин в общем составе сельского (1—6) и городского (7—12) населения Витебской (1, 7), Псковской (2, 8), Могилевской (3, 9), Смоленской (4, 10), Гомельской (5, 11) и Брянской (6, 12) областей Беларуси (1, 3, 5, 7, 9, 11) и России (2, 4, 6, 8, 10, 12) (по данным переписи 1989 г.)

В то же время образующийся при миграции дисбаланс в соотношении полов сказывается на уровне разведенности мужчин. Более широкий выбор брачных партнеров предоставляет сельским женщинам возможность выйти замуж повторно, в то время как у мужчин такая возможность ограничена, поэтому на значительной части возрастной шкалы (в средних возрастах) абсолютные значения показателя разведенности у мужчин выше, чем у женщин. Соответственно в городе наблюдается обратная картина — показатель женской разведенности выше не только в младших, но и средних возрастах.

Сопоставление данных, представленных на рис. 7.3, 7.4, показывает, что в целом в российских территориальных группах населения уровень разведенности выше, чем в белорусских. Это различие наиболее отчетливо проявляется в сельской местности, для полов — у мужчин, для регионов — в Смоленской и Могилевской областях.

Вдовство становится особо заметным в статистике после 30-летнего возраста. Возрастная динамика удельного показателя вдовства (доля лиц в промилле в данном возрасте, находящихся в состоянии вдовства) для различных групп населения приведена на рис. 7.5 и 7.6. Уровень вдовства является производным от уровня смертности населения, поэтому показатель вдовства у женщин выше, чем у мужчин. Такое положение характерно для всех возрастов. Различие в уровнях вдовства женщин и мужчин обусловлено не только более высокой интенсивностью смертности мужчин, но и реализацией их возможностей вступить в повторный брак после смерти супруга (супруги).

Возможность вступления в повторный брак у вдовцов зависит от уровня деформации половозрастной структуры населения. В сельской местности вдовцу гораздо труднее изменить свой брачный статус, чем в городе. Уровень вдовства зависит и от уровня брачности — с увеличением доли находящихся в браке более высокой будет и доля вдовых. Различие в уровнях вдовства в территориальных группах населения зачастую бывает искусственным, связанным с миграционным перемещением части вдовых людей из села в город. Многие дети, проживающие в городе, забирают из деревень своих престарелых одиноких родителей, не способных к самостоятельному проживанию. Вывезенные из деревень родители при проведении переписи уже фиксируются как горожане. Это явление отчетливо фиксируется в брачной структуре городских и сельских жителей. В средних возрастах и у мужчин, и у женщин уровень вдовства в селе выше, чем в городе. Однако в старших возрастах (выше 60 лет) распределение уровней вдовства меняется на противоположное — доля вдовых в городе становится выше. Чем старше возраст поколений, тем больше различие в значениях показателя вдовства в городской и сельской местности.

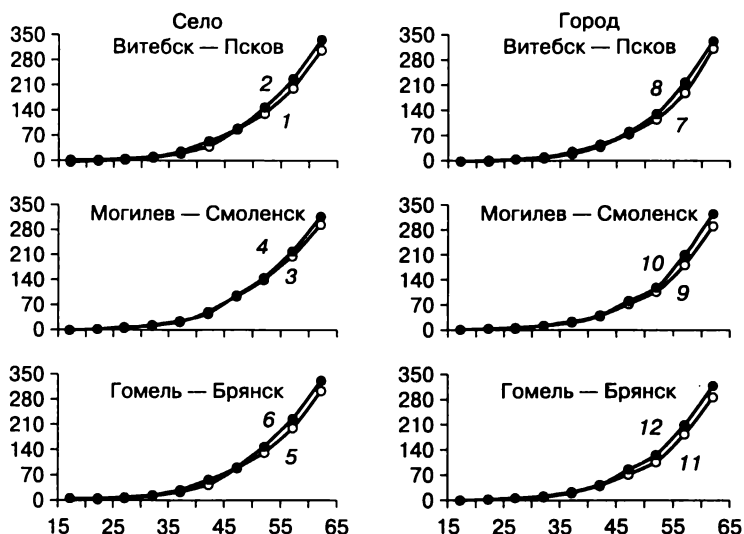

Рис. 7.5. Динамика удельного показателя вдовства (%) женщин в общем составе сельского (1–6) и городского (7–12) населения Витебской (1, 7), Псковской (2, 8), Могилевской (3, 9), Смоленской (4, 10), Гомельской (5, 11) и Брянской (6, 12) областей (по данным переписи 1989 г.)

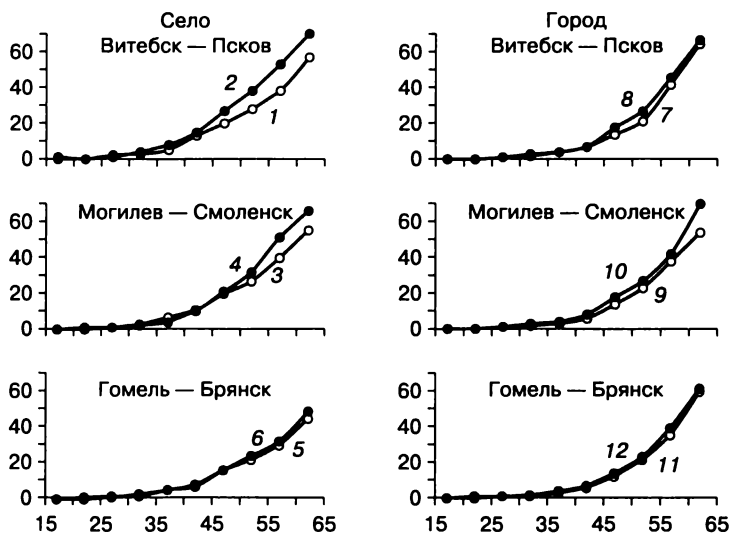

Рис. 7.6. Возрастная зависимость удельного показателя вдовства (%) мужчин в общем составе сельского (1–6) и городского (7–12) населения Витебской (1, 7), Псковской (2, 8), Могилевской (3, 9), Смоленской (4, 10), Гомельской (5, 11) и Брянской (6, 12) областей (по данным переписи 1989 г.)

Таким образом, на уровне вдовства в территориальных группах населения сказывается действие целого ряда факторов. Более высокая интенсивность смертности мужчин и женщин в сельской местности предопределяет и более высокий существующий там уровень вдовства в средних возрастах. Миграционное перемещение вдовых селян в город под опеку детей, осуществляемое в старших возрастах, приводит к обратному. В результате такого перемещения уже более высокой становится доля вдовых в городе. Деформация половозрастной структуры, вызываемая разнотемпной миграцией полов из сельской местности, также отражается на значениях показателей вдовства. Более высокая степень брачности сельских женщин автоматически предопределяет и более высокий уровень их вдовства. В то же время вдовам в селе в связи с возникновением дисбаланса полов в пользу мужчин легче изменить свой брачный статус и перейти в категорию замужних. У мужчин-селян складывается абсолютно противоположная ситуация — вступить в брак им гораздо труднее.

В территориальных группах населения российских регионов уровень смертности, а значит, и вдовства выше, чем в соответствующих группах населения Беларуси. Наиболее отчетливо это различие проявляется для мужчин, проживающих в сельской местности (см. рис. 7.6, кривые 1—6).

Состояния вдовства и разведенности могут быть объединены в понятие *прерванная брачность*. Как следует из данных рис. 7.3—7.6, во всех без исключения территориально-возрастных группах и регионах России уровень прерванной брачности выше, чем в Беларуси.

Обратимся теперь к показателям доли лиц, находящихся в браке. Удельные значения показателя брачности (доля лиц в промилле в данном возрасте, находящихся в состоянии брака) резко увеличиваются с возрастом, особенно для женской части населения. На графиках зависимостей бывает трудно определить, в какой из сопоставляемых групп населения уровень брачности выше. Проблему помогает решить *разностная характеристика брачности*, которая определяется следующим образом. Вначале выбираются две сопоставляемые группы населения, например сельское население Псковской и Витебской областей. Далее определяется разность в значениях показателей брачности в младших возрастных группах: из данных для Псковской области вычитаются данные для Витебской области. Затем к полученному значению разности приплюсовывается разность показателей для следующей возрастной группы 20—24 года и т.д. В итоге мы получали кумулятивный (интегральный) показатель разности уровней брачности в соответствующих возрастных диапазонах для смежных российских

и белорусских регионов. По смыслу данный показатель характеризует накопление разности в уровнях брачности к определенному возрасту условного поколения. Если в расчетах используются все возрастные группы, то таким образом определяется интегральная разность в уровнях брачности сопоставляемых условных поколений.

На рисунках 7.7 и 7.8 представлены возрастные зависимости кумуляты разности в показателях брачности для всех сопоставляемых групп населения. Сразу необходимо отметить, что брачная активность россиян в юном возрасте, как правило, выше, чем активность белорусов. Этот вывод следует из того, что в возрастной группе 16—19 лет показатель брачности жителей России превышает соответствующие показатели у жителей Белоруссии. Исключение, пожалуй, составляют только мужские группы в Брянской и Гомельской областях, уровни брачности которых примерно совпадают. Однако с возрастом кумулята разности показателей брачности в российских и белорусских регионах начинает постепенно уменьшаться, а затем становится и вовсе отрицательной. Такое положение объясняется преобладающим ростом прерванной брачности в российских регионах (суммарно разведенность и вдовство).

На рисунках 7.9, 7.10 представлены возрастные зависимости кумуляты разности показателей прерванной брачности для исследуемых групп населения (расчет данного показателя производился так же, как и кумуляты разности уровней брачности).

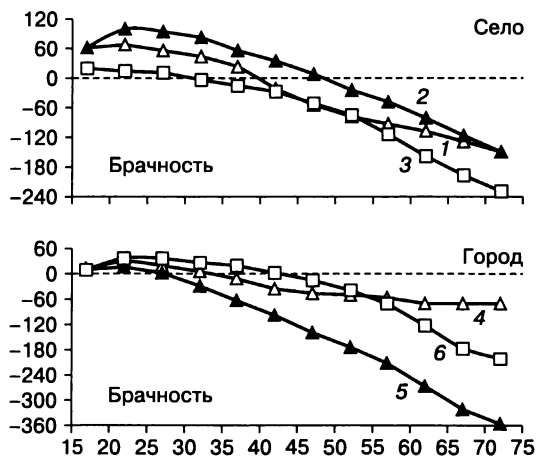

Рис. 7.7. Возрастные зависимости интегральной разности (%) в уровнях брачности в общем составе женщин, проживающих в сельской (1—3) и городской (4—6) местности пар приграничных областей: Псковская — Витебская (1, 4), Смоленская — Могилевская (2, 5) и Брянская — Гомельская (3, 6)

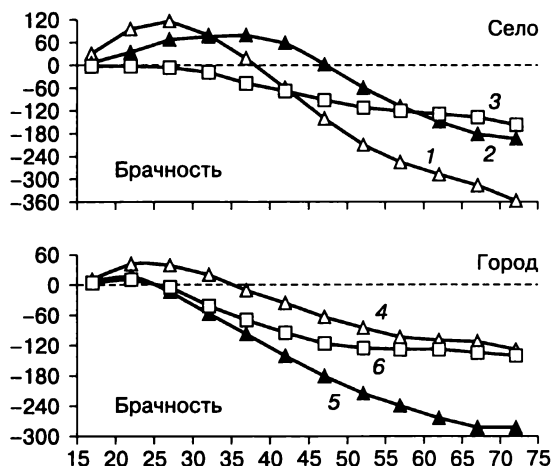

Рис. 7.8. Возрастные зависимости интегральной разности (%) в уровнях брачности в общем составе мужчин, проживающих в сельской (1–3) и городской (4–6) местности пар приграничных областей: Псковская — Витебская (1, 4), Смоленская — Могилевская (2, 5) и Брянская — Гомельская (3, 6)

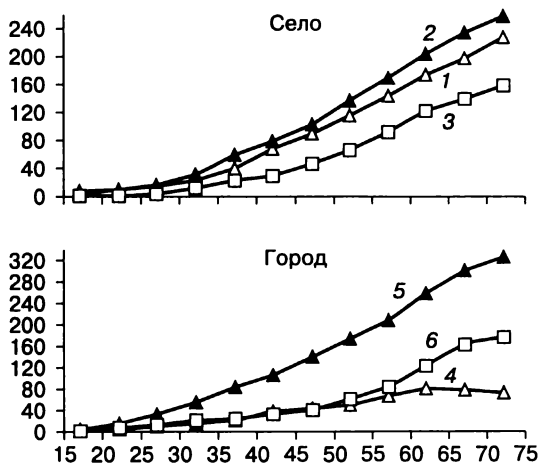

Рис. 7.9. Возрастные зависимости интегральной разности (%) в уровнях прерванной брачности в общем составе женщин, проживающих в сельской (1–3) и городской (4–6) местности пар приграничных областей: Псковская — Витебская (1, 4), Смоленская — Могилевская (2, 5) и Брянская — Гомельская (3, 6)

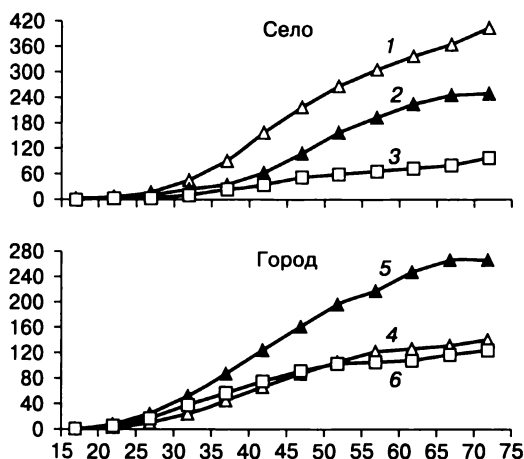

Рис. 7.10. Возрастные зависимости интегральной разности (%) в уровнях прерванной брачности в общем составе мужчин, проживающих в сельской (1—3) и городской (4—6) местности пар приграничных областей: Псковская — Витебская (1, 4), Смоленская — Могилевская (2, 5) и Брянская — Гомельская (3, 6)

Как видим, по состоянию на 1989 г. в российских регионах быстрее, чем в белорусских, происходило нарастание доли лиц, находящихся в состоянии прерванной брачности.

Таким образом, брачная активность в раннем брачном возрасте на российской территории была выше, чем на смежной территории Белоруссии. Однако быстрый рост категорий людей, находящихся в состоянии развода или вдовства, в российских областях приводил к тому, что в средних и старших возрастах уровни брачности в российских регионах уже уступали белорусским.

7.2. Женское репродуктивное поведение в территориальных группах белорусского пограничья

Важнейшей характеристикой *семейной структуры* населения пограничья является долевая численность женщин, родивших то или иное число детей. Нами был предпринят соответствующий анализ для белорусских областей пограничья. После определения размера этих долей полученные данные соотносились с различными уровнями репродуктивного поведения женщин. Выделяли три таких уровня:

- 1) *малодетное репродуктивное поведение* — доля женщин, родивших к моменту выхода из репродуктивного возраста одного-двух детей;
- 2) *среднедетное* — три-четыре ребенка;
- 3) *многодетное* — пять и более детей.

Из других репродуктивных показателей нас интересовали общий и специальный коэффициенты детности (соответственно ОКД и СКД). Эти данные характеризуют среднее число детей, приходящихся на одну женщину из всей исследуемой их совокупности (ОКД) и на одну женщину-мать (СКД). В первом случае число рожденных детей относили ко всей численности женщин, входивших в исследуемый массив, во втором — только к тем женщинам, которые родили хотя бы одного ребенка (женщина-мать). ОКД и СКД рассчитывали для двух контингентов женщин: контингент *A* — женщины, которые при проведении переписи 1999 г. имели возраст 15—49 лет, и контингент *B*, в который входили женщины, вышедшие к тому времени из репродуктивного возраста. Для контингента *B* определяемые коэффициенты детности характеризовали исчерпанную детность. Что касается контингента *A*, то здесь значения коэффициентов не были окончательными, поскольку значительная часть женщин, входивших в контингент, после переписи еще продолжали участвовать в воспроизводственном процессе.

На рисунках 7.11, 7.12 приведено распределение женщин по числу рожденных ими детей. Представленные данные относятся к женщинам, входящим в контингенты *A* и *B* и проживающим раздельно в городской и сельской местности исследуемых регионов.

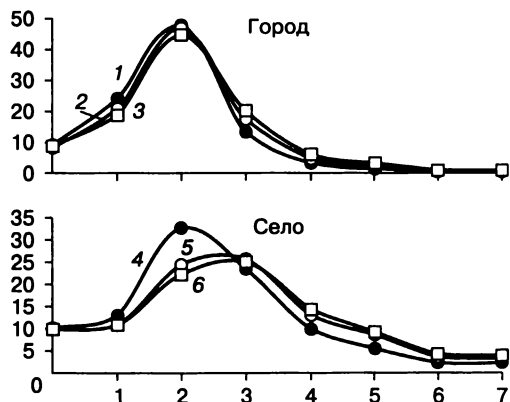

Рис. 7.11. Распределение женщин (%), образующих контингент *B*, по числу рожденных ими детей (1—3 — проживающие в городской, 4—6 — в сельской местности регионов Беларуси; 1, 4 — жители Витебской, 2, 5 — Могилевской, 3, 6 — Гомельской областей)

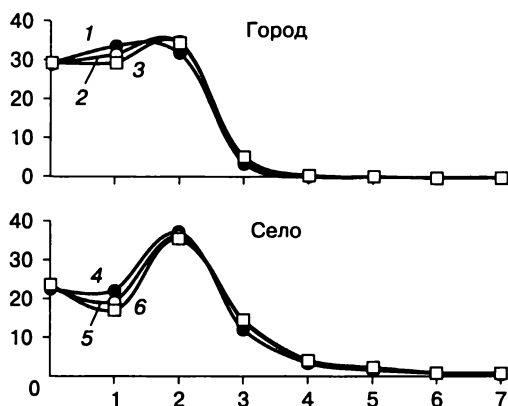

Рис. 7.12. Распределение женщин (%), образующих контингент А, по числу рожденных ими детей (1—3 — проживающие в городской, 4—6 — в сельской местности регионов Беларуси; 1, 4 — жители Витебской, 2, 5 — Могилевской, 3, 6 — Гомельской областей)

Вначале остановимся на показателях семейной структуры женщин, которые вышли из репродуктивного возраста (контингент В). К этому времени часть женщин не смогла родить детей, и для них данное состояние есть окончательная бездетность. Уровень окончательной бездетности в сельской местности выше, чем в городской. Так, доля сельских женщин, не имеющих детей, находится в пределах от 9,9% (Могилевская область) до 10,3% (Витебская область). В городской местности соответствующий диапазон составил 8,3—8,9% (наибольшее и наименьшее значения остаются за теми же регионами). Окончательная бездетность женщин, входящих в контингент В, во многом связана с последствиями Великой Отечественной войны. Из-за массовой гибели мужчин в период войны часть женщин не смогла создать семью и родить детей. В Беларуси среди сельских женщин наиболее высокое значение показателя бездетности характерно для Гродненской области (11,95%). Во многом это связано с репрессивными мерами 1940-х гг. в отношении мужчин-поляков, которые достаточно компактно проживали на этой территории.

Более высокий уровень окончательной бездетности женщин в сельской местности по сравнению с городскими поселениями связан с последствиями войны. В послевоенный период большие масштабы приобрела трудовая миграция мужчин (в организованной либо стихийной форме). В результате деревня в ходе миграций становилась более «женской», с высоким количеством вдов и незамужних женщин.

Естественно, что это проявилось в более высоком уровне бездетности сельских женщин.

Максимум распределения женщин по числу рожденных ими детей в городской местности соответствует семьям, в которых двое детей (см. рис. 7.11, кривые 1—3). Доля таких семей составляет от 44,4% (Гомельская область) до 47,8% (Витебская область). Далее с увеличением числа детей долевого показатель резко убывает и процент женщин, которые родили, например, шесть детей, уже ниже единицы. На аналогичной кривой распределения для сельской местности максимум имеет менее интенсивный характер, а доля многодетных женщин здесь значительно выше (см. рис. 7.11, кривые 4—6). Для сельского контингента *В* максимум кривой распределения в Могилевской и Гомельской областях соответствует трем детям в семье. В Витебской области положение максимума в селе не отличается от города (два ребенка в семье).

Относительное положение кривых распределения, представленных на рис. 7.11, отчетливо различается для регионов. Чем южнее расположен регион, тем более высокой является доля многодетных женщин. Это обстоятельство естественно сказывается на значениях ОКД и СКД.

На рисунке 7.13 в виде диаграмм представлены численные значения ОКД и СКД для контингентов *А* и *В* в территориальных группах населения граничащих с Россией регионов Беларуси.

Регионы на диаграмме расположены в порядке нарастания значений СКД, и этот порядок повторяет их географическое расположение в направлении с севера на юг. В результате расчета ОКД рейтинг регионов сохраняется, только при этом происходит снижение численных значений показателя детности. Такое положение понятно, так как при нахождении ОКД число рожденных детей делится не на число женщин-матерей, а на общее число женщин, часть из которых не имеет рожденных детей. Увеличение знаменателя дроби приводит к снижению рассчитываемого показателя. Уже отмечалось, что доли женщин, не имеющих рожденных детей, в регионах достаточно близки друг к другу, и поэтому переход от СКД к ОКД не изменяет рейтингового положения территориальных групп регионов.

Данные по распределению детей и значениям СКД и ОКД для женщин контингента *А* среди территориальных групп регионов белорусского пограничья приводятся на рис. 7.12, 7.13. Отметим, что контингент *А* по сравнению с контингентом *В* является более молодым и для него показатели детности не являются окончательными, так как значительная часть женщин, входящих в контингент, после переписи еще

продолжала свое участие в воспроизводственном процессе. Как видно из данных на рис. 7.13, переход к контингенту *A* не изменил рейтинга регионов по уровню детности. И в городской, и в сельской местности Гомельская область сохранила свое лидирующее положение, вслед за ней в порядке убывания значений ОКД и СКД идут Могилевская и Витебская области.

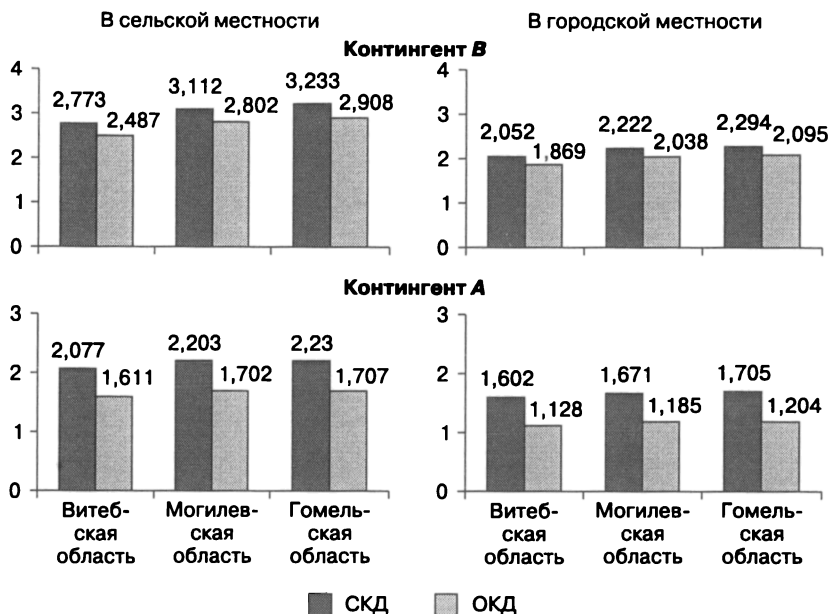

Рис. 7.13. Рейтинговая диаграмма значений СКД и ОКД для контингентов *A* и *B* в территориальных группах населения Витебской, Могилевской и Гомельской областей (на диаграммах приводятся численные значения коэффициентов — число детей на одну женщину)

С целью оценки динамики репродуктивного поведения женщин нами были определены значения СКД для женщин различного возраста. Данные переписи 1999 г. позволяют осуществить такую работу для широкого возрастного спектра. Выберем за нижнюю границу возраст женщин 40 лет. Можно считать, что эта возрастная граница в настоящее время является границей реального репродуктивного возраста. Дело в том, что в последние десятилетия на женщин в возрасте от 40 до 49 лет приходится не более 0,9% от всего числа рожденных детей (в конце 1950-х гг. этот показатель составлял 4,8%). В связи с этим без большого риска рамки репродуктивного возраста можно сузить и счи-

тать, что примерно к 40 годам показатели детности у женщин стабилизируются и практически могут рассматриваться как предельные.

На рисунке 7.14 приведена динамика СКД для женщин, проживающих в городской и сельской местности Беларуси. Значения коэффициентов представлены в виде зависимостей от даты рождения женщин, при этом приводятся данные по исчерпанной детности. Как видно, уровень детности для сельских и городских жителей со временем убывает, т.е. для женщин в республике определяющей линией поведения является установка на сокращение числа детей в семье. По отдельным регионам республики прослеживается аналогичная динамика.

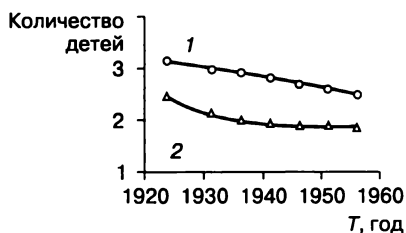

Рис. 7.14. Зависимость СКД от даты рождения женщин, проживающих в сельской (1) и городской (2) местности Беларуси

Статистические данные по распределению детей среди родивших их матерей позволяют оценить усредненный уровень репродуктивного поведения женщин, входящих в контингент В. С этой целью мы определяли долю женщин, родивших к моменту выхода из репродуктивного возраста одного-двух, трех-четырех и пять и более детей (показатели уровней мало-, средне- и многодетного поведения). На рисунке 7.15 в виде диаграмм представлены результаты таких расчетов для территориальных групп областей белорусского пограничья.

Различие регионов в уровнях детности, по сути, определяется долей женщин, реализующих многодетное поведение. Чем выше процент многодетных женщин (см. рис. 7.15), тем более высоким оказывается и значение СКД (см. рис. 7.13). В городской местности из женщин-матерей, входящих в контингент В, многодетное поведение реализовала относительно небольшая их часть (от 2,6% в Витебской до 4,7% в Гомельской области), причем понятно, что это были женщины самых старших поколений. В городских поселениях белорусских регионов пограничья от 70 до 80% женщин ориентированы на одного-двух детей в семье. В сельской местности диапазоны разброса межрегиональных показателей шире. Здесь многодетное поведение реализовали от 11% в Витебской до 19,2% в Гомельской области. Соответственно, малодет-

ное поведение характерно для 36,9% женщин-матерей Гомельской области и для 51,3% Витебской. Межрегиональные различия в уровнях детности, а также в показателях репродуктивного поведения наиболее сильны между Витебской и Могилевской областями (см. рис. 7.13, 7.14). Различия между Могилевской и Гомельской областями выражены менее резко.

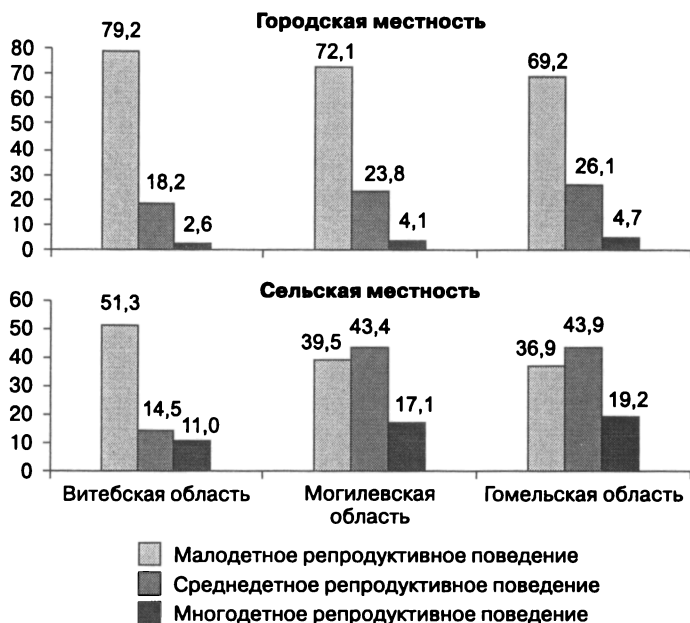

Рис. 7.15. Доля реализованных ориентаций на мало-, средне- и многодетное поведение в составе женщин-матерей контингента В, %

Хорошо известно, что уровень детности обратно пропорционален степени образованности населения. Перепись 1999 г. позволяет исследовать этот вопрос на примере семи видов образовательных статусов. В качестве таких статусов выступают:

- три вида профессионального образования (высшее, среднее и начальное);
- три вида общего образования (среднее, базовое и начальное);
- лица, не имеющие никакого образования.

Нами были проведены исследования для контингента В, в котором не только детность, но и образование носят исчерпывающий, т.е. законченный, характер. Все городское и сельское население в исследуемых регионах было разбито на семь образовательных групп. Для каж-

дой из этих групп исходя из численности женщин и рожденных детей определяли соответствующий ОКД. Результаты расчетов представлены в табл. 7.2.

Из таблицы видно, что при выбранном порядке чередования видов образования ОКД увеличивается. С уменьшением престижности составляющих видов профессионального образования ОКД для городского населения увеличивается, затем та же тенденция обнаруживается для общего образования. Для сельского населения при переходе от базового к начальному общему образованию наблюдается небольшой спад ОКД, который затем продолжается при следующем переходе к группе лиц, не имеющих никакого образования. Для одних и тех же образовательных групп ОКД повышается при переходе от городского населения к сельскому и при переходе от Витебского к Могилевскому, а затем и к Гомельскому региону.

Такого рода изменения в значениях ОКД не могут быть объяснены различием образовательных структур в территориальных группах регионов. Нами была проведена прямая стандартизация ОКД для городской и сельской местности. В качестве стандарта рассматривалась образовательная структура в городских и сельских поселениях Гомельской области. ОКД для территориальных групп других регионов пересчитывали по образовательной структуре стандарта. Результаты расчетов показывают, что стандартизованные ОКД, округленные до сотых, по существу не отличаются от нестандартизованных ОКД (см. табл. 7.2).

Существенное влияние на значение ОКД оказывает фактор территории — разные регионы при одном виде поселений (городские или сельские) или разные территориальные группы (город и село) в одном регионе. Для последнего случая характерно большее различие образовательных структур. Так, при стандартизации ОКД сельских поселений Гомельской области по образовательной структуре городских поселений значение стандартизованного ОКД уменьшается с 2,91 до 2,74. Другими словами, если бы образовательная структура в сельских поселениях Гомельской области была такой же, как и в городских поселениях, то произошло бы соответствующее снижение ОКД. В этом снижении однозначно проявляется фактор различия образовательных структур в территориальных группах населения. Снижение показателя в данном случае происходит за счет искусственного введения в структуру селян лиц, имеющих высокий образовательный статус и низкий уровень детности, а также за счет искусственного снижения доли лиц, имеющих низкий образовательный статус и более высокий уровень детности. Вместе с тем при единой образовательной структуре различия в уровнях детности в территориальных группах населения остаются — в селе детность выше.

Таблица 7.2
 Распределение относительного коэффициента детности (ОКД, детей на одну женщину) по территориальным и образовательным группам в регионах белорусского пограничья (контингент В)

Вид поселения	Регион (область)	Вид образования							ОКД в регионах	ОКД в регионах стандартизованный
		профессиональное			общее			без образования		
		ВПО*	СПО	НПО	СОО	БОО	НОО			
Городское	Витебская	1,593	1,752	1,811	1,826	1,950	2,041	2,466	1,87	1,87
	Могилевская	1,701	1,881	1,945	1,999	2,160	2,275	2,504	2,05	2,05
	Гомельская	1,708	1,887	1,919	2,009	2,185	2,429	2,827	2,10 (стандарт)	2,10 (стандарт)
Сельское	Витебская	1,994	2,210	2,343	2,407	2,616	2,538	2,358	2,49	2,50
	Могилевская	2,213	2,465	2,524	2,690	2,919	2,876	2,721	2,81	2,82
	Гомельская	2,263	2,488	2,564	2,715	2,996	2,983	2,897	2,91	2,91 (стандарт)

* В таблице применены аббревиатурные обозначения видов образования: ВПО — высшее профессиональное образование, БОО — базовое общее образование и т.д.

Таким образом, репродуктивное поведение женщин во многом зависит от географического расположения регионов (при одинаковом типе поселений) и типа поселений (в одном регионе). Уровень детности в белорусских регионах пограничья возрастает при продвижении с севера на юг, что соответствует общим закономерностям процесса урбанизации в регионах пограничья: в южных областях городское предложение было более слабым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XX в. в населении российско-белорусского пограничья происходили серьезные изменения. Их основной причиной стали процессы урбанизации. Они влияли на все базовые демографические процессы. В это время закончилось формирование городского типа воспроизводства населения с пониженной рождаемостью и смертностью, происходило активное перемещение сельских жителей в города. В отличие от довоенного периода, когда контакты города и села носили достаточно односторонний характер, а сельское демографическое развитие еще не испытывало серьезных деформаций под влиянием города, во второй половине XX в. городские стандарты демографического поведения активно утверждались в селе пограничья.

Как и до войны, активное перемещение сельского населения в города в немалой степени было обусловлено мероприятиями демографической политики государства. Однако либерализация политического режима, происшедшая в середине 1950-х гг., сделала возможной формирование прочной «обратной связи» между городом и селом, способствовала «урбанизации сознания» жителей деревни.

Цепь непродуманных решений предопределила крайне неблагоприятный сценарий демографической модернизации и выразилась в разноскоростной миграции полов из села в город. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. на большей части территории пограничья продолжалась активная миграция мужчин. Она еще более усилила дисбаланс полов, сложившийся в результате Великой Отечественной войны. Дефицит мужчин в свою очередь привел к активной миграции женщин, и в 1970-е гг. в полной мере проявилось явление, известное как «деревня без невест».

Дополнительную остроту демографическим процессам в регионе придавали местные поселенческие структуры. Сеть мелких поселений в большинстве областей пограничья не отличалась устойчивостью, поскольку была не в состоянии удовлетворить запросы сельских жителей на «городскую» инфраструктуру. С другой стороны, местные городские центры в глазах потенциальных мигрантов очевидно проигрывали по привлекательности мегаполисам — Москве, Ленинграду и Минску. Все эти факторы в конечном счете способствовали дальнейшей деградации демографических структур пограничья.

Притом что в советский период межреспубликанские границы чаще всего не способствовали обособлению территорий, демографическое развитие приграничных российских и белорусских областей

имело свои особенности. Более поздняя урбанизация Белоруссии в составе СССР в большинстве случаев позволила избежать многих катастрофических последствий, ставших причиной депопуляции обширных территорий российских областей. «Городское предложение» в Белоруссии было менее выраженным, а миграционная привлекательность Минска, при всей ее значимости, уступала влиянию Москвы и Ленинграда.

В каждой пограничной области Белоруссии, любой ее территориальной группе (город либо село) уровень естественного прироста населения был выше, чем в граничащей с ней областью или территорией России. Это наблюдение подтверждается в течение всего исследуемого периода. С другой стороны, нельзя не отметить известную общность демографических сценариев для белорусских Витебской, Могилевской и Гомельской областей и российской Брянской области («мягкий» вариант). Мелкоселенность и близость к мегаполисам Псковской и Смоленской областей позволяет определить их путь демографического развития как значительно более «жесткий». Большинство рассмотренных нами демографических процессов эволюционировало в регионе по двум направлениям: с востока на запад и с севера на юг. В правой верхней точке этой эволюции (северо-восток) находилась Псковская область (вариант демографического развития, близкий к катастрофическому), в левой нижней (юго-запад) — Гомельская область (наиболее сбалансированный сценарий).

Именно по этому пути шла эволюция естественного прироста в регионе (от положительного к отрицательному). Так же происходил и упомянутый переход от преобладающей мужской к женской миграции в города. Преобладание в миграционном потоке женщин впервые отмечается в Псковской и Смоленской областях еще в конце 1940-х — начале 1950-х гг. В Витебской и Могилевской областях этот процесс начал проявляться на пять лет позже, а в Гомельской и Брянской областях — еще через пять лет, т.е. в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Различие в скоростях деформирования половозрастных структур населения, а также в уровнях его воспроизводства привело к системному расхождению динамики многочисленных показателей, относящихся к белорусским и российским областям пограничья. Эти расхождения проявляются, например, в том, что в сельской местности российских регионов более интенсивно снижается относительная численность контингента жителей в трудоспособном возрасте; трудоспособное население российских регионов испытывает более высокую демографическую нагрузку со стороны старших поколений и соответственно более низкую — со стороны младших поколений.

Как можно судить по данным Всесоюзной переписи 1989 г., молодое население на российской территории проявляло более высокую брачную активность по сравнению с жителями смежных территорий Белоруссии. Для россиян характерны и более значительные масштабы прерванной брачности (определенные как суммарные разведенность и вдовство). В результате в средних и старших возрастных группах уровни брачности населения в российских регионах уже уступали белорусским. Отсутствие отдельной статистики по городу и селу не позволяет вычленить особенности процесса в территориальных группах. Из имеющихся данных можно вывести лишь общее умозаключение о меньшей конфликтности моделей брачного поведения в белорусских областях как о результате более органичного урбанистического перехода.

Анализ репродуктивного поведения женщин в белорусских регионах подтвердил действие отмеченной выше тенденции: показатели исчерпанной детности (определенные как суммарный специальный и общий коэффициенты детности) возрастают в направлении с севера на юг. Сказанное относится к женщинам, проживающим как в сельской, так и в городской местности. Доля многодетных сельских женщин находится в пределах от 11% (Витебская область) до 19,2% (Гомельская область). В городах соответствующий уровень показателей ниже, а диапазон их разброса — от 2,6 до 4,7%. Поскольку снижение количества рождений — проявление городской модели воспроизводства населения, в данном случае перед нами еще одно свидетельство модернизации демографического поведения под влиянием урбанизации. Очевидно, что указанная тенденция может быть экстраполирована на сопредельные российские регионы.

Рассмотрение современного демографического состояния приграничных областей помогает оценить последствия суверенизации начала 1990-х гг. Можно констатировать, что в современных условиях Россия и Беларусь все еще продолжают испытывать последствия демографических деформаций советских десятилетий. В то же время уход государства из сферы активного демографического регулирования достаточно благоприятно сказался на состоянии приграничных регионов. В последние годы наметились некоторые улучшения в характере естественного прироста, происходит постепенное выравнивание дисбаланса полов.

Беларусь значительно в меньшей степени, чем Россия, ощутила на себе последствия реформ 1990-х гг., хотя серьезные негативные воздействия испытали на себе демографические структуры обоих государств.

Сегодня Россия и Беларусь вынуждены решать проблемы, ставшие результатом не столько политических решений, сколько действия общих закономерностей урбанистического развития. В обоих государствах приняты программы по увеличению рождаемости. Уже в ближайшее время вслед за Западной Европой придется преодолевать трудности, связанные с общим старением населения.

Ждет своего решения и проблема, связанная с обезлюдением сельской местности. В Беларуси по причинам географического свойства она стоит менее остро. Что можно сделать в связи с этим? В условиях формирующегося постиндустриального общества теряет прежнюю актуальность идея размещения на селе трудоемких производств, как это предлагалось делать в советское время. Сегодняшние молодые люди все чаще склонны связывать свою будущую карьеру с работой в сфере интернет-технологий, сервиса, интеллектуальной занятости. Такое поведение в эпоху глобализации носит универсальный и, видимо, необратимый характер. Предложение трудоемкого немеханизированного труда, в том числе в сельском хозяйстве, неизбежно будет сокращаться. Среди вариантов развития сельской местности в такой ситуации видятся размещение высокотехнологичных производств, субурбанизация, т.е. коттеджное заселение с развитой инфраструктурой, рекреационное освоение загородных зон.

К сожалению, вряд ли можно строить долгосрочные планы, рассчитывая на иммиграцию из стран ближнего зарубежья. В последнее время она претерпела серьезные изменения. Если в середине 1990-х гг. в Россию и Беларусь ехали русскоязычные мигранты, некоторые из которых были готовы селиться и в сельской местности, то с начала 2000-х гг. в составе мигрантов абсолютно преобладают выходцы из среднеазиатских республик, едушие преимущественно в крупные города, как правило, на временные заработки. Судя по статистике последних лет, внешняя миграция далеко не покрывает естественную убыль российского населения. В Беларуси положение немногим лучше.

Опыт бывшего СССР убеждает — универсальных рецептов, прописанных без учета состояния поселенческой сети, демографического, экономического, социального положения региона, не существует. Любая концепция развития территории помимо главной стратегической цели должна быть совокупностью региональных программ, учитывающих все критически важные параметры, необходимые для реализации проекта, — местные особенности, доступные ресурсы, возможные источники роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Брянского края за 1916—1985 годы. Т. 1—2. Тула, 1987.
2. Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. М., 1988.
3. Алексеев А.И. География сельской местности. М., 1989.
4. Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990.
5. Алексеев А.И. Нечерноземный Чернобыль // СССР : демографический диагноз. М., 1990.
6. Алексеев А.И. Сельское расселение как фактор образа жизни // Динамика расселения в СССР. М., 1986.
7. Алексеев А.И., Ткаченко А.А. Из истории территориальной организации сельской местности Нечерноземья // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993.
8. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
9. Ахиезер А.С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.
10. Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1.
11. Беларусь в контексте современных миграционных процессов. URL : www.centis.bsu.by/metod/publ/migration.doc
12. Белорусское Полесье : проблемы развития и размещения производительных сил / под ред. С.И. Сидора. Минск, 1983.
13. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование : монография / отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М., 2005.
14. Береснев М.П. Влияние социально-экономических факторов на обеспеченность трудовыми ресурсами сельского хозяйства // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1976.
15. Борисенок Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX века) // Вопросы истории. 2003. № 3.
16. Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997.
17. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992.
18. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
19. Глазачев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Т. 1. М., 1995.
20. Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 годы) и советская модель урбанизации. М., 2002.
21. Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2.

22. Города Беларуси. net. URL : <http://belaruscity.net>
23. Граудт С. Староверы: неправославные православные. URL: <http://www.tol.cz/look/TOLrus/article.tpl?IdLanguage=6&IdPublication=16&NrIssue=51&NrSection=8&NrArticle=10992>
24. Давидович В. Г. Расселение в пригородных зонах (количественные закономерности) // Расселение в пригородных зонах // Вопросы географии. Вып. 87. М., 1971.
25. Данилов В. П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.) // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976.
26. Демографическая модернизация России. 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006.
27. Денисова Л. Бабыня доля // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX века) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. М., 1996.
28. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России : Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996.
29. Довнар-Запольский М. В. СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР). М.; Л., 1928.
30. Духовные центры старообрядчества. URL : <http://www.sunhome.ru/religion/12262>
31. Евдокимов М. Ю., Костюченко М. И. Влияние эффекта пограничности на трансформацию системы расселения Смоленской области // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы : материалы 12 международной конференции молодых ученых. URL : <http://www.sovmu.spbu.ru/main/conf/map-nat-soc/2001/13-1.htm>
32. Еврейская электронная энциклопедия. URL : <http://www.eleven.co.il>
33. Елизаров В., Федотовская Т. Динамика рождаемости и демографическая политика в России в XX веке. URL : <http://www.demoscope.ru/popul/popul16.html>
34. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
35. Зайончковская Ж. А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию. URL : http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html
36. Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах: методы изучения приживаемости. М., 1972.
37. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.
38. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
39. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999.
40. Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
41. Игудина А. И. Социально-географические факторы динамики сельского населения на территории Нечерноземной зоны РСФСР (1959—1979 годы) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1982.

42. История и этнокультурная динамика российско-белорусского пограничья. URL: <http://by.ethnology.ru/win/border.htm>
43. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. М., 2004.
44. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. БССР. М., 1963.
45. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.
46. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972.
47. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1989.
48. *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав. М., 1990.
49. *Казаков А. И.* Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск, 1988.
50. *Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999.
51. *Карачурина Л.* Региональные особенности российской демографической ситуации // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 273—274. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0273/analit05.php>
52. *Ковалев С. А.* Сельское расселение. М., 1963.
53. *Ковалев С. А.* Структурные изменения в составе сельских поселений Нечерноземья и прогнозирование расселения // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993.
54. *Красовский К. К.* Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ. Брест, 2004.
55. *Кутафьева Э. С., Москалева Н. И., Папенков К. В., Трудова М. Г.* Миграция сельского населения (в Центральном экономическом районе). М., 1971.
56. *Ланно Г.* Городские агломерации СССР — России: особенности динамики в XX веке. URL : <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1924&ids=154>
57. *Ланно Г. М., Полян П. М.* Результаты урбанизации в России к концу XX века. URL : http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/prostranstvo_goroda/results_urbanizatsii
58. *Лин Д. Г.* Социальные последствия деформации половозрастной структуры сельского населения Беларуси // Социальные проблемы современного села в экономическом и социологическом измерении: материалы междунар. научно-практической конференции. Горки, 2007.
59. *Лин Д. Г., Горбачев О. В.* Динамика демографического потенциала территории белорусско-российского пограничья // Международное сотрудничество приграничных регионов : история, экономика, политика, культура: материалы международной научно-практической конференции, Курск, 19—20 сентября 2011 г. Курск, 2011.
60. *Лин Д. Г., Предыбайло С. Д.* Деформирование половой структуры населения при его миграции в белорусско-российском пограничье // Вестник славянских вузов. 2009. № 1.
61. *Лин Д. Г., Горбачев О. В., Предыбайло С. Д.* Динамика структуры трудоспособного населения белорусско-российского пограничья // Вестник славянских вузов. 2011. № 3.

62. *Лин Д.Г., Предыбайло С.Д.* Сельское население Беларуси: демографический анализ. Гомель, 2008.
63. *Мазур Л.Н.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.
64. *Манак Б.А., Антипова Е.А.* Экономико-географический анализ демографической ситуации и размещения населения Республики Беларусь. Минск, 1999.
65. Материалы к вопросу о районировании Западной области РСФСР. Смоленск, 1928.
66. *Медков В.М.* Демография : учебник. М., 2003.
67. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). Т. 1—2. СПб., 1999.
68. Могилевская область. Минск, 1988.
69. *Москвитина Р.А.* Социокультурные процессы российского села (70—90-е годы XX века) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1998.
70. Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. М., 1990.
71. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991.
72. Население Республики Беларусь. Минск, 2007.
73. Население Республики Беларусь : стат. сборник. Минск, 2011.
74. Национальный состав населения Республики Беларусь, его демографические характеристики и образовательный уровень : стат. сборник. Т. II. Минск, 2001.
75. *Немцов А.В.* Алкоголь и смертность: девяностые годы // Население и общество. 2001. № 19—20. 7—20 мая. URL : <http://demoscope.ru/weekly/019/tema03.php>
76. *Немцов А.В.* Алкогольная смертность в России, 1980—1990-е годы. М., 2001.
77. *Никитаева Е.Б.* Исчезающая деревня (1960 — середина 1980-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
78. *Никонов В.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII—XX века). М., 1995.
79. *Панкратова М.Г.* Сельская женщина в СССР. М., 1990.
80. *Переведенцев В.И.* Страна мигрантов // Смена. 1991. № 4.
81. *Пивоваров Ю.Л.* Современная урбанизация: сущность, факторы и особенности изучения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972.
82. *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация в России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 1.
83. *Польский С.А.* Урбанизация Белорусской ССР. Минск, 1985.
84. *Польский С.А., Козлов Г.С.* Социально-экономические проблемы урбанизации БССР // Природные и социально-экономические условия Белорусской ССР. Минск, 1984.
85. *Попов В.П.* Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е годы (на примере российской деревни) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.

86. *Поташенко Г.* Русские старообрядцы в Великом княжестве Литовском: становление древлеправославной традиции. URL : <http://www.historia.ru/2002/04/potashenko.htm>
87. *Предыбайло С.Д.* Деформирование половозрастной структуры сельского населения Беларуси и его социальные последствия. Гомель, 2008.
88. Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР : проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса. М., 1977.
89. Псковская область. Официальный сайт. URL : http://www.pskov.ru/ru/heritage/arhiv/velilikie_luki
90. *Ридевский Г.В.* Городские поселения Республики Беларусь: новые преобразования и основные демографические показатели // Геогр. : проблемы выкладания. 2006. № 1.
91. Россия и Беларусь: этнокультурный диалог : электронная коллекция. URL: <http://by.ethnology.ru/win/border.htm>
92. Россия и ее регионы в XX веке: Территория. Население. Миграции. М., 2005.
93. Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1991.
94. *Сенявский А.С.* Российский город в 1960—1980-е годы. М., 1995.
95. *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003.
96. Смоленская область. Краеведческий словарь. М., 1978.
97. Советская деревня на современном этапе. Воронеж, 1974.
98. *Соскиев А.Б.* Структура трудовых ресурсов сельского хозяйства // Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975.
99. Социально-демографическое развитие села: межрегиональный анализ / под ред. Т.И. Заславской. М., 1980.
100. Социальный атлас российских регионов. URL : <http://atlas.socpol.ru/portraits/smol.shtml>
101. Социокультурный контекст отечественных модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М., 2000.
102. *Староверов В.И.* Социально-демографические проблемы деревни (методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения). М., 1975.
103. *Староверов В.И.* Социологическое изучение миграции сельского населения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1979.
104. Страны и народы. Советский Союз. Республики Прибалтики. Белоруссия. Украина. Молдавия. М., 1984.
105. *Стронгина М.Л.* Социальное развитие села: поселенческий аспект. М., 1986.
106. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир : развитие России глазами страноведа. М., 2009.
107. Урбанизация и демографические процессы. М., 1982.
108. Факторы экономического роста Псковской области. URL : <http://works.tarefer.ru/102/100119/index.html>

109. *Хорев Б.С., Лиходед В.Н.* Житель села — работник города. М., 1982.
110. *Шарухо И.Н.* Культурно-географические особенности городского расселения Беларуси и их влияние на городскую культуру. URL : http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Geographia/18668.doc.htm
111. *Шахотько Л.* Население Белоруссии накануне переписи. Статья вторая. Рождаемость — столетие снижения // Население и общество. 2009. № 393—394. 12—25 окт. URL : <http://demoscope.ru/weekly/2009/0393/print.php>
112. *Шахотько Л.П., Куделка Д.Н.* Этноязыковый состав населения Беларуси // Вопросы статистики. 2002. № 11.
113. *Шупер В.А.* Синергетический подход к российской урбанизации. URL : <http://spkurdyumov.narod.ru/ShuperSlava.htm>
114. Экономическая география Белоруссии. Минск, 1982.
115. *Johnson R.E.* Peasant and Proletariat: migration, family patterns, regional loyalties // *The World of the Russian Peasant : post emancipation culture and society.* Boston etc. 1990.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок
